

ЖЮЛЬ ВЕРН

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ С КОММЕНТАРИЯМИ

Подарочные издания. Иллюстрированная классика

Жюль Верн

**Дети капитана Гранта.
Иллюстрированное
издание с комментариями**

«ЭКСМО»

1867, 2023

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

Верн Ж. Г.

Дети капитана Гранта. Иллюстрированное издание
с комментариями / Ж. Г. Верн — «Эксмо», 1867,
2023 — (Подарочные издания. Иллюстрированная классика)

ISBN 978-5-04-195000-2

Впервые в России коллекционное иллюстрированное издание культового романа Жюль Верна с комментариями. «Дети капитана Гранта» — вышедшие в 1868 году, переведенные на десятки языков и множество раз экранизированные — без преувеличения, самое знаменитое произведение Жюль Верна, ставшее образцом приключенческой литературы. Девушка и мальчик в компании аристократа, его жены, чудаковатого профессора, старого морского волка и закаленного в боях майора отправляются в рискованную кругосветную экспедицию. Переплывают несколько океанов, преодолевают горы, джунгли и пустыни в Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Спасаются от пожаров, наводнений, злобных каторжников и диких людоедов. Найдут ли они своего отца, капитана Гранта, потерпевшего кораблекрушение? Издание позволит перенестись в мир, каким он был почти два столетия назад, и вместе с героями романа увидеть далекие моря и страны, их жителей и экзотических животных, природные чудеса и достижения цивилизации, узнать множество интересных историй и познакомиться с биографией автора. Помогут в этом более 300 классических рисунков и подробные комментарии известного писателя и исследователя Андрея Буровского. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-195000-2

© Верн Ж. Г., 1867, 2023

© Эксмо, 1867, 2023

Содержание

А. М. Буровский	8
Введение первое, или: Кто такой месье Жюль Верн	8
Люди, которым я благодарен	9
Проблема переводов	16
Писатель-путешественник	19
Сбывшееся и несбывшееся	22
Очень буржуазная биография	29
Жюль Верн в городских легендах	29
Начало	31
Еще раз о счастье и несчастье	39
Рождается Жюль Верн	41
Введение второе, или: Книжки месье Жюль Верна	46
Что же он писал	46
Жюль Верн в России	53
Поздний Жюль Верн	57
Посмертная жизнь Жюль Верна	67
Введение третье, или: Жизнь Жюль Верна после физической смерти Жюль Верна	74
Сын, внук и правнуки	74
Основатель направления в литературе	76
Влияние на науку	76
Вдохновитель инженеров и ученых	81
Учитель учителей	86
Почему он жив до сих пор: Жюль Верн, воспевающий героев	88
Певец могущества человека	93
Почему это интересно, или: Никакой политкорректности	95
Почему это интересно, Или Певец свободы	98
Экранизации книг Жюль Верна	99
Память человечества	101
Цикл о капитане Немо	102
Примечания к введению	106
Жюль Верн	119
Часть первая	119
Глава I	119
Глава II	126
Глава III	131
Глава IV	137
Глава V	141
Глава VI	148
Глава VII	155
Глава VIII	159
Глава IX	164
Глава X	170
Глава XI	178
Глава XII	184
Глава XIII	192

Конец ознакомительного фрагмента.

194

Жюль Верн

Дети капитана Гранта

© Буровский А.М., предисловие, комментарии, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

А. М. Буровский

Земле нужны не новые континенты, а новые люди.
Жюль Верн

Введение первое, или: Кто такой месье Жюль Верн

Так уж создан человек: в нем всегда живет потребность создать что-нибудь прочное и долговечное, которое бы его пережило, и в этом до известной степени заключается господство человека над всем остальным.
Жюль Верн

Жюль Габриэль Верн (1828–1905) считается одним из основоположников жанра научной фантастики. Его до сих пор активно издают, читают, переводят.

По данным международной книжной статистики, к началу 1970-х годов по числу переводов на языки народов мира он занимал третье место, уступая лишь Ленину и Шекспиру.

В 1976 году Статистический ежегодник ЮНЕСКО зарегистрировал новый рекорд – Жюль Верн вышел на первое место – 156 переводов! В начале XXI века на первое место вышла Агата Кристи, но Жюль Верн уверенно держит второе.

В России такой значительный издатель, как Петр Петрович Сойкин в 1906–1907 годах выпустил практически полное собрание сочинений Жюль Верна.

В 1917 году издательство Ивана Дмитриевича Сытина выпустило собрание сочинений Жюль Верна в шести томах, где публиковались даже малоизвестные романы «Проклятая тайна», «Властелин над миром», «Золотой метеор».

В СССР Жюль Верн оказался «буржуазным» писателем, но и в начале-середине 1920-х его издавали и читали. После переворота И. В. Сталина в 1929 году на нашу несчастную родину хотя бы частично возвращалась нормальная жизнь, а вместе с ней и статус Жюль Верна как одного из ведущих писателей мира. 9 сентября 1933 году ЦК КПСС выпустил постановление «Об издательстве детской литературы».

В 1936 издательство «ДЕТГИЗ» запустило серию «Библиотека романов и повестей». В 1937 название сменили на «Библиотеку приключений», с конца 1940-х название неоднократно менялось («Библиотека научной фантастики», «Библиотека научной фантастики и приключений»).

С 1953 утвердилось привычное название «Библиотека приключений и научной фантастики». Оно прожило до 1993, когда слово «научной» из названия выпало. И чего только с 1993 года не издавали...

До 1993 года в серии вышло 285 книг. Некоторые – несколькими изданиями. Первым стали издавать Жюль Верна. «Из пушки на Луну» издали в 1936 и 1937. «Таинственный остров» – в 1936, 1937, 1949, 1951, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, 1986 и 1994 годах. «20 тысяч лье под водой» – в 1936, 1937, 1949, 1950, 1952, 1975, «Дети капитана Гранта» – в 1936, 1937, 1949, 1950, 1951, 1955, «Пятнадцатилетний капитан» – в 1937, 1950, «Пять недель на воздушном шаре» – в 1937, 1938, 1939.

В 1954–1957 годах вышло из печати 12-томное собрание наиболее известных произведений Жюль Верна¹. В 1985 году последовал 8-томник в серии «Библиотека «Огонек».

¹ Жюль Верн Собрание сочинений в 12 тт. – М.: Госхудлитиздат, 1954–1957

В Советском Союзе Жюль Верн был пятым по издаваемости зарубежным писателем. «Обогнали» его только Андерсен, Джек Лондон, братья Гримм и Шарль Перро. В 1918–1986 годах книги Жюль Верна издавались в СССР 514 раз на 23-х языках составив общий астрономический тираж 50 943 000 экземпляров.

Люди, которым я благодарен

В России два человека профессионально занимались творчеством Жюль Верна: Евгений Павлович Брандис и Андрей Дмитриевич Ба-лабуха. К сожалению, о каждом из них, как о многих специалистах, знает лишь ограниченный круг лиц – в результате об их жизни и работе сравнительно просто наврать. К еще большему сожалению, о Е. П. Брандисе массовый читатель может составить представление не только по его многочисленным книгам, не только по статьям в интернете, но и по безграмотным творениям Михаила Веллера. В обычном для него развязно-ерническом тоне он позволяет себе «пересказывать» якобы сообщенное ему: «Покойный Евгений Павлович Брандис рассказывал: В сорок девятом его, кандидата-филолога-германиста, за пятый пункт турнули из Пущдома и напугали на всю оставшуюся жизнь. И остался он без работы. И никуда не брали. А семья, дочка, кормиться надо. Изредка разрешали где-нибудь платную лекцию или выступление. Да таллиннская «Вечерка» брала статьи к юбилеям русских писателей. Но какой-то детский клуб вела его добрая знакомая, и вот она приглашала его почаще рассказывать детишкам о всяких интересных книжках. А круг дозволенных интересных книжек был сужен до предела. Одним из незапрещенных оставался Жюль-Верн: нет, в плане борьбы с низкопоклонством перед Западом тоже не издавали, но поминать запрещено, вроде, не было. И через несколько лет такой жизни Брандис, подначитавшись и поднаторев в безопасном и безвредном Жюль-Верне, даже написал трехлистовую брошюрку, и даже ее маленьким тиражом издал как-то под каким-то скромным методическим грифом.

Евгений Павлович Брандис. Фотография представлена А. Д. Балабухой.

А тем временем умер Сталин, пошла большая чехарда в верхушке, и первый красный офицер Ворошилов оказался на курировании культуры. И директор Гослитиздата, соответственно, и явился к нему подписывать планы выпуска литературы на будущий год.

– Вот так, – рассказывал Брандис, – у нас вышел роскошный, по сути – академический, двенадцатитомник Жюль-Верна, какого никогда не издавалось во Франции, да и нигде в мире. А я сделался специалистом по Жюль-Верну и потом получил уведомление от международного Жюль-верновского общества, что меня приняли в его ряды – а в нем всего триста человек. Правда, – вздыхал он, – на его ежегодные заседания меня в Париж так ни разу и не пустили».

В этом тексте почти каждое слово – вранье, так что придется комментировать.

Первое: Брандиса никогда не «туряли» их Пушкинского дома по той простой причине, что он там никогда не работал. Ничего подобного рассказывать он не мог. Никому.

Второе: В 1949 году Брандиса вообще ниоткуда не «туряли». В этом году и много позже он вполне благополучно трудился в должности доцента Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской – сегодня это Институт культуры им Н. К. Крупской.

Третье: Брандиса «изгнали» из Публичной библиотеки, где он трудился библиографом. И не в 1949, а в 1952. В том же 1952 Евгений Павлович был изгнан и из До 1 сентября 1952 года. И не за происхождение, а за «антисоветские высказывания».

Четвертое: Всемирно признанным специалистом по творчеству Жюль Верна Евгений Павлович Брандис стал не потому, что после изгнания с официальных мест работы уцепился за «безопасного Жюль Верна». О Жюль Верне он читал лекции, как доцент Библиотечного института. Еще в 1940 году, когда разрабатывал и читал курс истории зарубежной литературы и спецкурс библиографии зарубежной литературы.

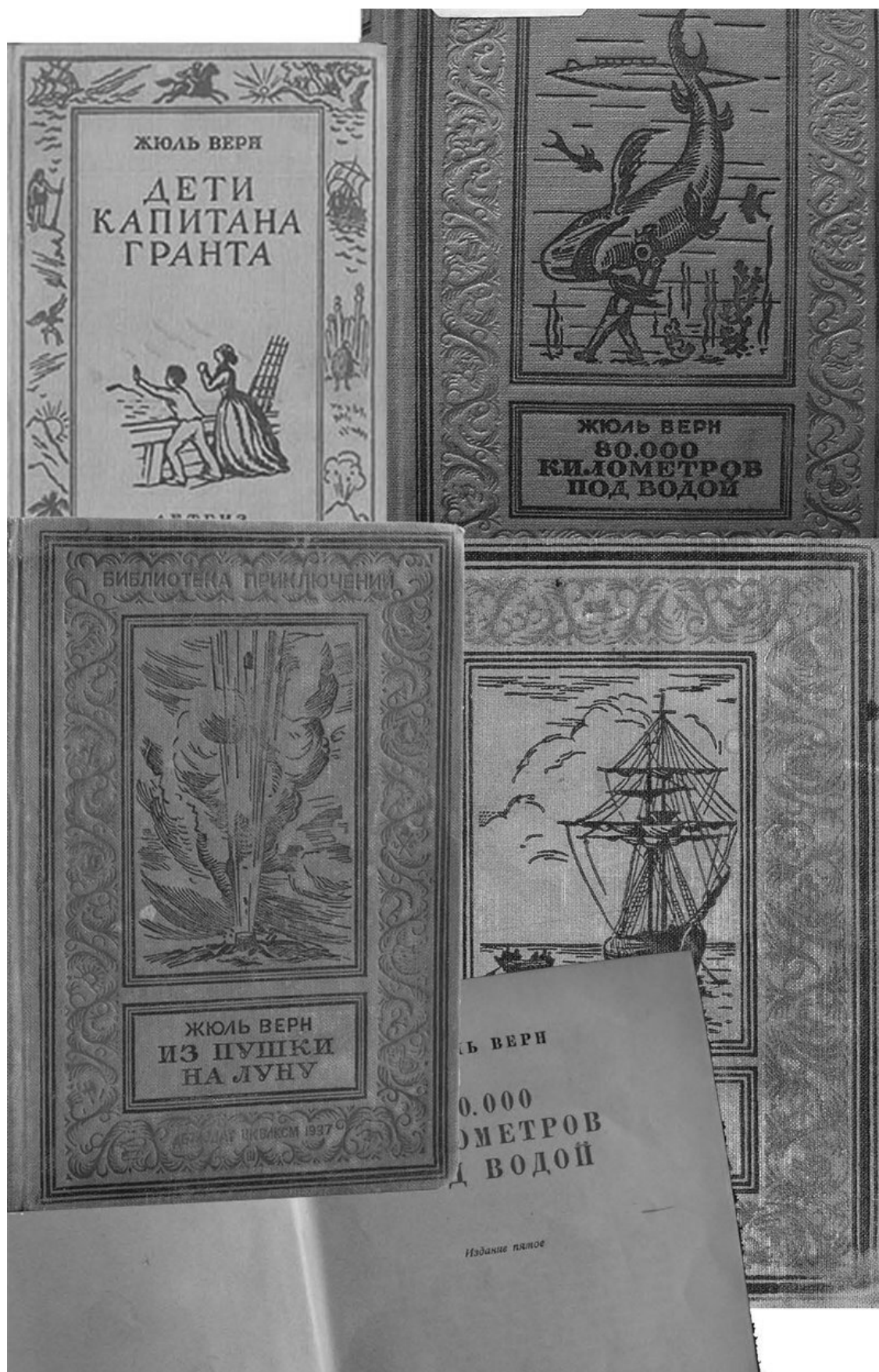
С 1930-х годов он переводил Жюль Верна – часто вместе со своей первой женой, Ниной Моисеевной Брандис, урожденной Цалик (1917–1988). Нина Моисеевна профессионально переводила и Жюль Верна, и Жоржа Сименона, и других французских писателей.

Пятое: вранье, будто Жюль Верна в сталинское время не печатали. Как раз печатали большими тиражами. В пугале либеральной «интеллигенции», 1937 году, вышли «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Пять недель на воздушном шаре», «Из пушки на Луну», «Таинственный остров», «20 тысяч лье под водой». Переиздавали и в другие 1930-е. «Детей капитана Гранта» экранизировали в 1936, песня из него стала народной, ее постоянно «крутили» на радио. Неужели Веллер не смотрел этого детского фильма? Неужели не слышал классического «А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер...»?

Впрочем, в сталинское время экранизировали еще «Таинственный остров» в 1941 году и «Пятнадцатилетнего капитана» в 1945.

Шестое: «трехлистовые брошюры» для библиотечных работников Брандис писал. Но вранье, будто он не писал и не публиковал ничего больше. Печататься Брандис начал с 1939. Ему принадлежит свыше 350 работ, которые выходили и в 2 «безработные» года – с 1952 по 1954. В эти годы Евгений Павлович Брандис тоже активно издавался: писал предисловия к изданиям зарубежных писателей и статьи об их творчестве. Общее число этих статей наверняка превышает цифру 30. В первый безработный год он нуждался, а потом сумма его доходов заметно превысила зарплату безвестного библиографа.

Седьмое: Брандис сделался «жюльверноведом» совершенно независимо от издания 12-ти томного собрания сочинений Жюль Верна в 1954–1957 годах.

Обложки книг Жюль Верна выпущенные в 1937, 1948, 1951 годах.

Восьмое: Собрания сочинений Жюль Верна во Франции выходили. В том числе в 1927 году. Ничего фантастического в издании 1954–1957 годов нет. Опять то ли сознательное вранье, то ли невежество. Девятое: Не знаю, какое из «международных Жюль-Верновских обществ» имеет в виду Михаил Веллер: Парижское или Амьенское. Брандис был членом обоих этих обществ, но на заседания ни одного из них никогда не пытался приехать.

Мне всегда казалось, что если берешься писать о человеке – изволь узнать хотя бы самые общие сведения. Например, откуда именно его увольняли, что именно и когда он писал. К сожалению, Веллер цинично надругался над обоими требованиями.

К тому же писателю не стоит представлять своего героя (в том числе Евгения Павловича) в роли несчастного и гонимого. Можно изрядно ошибиться. Выступал Брандис и в не особенно почтенном жанре доносчика. Донес, среди прочего, на автора известной «уличной» песни «Жемчуга стакан» (другие версии названия – «Стою себе на месте», «Стою себе на стреме»), Ахилла Григорьевича Левинтона (1913–1971). Он не только написал донос, но и выступал на суде свидетелем обвинения.

Было это в том самом 1949 году, когда якобы самого Брандиса увольняли «за пятый пункт», то есть за еврейское происхождение. Ахилла Григорьевича посадили тоже вовсе не за принадлежность к еврейству, а за совершенно конкретные деяния – другой вопрос что считать их преступными могли только в совершенно обезумевшем государстве. Но Левинтон действительно получил 25 лет, а в 1954 был амнистирован. И жил с 1954 года литературным трудом... Его биография намного больше похожа на ту, которую Веллеру хватает «совести» приписывать Брандису.

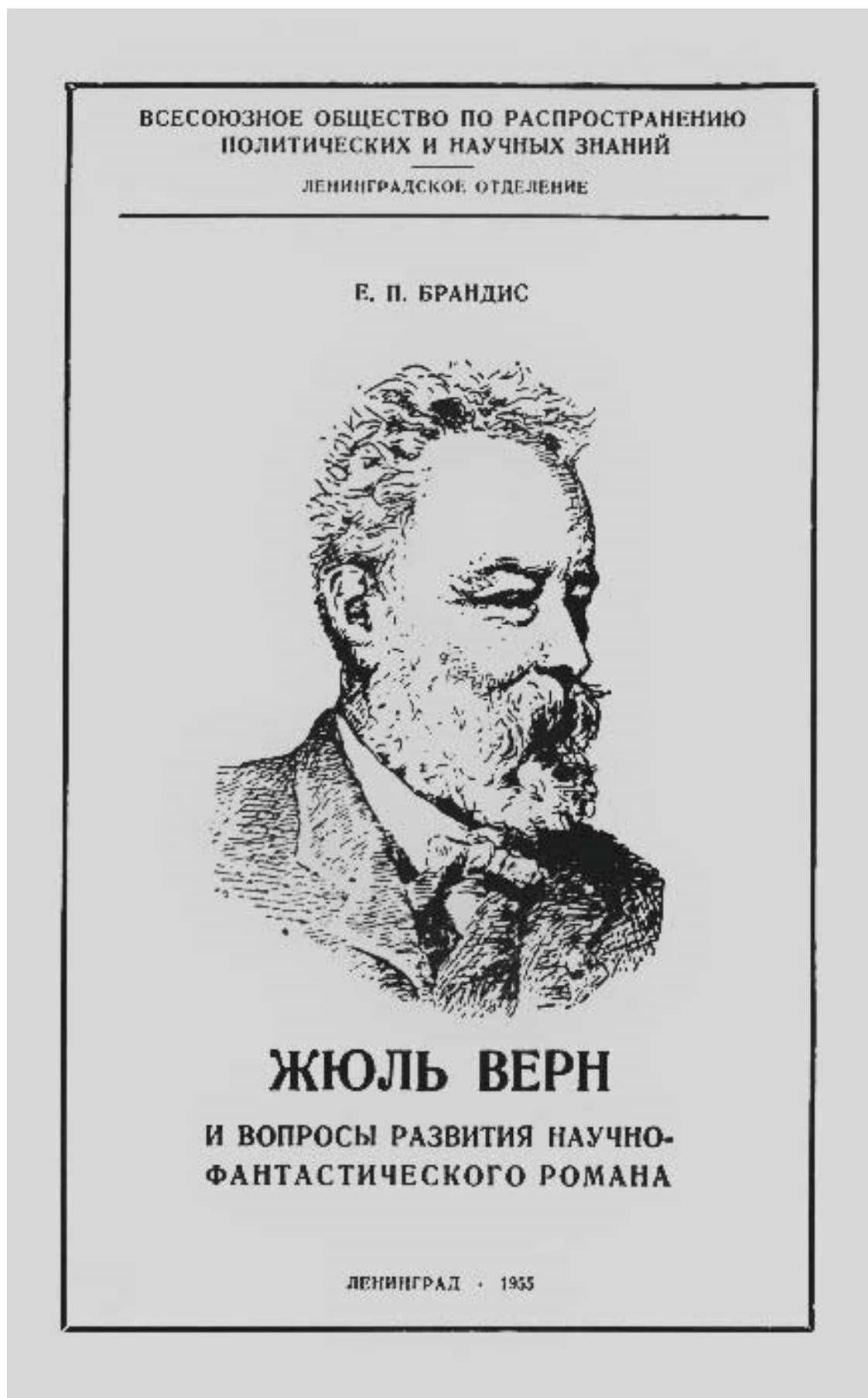
Я же в моих изысканиях постоянно опирался на сочинения Евгения Павловича Брандиса – не выдуманного Веллером, а реального. Благо, по тематике Жюль Верна, опубликовал он немало книг, и действительно собрал очень большой материал. Вторым моим консультантом стал Андрей Дмитриевич Балабуха. После смерти Е. П. Брандиса это, наверное, самый серьезный специалист в России по Жюлю Верну. По крайней мере более информированного человека я не знаю. От Андрея Дмитриевича я узнал немало подробностей, которые позволили мне словно бы соединить пазлы различных, порой противоречащих друг другу знаний о Жюле Верне.

В числе прочего, от него я узнал о Жюле Верне как великолепном мастере слова, непревзойденном стилисте и поэте. И о том, почему мы до сих пор читаем Жюль Верна в основном в скверных переводах. На высказывания и оценки Балабухи мне придется ссылаться еще не раз.

Надо было уточнить названия рыб, животных и моллюсков. Мало того, что они изменялись, и приводятся устаревшие, так Жюль Верн использовал то научные, то народные, а то даже иносказательные названия. А то ссылался на книги, которые почти забыты в наше время. Эту работу выполнил аспирант Зоологического института РАН Александр Острошабов. Он сделал много ценных замечаний и уточнений.

Много замечаний о моллюсках подарили для этой книги сотрудники Зоологического института РАН, кандидаты биологических наук Игорь Владимирович Доронин и особенно Павел Владимирович Кияшко. Спасибо им!

Все технические описания Жюль Верна на сто рядов нуждаются во-первых, в проверке: он и ошибался, и совершенно сознательно «путал» многие описания. Особенно когда рассказывал о создании опасных взрывчатых веществ. Да к тому же многие технологические процессы изменились до неузнаваемости.

Обложка книги Е. П. Брандиса о Жюле Верне, вышедшая в 1955 году.

Все связанное с техническими характеристиками «Наутилуса» я попросил прокомментировать своего племянника, инженера по созданию подводных аппаратов, Александра Федорова.

Проблема переводов

С переводами Жюль Верну очень повезло, потому что переводили его постоянно и много. Одновременно не повезло – переводили его очень плохо. Причем не только на русский... На английский его переводили с 1860-х годов – но считая чисто детским писателем. С его текстами и поступали соответственно: сокращали процентов на 20–40, выбрасывая и все научные описания, и уж тем более политическую критику. Если в произведении появлялся хоть один «отрицательный» англичанин, книгу в Британии вообще не переводили и не издавали, а позже начали выбрасывать вообще все, что касается Англии.

Другой вопрос, что Гленарвана и майора Мак-Набса Жюль Верн представлял, как шотландских патриотов и чуть ли не врагов Англии.

А в Британии их последовательно считали «своими»; враждебных Англии выпадов этих героев Жюль Верн просто не замечали. Выбросили место, где оказывается: миссионеры так научили географии маленького австралийца Толине, что он искренне считает принадлежащим Англии весь Земной шар, и убежден – Луна тоже скоро будет принадлежать Англии.

«Детские романчики» публиковали, выбрасывая, переписывая, переставляя местами целые главы, переименовывая героев. Возникла путаница; мотивы и характеры героев становились совершенно непонятными, их поступки – ничем не оправданными. Вместо увлекательного рассказа о морях, приключениях и достижениях науки оставались одни приключения.

Сам Жюль Верн много раз возмущался и протестовал...но что толку? Корректно переводить его на английский язык так и не начали до середины 1960-х годов. Даже сегодня намного чаще публикуются более ранние, скверные переводы – ведь они давно находятся в общественном достоянии, платить никому не надо – бери и пользуйся.

Переводам на русский язык повезло больше – их все-таки меньше калечили из идейных соображений. Но все же калечили порой и «идейно», а главное потому, что торопились. В Российской империи почти все романы Жюль Верна перевели и издали сразу вслед за французскими изданиями, буквально на протяжении 3–4 месяцев после выхода романа на французском.

Конечно же, мгновенно переводимые романы многое теряли из-за спешки, а еще больше из «экономии». Издатели давали текст романа сразу нескольким почти бесплатным «переводчикам»: студентам и чуть ли не гимназистам. Обходился текст на русском очень дешево, но одного и того же героя могли в одной главе звать Антифор, а в другой – уже Анцифер, название города изменялось с Ливона на Лион, а об уровне художественного перевода просто не хочется упоминать, чтобы не плакать.

Тут надо заметить, что вообще искусство перевода требует вникать в содержание, становится чуть ли не соавтором, сохраняя скромную личину переводчика. Даже в качественном переводе возникают иногда просто фантастические неточности. Переводя «Остров сокровищ», Николай Чуковский перепутал два английских слова... И квартирмейстер, второй человек на пиратском корабле, страшный рубака Джон Сильвер, превратился у него в скромного корабельного кока. Стало не особенно понятно – а чего это капитан Флинт боялся собственного кока? С каких щей и прочих обедов кок сделался такой значительной фигурой?

Андрей Дмитриевич Балабуха рассказывает о Жюле Верне.

Уточню еще – квартирмейстер у пиратов был не чем-то вроде суперкарга, заведующим материальными ценностями. Вроде бы, это следует из названия... Но квартирмейстер был вторым человеком после капитана, главой всех вооруженных людей на борту. Он возглавлял абордажи, нападения на города, пешие вылазки... Такого и капитан бандитского корабля испугается.

Андрей Дмитриевич Балабуха в своем кормящем и вмещающем ландшафте – у себя дома. Рядом – мой племянник Саша Федоров.

Это пример того, как неточный перевод сделал непонятным часть содержания повести, запутал читателя. А ведь переводы с английского обычно получались качественнее, чем с французского. И язык сложнее, и требует больше перевода не столько смыслового, сколько художественного. Всегда и со всех языков есть огромная разница между смысловым и художественным переводом. Для технической и специальной литературы смыслового перевода вполне достаточно. А вот художественное произведение приходится переводить совсем иначе! Французы писали более красочно, более изысканно. Переводы не всегда отражали красоту и стиль произведения. Ведь переводчик художественного текста должен не только знать язык, он и сам должен обладать литературным дарованием. Ему даже сложнее, чем автору: тот пишет и пишет, как он дышит... А переводчик должен максимально точно воспроизвести текст автора на другом языке.

Советские переводы лучше дореволюционных, но ненамного: переводчики все равно торопились. И не обладали литературным даром, сравнимым с авторским.

После «перестройки» Жюль Верна по меньшей мере 40 раз переиздавали мелкие частные издательства: «возрождая Россию», они воспроизводили дореволюционные издания в дореволюционных же переводах: с современной орфографией, но с неадаптированной стилистикой.

Есть приятные исключения – серия «Неизвестный Жюль Верн», которую в 29 томах выпускало издательство «Ладомир» с 1994 по 2010 год. Тут переводы получше.

Тем не менее и в России Жюль Верну с переводами не повезло. Он знаменит, его читают и переиздают – но в переводах, качество которых остается удручающе низким.

В результате представление о Жюле Верне получается у нас довольно-таки однобоким. Что знают в России о Жюле Верне? Что он – основатель научной фантастики. Что он предсказал многие научные открытия. Что он – один из самых знаменитых писателей за всю историю человечества. Что он мастер увлекательных сюжетов и умел придумывать замечательные приключения. В то же время «все знают», что он скверный стилист. Вплоть до сказанного мне

одним неглупым профессором: «Ну до чего классный фантаст и до чего скверный писатель!». И до уверенности, высказанной другим неглупым человеком: если бы не научные предвидения и не рассказы о последних достижениях науки – так сказать, если бы не просвещение почтеннейшей публики – никогда бы Жюль Верн не состоялся.

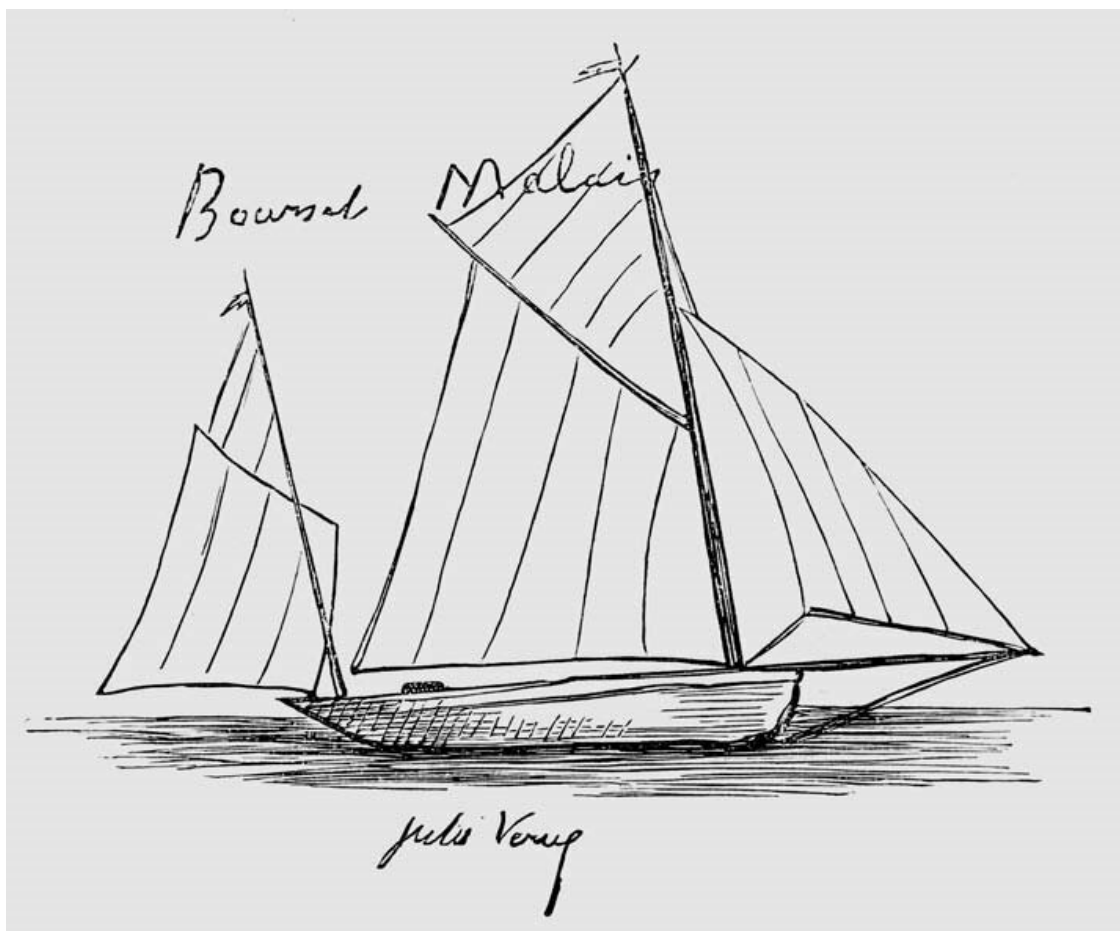
... Но это мнение очень глубоко не справедливо. В самой Франции Жюль Верна считают великолепным мастером слова. Одним из самых ярких имен в истории французской литературы. Творчество Жюль Верна помогло таким мэтрам, как Антуан де Сент-Экзюпери, Рене Баржавель, Жан Кокто, Жан-Поль Сартр, найти «свой» стиль, и очень многому научиться.

Не говоря ни о чем другом, Жюль Верн – автор более чем 40 стихотворений, которые клались на музыку и пелись. Литературные и театральные кабачки еще при его жизни частенько оглашались шуточными куплетами, написанными Жюлем Верном¹. В том числе в начале 1850-х он пишет песню «Марсовые»².

Эта песня стала чем-то вроде неофициального гимна французских моряков. Долгое время считалось, что слова ее – народные, автор неизвестен. Лишь в 1883 году журналист докопался, что автор песни – «тот самый» всемирно известный Жюль Верн. Сам автор скромно молчал все эти годы.

Писатель-путешественник

Еще при жизни о Жюле Верне ходили легенды, как о знаменитом путешественнике. Якобы и капитан Немо, и капитан Гаттерас – автобиографические фигуры. Сам он не раз отрицал подобные выдумки, но публика хотела видеть в знаменитом писателе романтического героя – и видела. Позже маятник качнулся в другую сторону – Жюль Верна объявили «кабинетным писателем», который видел море только с набережной, а в других странах отродясь не бывал. Это тоже не совсем правда, хотя плавать начал он поздно: первое морское путешествие писателя состоялось в 1858 году, Жюлю Верну было тогда 30 лет. Брат его друга Аристиды Гиньяра предлагал проплыть из Бордо в Шотландию. Результатом этой поездки стала книга «Путешествие в Англию и Шотландию задом наперед»³. Второе морское путешествие те же самые друзья предприняли в 1861 году – плыли до Стокгольма. Торопясь на родину, чтобы успеть к рождению своего единственного родного сына Мишеля, Жюль Верн оставил Гиньяра в Дании и поспешил в Париж... но не успел – сын уже родился. Это путешествие тоже породило книгу «Лотерейный билет № 9672»⁴. 16 марта 1867 года Жюль Верн с братом Полем отправляется в плавание через Атлантику. Огромный пароход «Грейт Ис-терн» идет из Ливерпуля в Нью-Йорк. Вернулись братья только 9 апреля – к началу Всемирной выставки в Париже. Впечатления от поездки отразились в книге «Плавающий город». Как только появились деньги, в августе 1865 года Жюль Верн поселился у моря, в рыбацком поселке Ле-Кротуа – в 60 км от Амьена, на северном берегу Соммской бухты. Там он работал – писал «Иллюстрированную историю. Франции и ее колоний» (вышла в 1868), а параллельно с работой присматривал себе подходящее судно. В 1868 он приобрел старый рыбацкий бот «Сен-Мишель». Из трюма для рыбы сделали каюту – «плавающий кабинет» длиной в 3 и шириной 1,7 м. В «кабинете» оборудовали две койки, полки для книг и картотеки⁵.

Собственноручная зарисовка «Сен-Мишеля I», выполненная Жюлем Верном около 1873 года. Из фондов Музея Жюль Верна в Нанте.

На борту этого «плавающего кабинета», а потом его преемников Жюль Верн провел значительную часть своей жизни. Больше всего в своем крошечном кабинете он писал, но еще на «Сен-Мишеле I» совершались вполне реальные плавания. Не успев перестроить судно, он плывет в Бордо, огибая полуостров Конантен в Нормандии.

Команда 9-ми метрового суденышка состояла из самого Жюль Верна и двух отставных моряков военного флота: бретонцев Александра Делона и Альфреда Було. Писатель стоял на вахте наравне со всеми, потом гордо рассказывал: на пути в Бордо его ждали и шквальный ветер и «все, что испытывают настоящие моряки».

Позже на «Сен-Мишеле I» Жюль Верн ходил до Дувра, Лондона и Остенде, пересекая Ла-Манш. В мае 1870 года он совершил переход до Гавра, и по Сене поднялся до Парижа. 10 дней «Сен-Мишель» стоял у Моста Искусств; толпы сбегались посмотреть на суденышко знаменитого к тому времени писателя.

Но на борт Жюль Верн пускал не всех! Вот своего издателя Этцеля он вовсе заманивал поплавать с ним вместе... Этцель под разными предлогами отказывался – курорты Южного Берега нравились ему больше, чем качка в туманном прохладном океане. Плавал на «Мишелях» только сын Этцеля, Жюль.

Публика разглядела, среди прочего, и небольшую сигнальную пушку на борту кораблика. В июне 1870 началась Франко-прусская война. После нее рассказывали, даже писали в газетах и журналах: Жюль Верна вместе с судном мобилизовали в морскую оборону, он лихо действовал против пруссаков. Это совершеннейшая неправда, но что характерно, Жюль Верн никогда не отрицал этой легенды. А славы ему она прибавила.

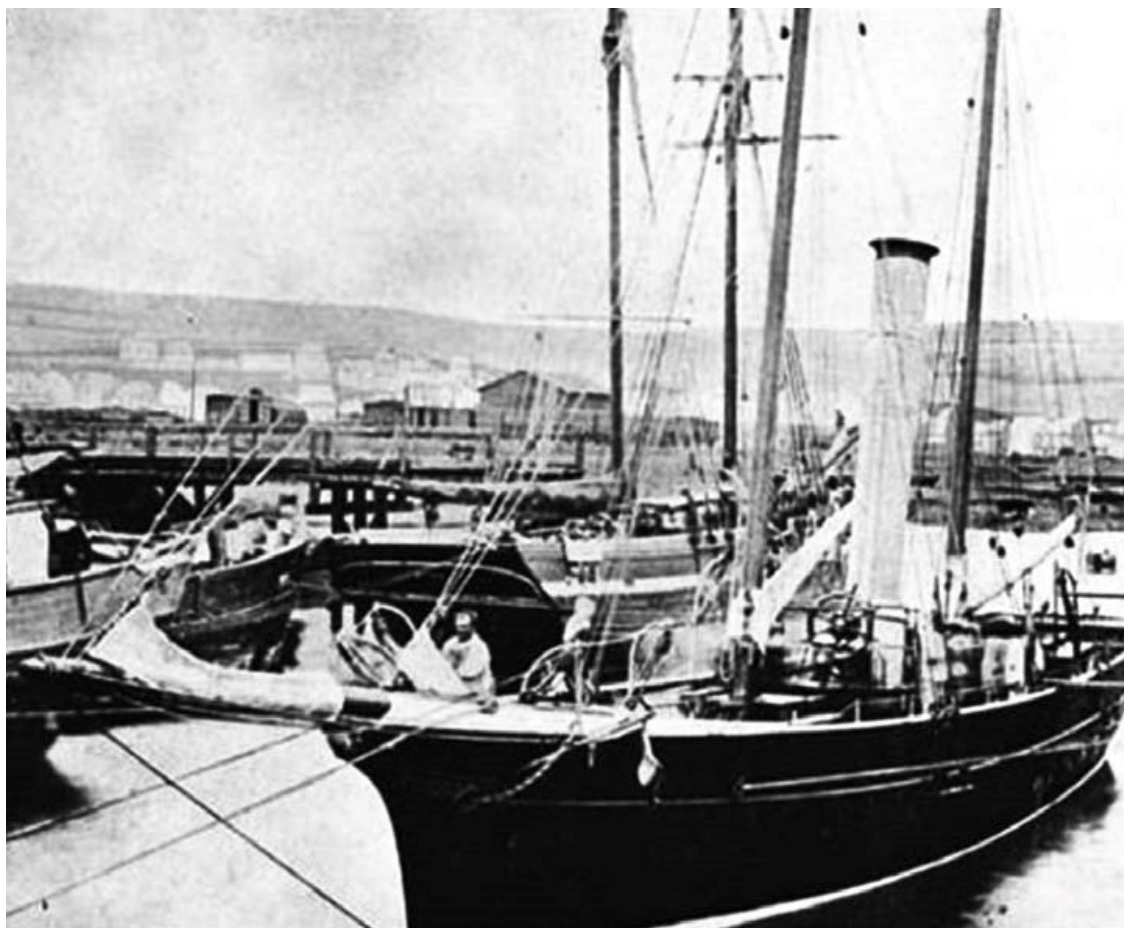
В 1874 году Жюль Верн стал членом яхт-клуба, в 1876 приобрел яхту побольше⁶. В конце мая 1876 года он плывал на «Сен-Мишеле II» из Гавра в Англию и восторженно писал, что каюта его была отделана кипарисом и лакированным красным деревом.

Впрочем, владельцем «Сен-Мишеля II» Верн оставался всего 18 месяцев. В 1877 году, получая большие гонорары, Жюль Верн смог купить крупную металлическую парусно-паровую яхту «Сен-Мишель III»⁷. На 28-метровом судне с опытной командой в 10 человек, кабинет сделали уже побольше: 4 на 2.5 метра. Правда, без красного дерева.

В 1878 году Жюль Верн вместе со своим братом Полем плывал по Средиземному морю, заходя в Тунис, Марокко, Грецию и Италию.

В 1879 году с 18 июня по 15 октября Жюль Верн на яхте «Сен-Мишель III» пять раз выходил в море. Он вновь побывал в Англии и Шотландии, плывал вдоль побережья Франции. Приключения? 26 августа 1879 года в Сен-Назере во время сильной бури на яхту налетело трехмачтовое торговое судно. «Сен-Мишель III» сорвало с якоря, сломало бушприт и повредило форштевень.

В 1881 году плавали в Голландию, Германию и Данию. Верн хотел дойти до Санкт-Петербурга, но из-за сильных штормов «застрял» в Дании, потом в Германии. До России он так и не доплыл, – помешали морские приключения.

«Сен-Мишель III» на фоне Везувия в 1884 году. Картина неизвестного художника из Музея Жюль Верна в Нанте.

В 1884 году Жюль Верн плывал с Жюлем Этцелем, сыном своего издателя, со всей семьей: братьями Пьером и Морисом, женой Онориной и сыном Мишелем. Обогнув Испанию и Португалию, после сильных штормов плыли в Алжир и Тунис, пошли до Мальты, пережив новый

шторм. В бухте Бон на Мальте 36-ти летний писатель решил поиграть в Робинзона: искупавшись, устроил «пляску дикарей» вокруг воображаемого костра. Сын, Мишель Верн, отсалютовал отцу с борта выстрелом. Писатель думал, что в бухте никого нет – но местные жители тайком наблюдали за пришельцами, – не раз на Мальту нападали алжирские пираты... Последний раз нападали не так давно. Притаившиеся аборигены тоже открыли огонь – счастье, что промахнулись.

После этого приключения на «Сен-Мишеле III» пошли в Сицилию и в Неаполь, потом в Сиракузы.

Сен-Мишель III в 1880 году. Фотография неизвестного.

В 1886 году Жюль Верн продал яхту за полцены, и больше никогда не выходил в море. На это, как мы увидим ниже, у него были серьезные причины.

Конечно, это не плавания через весь Тихий океан – но как видно, свою любовь к морю писатель реализовал. Кабинетным теоретиком он не был, и когда писал о морских плаваниях – отлично знал, о чем пишет. Не только из книг или рассказов – из собственной практики.

Сбывшееся и несбывшееся

Если изучать жизнь писателя по его произведениям, Жюль Верна можно считать довольно трагической личностью. Во многих его книгах мелькает тема неразделенной, трагической любви, несчастных влюбленных, брака против воли. Самые известные из них – «Мастер Заха-риус» (1954), «Плавающий город» (1871), «Матиас Шандор» (1885).

Разочарования и любовные несчастья в жизни писателя были. В начале 1847 году родные отправили его из Нанта в Париж – пусть изучает юриспруденцию подальше от своей двоюродной сестры Каролины.

Влюбленность 19-ти летнего Жюль родственники считали своего рода умственным повреждением, ни на какое понимание он рассчитывать не мог. Пока юный Жюль грыз гранит науки в Париже, Каролину в апреле 1847 поскорее выдали замуж за 40-летнего и весьма обеспеченного предпринимателя Эмиля Дезюне. С ним она прожила больше 40 лет.

Вернувшись в Нант, Жюль немедленно снова влюбляется – теперь в Розу Эрмини Арно Гроссетьер. Он посвятил ей около 30 стихотворений, включая «Дочь воздуха», которое стало широко известно и много раз публиковалось...

Опять никто не хотел выдавать девицу замуж за студента. Роза Гроссетьер стала женой богатого землевладельца Армана Терьена Делайе. Этот брак, кстати, не был счастливым.

Сам же Жюль Верн почти на полгода запил. Француз, он пьянствовал красным вином, а не водкой, но вряд ли тут есть принципиальная разница.

Жюль Верн в 1856 году – в году знакомства с Онориной

Видимо, чувство к Розе было достаточно сильным – до 1856 года в жизни Жюль Верна возникали только кратковременные романы. Вот в мае 1856 происходит история весьма романтическая. На свадьбе своего друга Жюль Верн обратил на себя внимание сестры невесты – Онорины де Виан-Морель. Молодая, 26-летняя вдова с двумя детьми, красивая и умная женщина. Французская поговорка гласит: «В любви всегда один целует, другой только подставляет

щеку». Судя по всему, в этом романе и последовавшем браке, Жюль Верн только подставлял щеку.

Не самая лучезарная мужская судьба? Наверное. Но вряд ли произошедшее хоть в чем-то исключение из правила. Подобные разочарования прошли не менее 80 % мужчин... И не только во Франции XIX столетия.

О том, какой получился брак, есть много мнений, но в любом случае, он не напоминал райские кущи. Часто полагают, что и особой духовной близости между супругами не было. Онорина хотела блистать в свете, хотела нарядов и развлечений. Для нее знаменитый писатель был лишь средством жить так, чтобы завидовали соседи. Сам Жюль Верн к материальным благам был глубоко равнодушен, развлечения и светская жизнь волновали его еще меньше.

Но возможно, степень супружеского разлада сильно преувеличивают советские исследователи: и как дети совсем другой эпохи, в которой женщины стали намного образованнее и культурнее. И как дети России, в которой полагалось преувеличивать степень отрешенности ученого и писателя от «жизни». Противопоставляя «интеллигенцию» и «мещанство», духовный поиск и стремление жить «как все», они доводили конфликт до крайности, невольно приписывали его детям иных эпох, иных культур.

Возможно, брачный союз Жюля Верна и не напоминал райское блаженство, но ведь писатель принадлежал к весьма буржуазным кругам. Он был скромен в быту, неприхотлив и не стремился «блистать в свете», но и никогда не противопоставлял себя остальному «буржуазному» обществу. По крайней мере к предпринимательству, получению прибыли и к деньгам он вполне определенно не испытывал ни малейшего отвращения. Ему не нужны были пышные кареты и дорогая мебель – но яхта «Сен-Мишель III» стоила целое состояние. Как и дом, купленный писателем в Амьене.

И был Жюль Верн сыном эпохи, когда менее образованные женщины мало разделяли интеллектуальные увлечения мужей и других мужских членов семьи. Их уделом было ведение хозяйства, рождение детей и та самая светская жизнь. Различные интересы Вернов были чем-то совершенно обычным; вряд ли эта семья сильно отличалась от других.

К тому же была в жизни Жюля Верна дама... Которую, по мнению многих, он любил много лет. В семейной переписке ее называли, не произнося имени, «дамой из Аньера». Она жила в городе Аньере⁸ – жена нотариуса Шарля Дюшена, Эстель Энен.

Эта дама отличалась интересом к наукам и искусствам, начитанностью, широтой кругозора, художественным вкусом.

Мне не удалось выяснить точных дат ее жизни, но была одна или одного возраста с Жюлем Верном, или чуть старше. С Эстель Жюль Верн познакомился в 1859 году, приезжал к ней в Аньер в 1863–1865 годах. Считается что Эстель Энен полностью разделяла литературные и научные интересы любовника. Бывая в Париже, Жюль Верн бывал в ее салоне: у Эстель Дюшен собирались музыканты и драматурги, театральные и литературные деятели... В том числе люди, с которыми Жюль Верн сотрудничал в свой парижский период жизни. Полагают, что с этой женщиной он мог делиться своими замыслами, рассказывать о своих новых книгах, и порой получать дельные литературные советы.

Жюль Верн во дворе своего не маленького дома в Амьене. Писатель выгуливает собаку Фолетт. У дверей стоит его жена Онорина. Фотография 1894 года.

Давно сделано предположение, что дочь Эстель Энен, Мари – дитя не ее законного мужа, нотариуса Шарля Дюшена, а Жюля Верна. Правду ли говорили об отцовстве Жюля Верна, достоверно не известно.

Эстель умерла по одним данным, в 1865 году, вскоре после рождения дочери. По другим данным, в 1885 году. Даже и в этом втором случае, за 20 лет до смерти Жюля Верна.

Возможно, эта женщина и правда была большой любовью писателя. Возможно, ее ранняя смерть бросила на его последние годы мрачную тень.

Но и тут не будем драматизировать. Франция есть Франция! Одна из традиций этой страны – брак, почти что превращенный в коммерческую сделку, а в качестве компенсации – культ любовников и любовниц. Когда умер известный политик, президент Франции в течении 14 лет, Франсуа Миттеран (1916–1996), никто не удивился появлению на похоронах «второй мадам Миттеран» – об этой женщине все давно знали. Удивило появление «третьей мадам Миттеран»! О ней-то никому известно не было.

Оказалось, что «третья мадам Миттеран» – мама чиновника, которому Франсуа Миттеран очень покровительствовал. Что характерно – французы судачили, чей он сын, этот чиновник от «третьей мадам», но независимо от фактического отцовства Президента его поведение скорее вызывало у них уважение. Во боец! А что помогал то ли сыну, то ли пасынку – молодец. Это тоже вызывало уважение.

Дети своей страны, Эстель Дюшен и Жюль Верн действовали в русле традиции. В конце концов, у Эстель был муж; сам Жюль Верн тоже давно, прочно женат. Если их любовь была сильной, она могла стать мучительной и горькой. Но она осталась «дистанционной»; в этом отношении с Жюлем Верном тоже не произошло ничего исключительного.

Жак Этьен Виктор Араго в 1839. Рисунок взят из книги «Записки слепого путешественника по миру».

Мне жаль, если он мог жить с Эстель и быть счастливее, чем был. Но это оценка россиянина, который годится Жюль Верну в пра-правнуки. Возможно, сам писатель думал совершенно иначе.

Очень буржуазная биография

Во многих книгах Жюль Верна описываются несбывшиеся судьбы, разрушенные обстоятельствами жизни. Но его-то собственная судьба сложилась вполне благоприятно. Другой вопрос, что человек добрый и душевно тонкий, Жюль Верн не раз наблюдал действительно очень мрачные жизненные сюжеты.

Его друг, Жак Араго⁹ полностью ослеп в 1837 году, хотя и после этого продолжал путешествовать.

В 1854 году от холеры умер друг писателя, директор театра Жюль Севест. Жюль Верн несколько лет после этого продолжал заниматься постановками в театре, писать музыкальные комедии, многие из которых так никогда и не были поставлены.

Родной дядя Жюль Верна, Пруден Аллот, мечтал о море... В молодости совершил кругосветное плавание, а потом сделался деятелем муниципалитета, и уже никогда не плавал по морям. Чудаковатый с точки зрения обывателей дядюшка, у которого не состоялась романтическая биография, стал прообразом дядюшки Антифера (1894). Похожие образы появляются в «Робуре-Завоевателе» (1886) и в «Завещании чудака» (1900).

Жюль Верн очень хорошо видел, как коварна может быть жизнь, как капризен успех, изменчиво счастье. Он сочувствовал обойденным заздравной чашей на пиру жизни. И при этом будет глубоко неверно судить о самом Жюле Верне по его произведениям. Он прожил весьма благополучную жизнь обеспеченного, уважаемого человека. Несчастья имели место быть – и несчастные любви, и несостоявшаяся судьба моряка. Приключений он хотел, но они не выходили за пределы влюбленностей, семейных проблем, встреч с великими людьми, комфортабельных поездок на пароходах, поездах и в каретах. Максимум – путешествия на тоже вполне комфортабельных яхтах. Великолепная самореализация. Обеспечен и всемирно знаменит.

Жюль Верн в городских легендах

О знаменитых людях всегда ходят легенды. Часть из них сочиняют откровенно из зависти – как легенду о «кабинетном писателе», или другую: что Жюль Верн – только «прикрытие», коллективный псевдоним группы литераторов, географов и путешественников. Может, месье Жюль Верн и существует, но ему приписывается работа всего коллектива. Ведь один человек не может ни писать столько книг, ни обладать такими разносторонними знаниями, ни придумать столько разнообразных сюжетов и подать столько идей. Рассказывали и о том, что под именем Жюль Верна публикуется наследие некоего английского капитана дальнего плавания. Моряк плавал на боевом корабле «Сен-Мишель», и умер в конце 1850-х. Хитрый издатель Этсель стал издавать его романы под псевдонимом «Жюль Верн». Всерьез спорили, писал ли сам Жюль Верн хоть что-то, или он – только драматург и поэт, который изображает из себя широко образованного писателя.

Самая нелепая из легенд получила наибольшее распространение, о ней писали газеты и при жизни Жюль Верна и потом. К писателю даже являлись некие городские сумасшедшие, требовавшие его «признаться»: вовсе он никакой не француз! Он еврей, уроженец города Плоцка, близ Варшавы, его настоящее имя Юлий Ольшевич. Он пытался жениться на графине Крыжановской, но невеста отказалась выходить замуж за еврея. Ольшевский шпионил в пользу Франции, за это ему предложили должность на дипломатической работе. Ольше-вич бежал

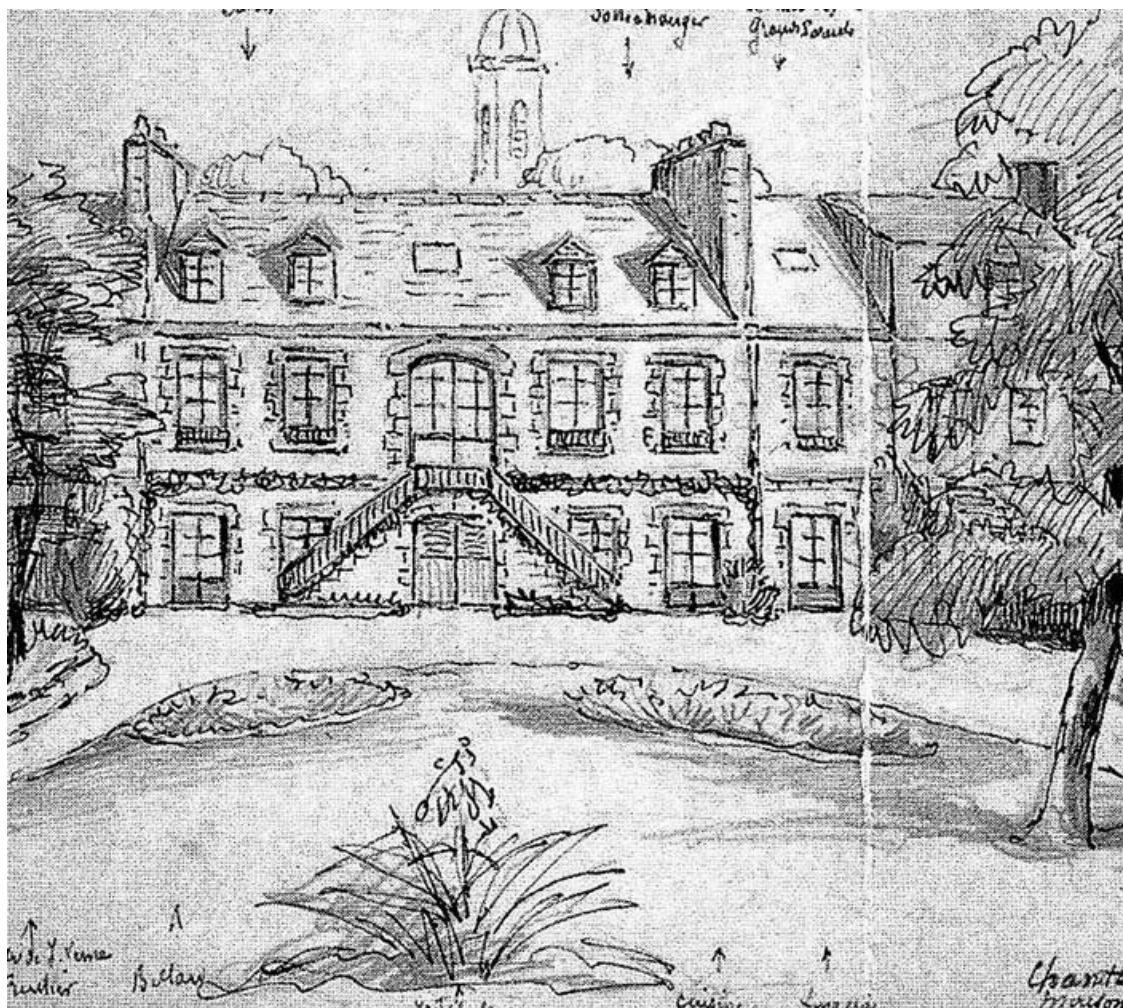
в Рим, где принял католичество, и вступил во французское гражданство с фамилией Верне. Оля по-старофранцузски «вернь».

«Верн» – преобразованное на французский лад польское родовое имя «Ольшевич».

Рассказывали еще, что якобы Ольшевич-Верн трудился литературным рабом Александра Дюма-Отца, написал «Три мушкетера» и «Граф Монте-Кристо».

В общем, от Жюль Верна требовали признаться и в том, что он – беглый польский еврей Ольшевич, и в том что он – знаменитый Дюма. Положеньеице...

Сам Жюль Верн любил розыгрыши и мистификации. Порой в поездках называл себя то Прюдан Аллот, то Гильоше де ла Пейрер. В этих попытках принять другое имя никак не фигурировала «дама из Аньера» или другие дамы: писатель частью просто развлекался, частью скрывался от докучливых почитателей. Он с юмором относился к попыткам придумать ему экзотическое происхождение. Не известно, знал ли он – в Риме живет человек, называющий себя Жюльен де Берн. Этот выходец из Польши (еврей или поляк – не известно) то ли сам распространял слух, что он и есть автор «необыкновенных путешествий», то ли всего лишь этого «не отрицал».

Дом Вернов в Нанте

Вероятнее всего, если Жюль Верн и знал о существовании Жюльена де Берна – то относился тоже с юмором. В конце концов договоры с ним подписывались, и кто он такой все знали. Мало ли, кто что болтает.

Подробные биографии начали выходить после смерти писателя. Нантский архивариус Дюрвилль в 1924 году опубликовал результаты своих обширных разысканий в архивах Нанта. И все равно в легенду верили. Парижские газеты продолжали выяснять, кто же «на самом деле» был автором «Необыкновенных путешествий». Предлагалось даже голосование: пусть читатели выскажутся, кто тут знаменитый писатель: скончавшийся в Амьене французский дворянин Жюль Верн, или беглый поляк из Рима, Жюльен де Берн?!

Биографию дяди в 1928 году написала племянница писателя Маргари Аллот де ла Фюи. Не помогло. Временами история про гениального еврейца таки спод-Варшавы всплывает.

Начало

Несмотря на все бредни и сплетни, происхождение Жюль Верна прекрасно известно и хорошо документировано. Происхождение это таково, что ему тоже могли бы позавидовать многие.

Жюль Верн родился 8 февраля 1828 года на острове Федо – при впадении в Атлантический океан реки Луары, близ портового города Нанта¹⁰. Родился в доме своей бабушки Софи Аллот де ла Фюи, на улице Клиссон.

По матери, Софи-Нанине-Анриетте Аллот де ла Фюи (1801–1887) писатель происходил из династии нантских кораблестроителей и судовладельцев. Первый из его французских предков, шотландский дворянин Никола Аллотт начал служить французскому королю Людовику XI – стал лучником в его шотландской гвардии. Аллотт в 1462 году получил дворянство и «право Фюи», то есть право владеть голубятней, а с ней и собственной голубиной почтой. Он принял имя Аллот де ла Фюи и построил замок с голубятней недалеко от местечка Лудэн или Луден¹¹ в Анжу.

Мама Жюль София Аллотта. Картина Франциска Целле де Шатобура

Трудно сказать, в какой степени Никола Аллот стал прототипом Квентина Дорварда – главного героя романа Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», опубликованного в 1823 году. Во всяком случае, такая версия существует, в семье де ла Фюи в это верили. Жюль Верн, навсегда сохранил сентиментальные чувства к Шотландии – и как к родине предков, и как к союзнице Франции в ее вековых войнах с Англией¹².

Впрочем, ко времени рождения писателя Аллоты, его предки по линии матери уже два века были кораблестроителями и судовладельцами из города Нанта. Его дедушка трудился в должности директора счетной конторы, – говоря современным языком, был главным бухгалтером.

По линии отца Пьера Верна (1798–1871) писатель вел происхождение из старинной семьи купцов города Провена¹³. Впрочем, Пьер Верн был уже вторым не купцом, а юристом в семье. После Жюля родились брат Поль (1829) и три сестры – Анна (1836), Матильда (1839) и Мари (1842).

У Пьера Верна не было сомнений – его первенец тоже станет юристом! В 1834 году 6-летнего Жюля Верна определили в пансион в Нанте. Об этом пансионе у Жюля почти не сохранилось воспоминаний, кроме одного: его преподавательница мадам Самбин часто рассказывала ученикам, как ее муж, морской капитан, потерпел кораблекрушение 30 лет назад. Собственно, капитан пропал без вести... Но его жена или вдова не желала верить в гибель мужа. Она полагала, что он до сих пор живет на необитаемом острове – примерно как Робинзон Крузо.

От дома бабушки и от дачи, снятой отцом в деревушке Шантенне, остались почти такие же романтические воспоминания – о кораблях, проходивших по реке, и хорошо видных их окон. Слово Жюлю Верну: «родился я в Нанте, там прошло мое детство. Сын наполовину парижанина и матери-бретонки, я жил посреди толкотни большого торгового города, начального и конечного пункта многочисленных дальних странствий. Я будто снова вижу эту Луару, многочисленные рукава которой соединены перевязью мостов, вижу ее забитые грузами набережные, затененные густой листвой огромных вязов; двойная колея железной дороги и трамвайные линии еще не избороздили ее. Корабли приютились у стенки в два-три ряда. Другие поднимаются вверх по реке или спускаются вниз. В то время не было пароходов; точнее – их было слишком мало, но зато каковы были парусники, парусники, ходовые достоинства которых сохранили и даже улучшили американцы в своих клиперах и трехмачтовых шхунах! У нас тогда были только грузные парусники торгового флота. Сколько воспоминаний они у меня вызывают! В воображении я карабкался по вантам, забирался на марсы, цеплялся за клотики! Как жаждал я пройти по качающимся сходням, соединявшим эти корабли с берегом, и ступить ногой на палубу!».

Отец Жюль, Пьер Верн. Картина Франциска Целле де Шатобура

Софи Верн часто гуляла с сыном по набережной де ля Фосс, усаженной магнолиями. К Нантскому порту приписано больше 2500 кораблей, на набережной разгружались океанские парусники, пришедшие из Вест-Индии или из Африки. С кораблей постоянно несли мешки с дурманно пахнущим кофе и какао, ящики с табаком и сахаром, бочонки рома. На набережной толклись бородатые, пестро одетые матросы с серьгами в ушах. Они продавали ананасы и кокосовые орехи, а то и живых обезьянок или попугаев. Конечно, адски тяжелый труд моряков

был тут не особенно заметен. Что каждый четвертый корабль рано или поздно тонул со всем экипажем, тоже нигде ведь не написано. А вот экзотики – хоть отбавляй.

В общем, море актуально присутствовало в жизни семьи. Бретонцы вообще прирожденные моряки и рыбаки.

Море для них – это почти как продолжение полей и лугов. Поедание рыбы и морепродуктов в приморской стране так же естественно, как хлеба и мяса. А тут еще принадлежность к семье мореходов.

Жюль с братом Полем. Середина 1830-х, автор картины не известен.

Жюлю 8 лет, в 1836 году по желанию религиозного отца он пошел в семинарию «Школа Святого Станислава». Там давали классическое образование: латынь, греческий, географию, пение. От этого учебного заведения осталась память только как о месте унылом и неприятном.

В возрасте 11 лет юный Жюль сбежал из пансиона, поступил юнгой на шедший в Индию трехмачтовый корабль «Корали». Он хотел плавать в дальние страны и хотел раздобыть коралловые бусы для своей кузины Каролины. Ранним утром мальчик тайком выбрался из спящего дома, и побежал к харчевне некоего Кабидулена, с «чудесным» названием: «Человек, приносящий три несчастья». Несколько часов он просил взять его юнгой на корабль. В конце концов шкипер трехмачтовой шхуны «Корали», капитан Кур-Грандмезон, молча указал трубкой на свой корабль, стоявший невдалеке от берега. По современным представлениям, совершенно невероятная история. Но в те времена в море часто уходили мальчики лет 11–13. Часть погибала, большинство становились матросами. Иногда кто-то делал карьеру, становясь шкиперами и капитанами. Как будто, Кур-Грандмезону нужен был мальчик для посылки... а этот вроде попался крепкий, и к тому же знает морской жаргон.

Корабль отчалил в полдень, к вечеру остановился у причала Памбеф, уже на атлантическом побережье. Утром, с отливом, судно вышло бы в открытое море.

Пропавшего Жюля начали искать днем, когда он не пришел к двенадцатичасовому завтраку. Искали весь день, только к шести часам сосед показал – мальчика видели в харчевне, где толкуются моряки, потом в компании двух юнг шхуны «Корали» отплывающим в шлюпке на корабль. Легко было выяснить и что корабль капитана Кур-Грандмезона снялся с якоря в полдень, начав долгий путь в Индию.

Отец перехватил мальчишку буквально чудом – он ведь знал, что корабли выходят в океан от Памбефа. Он нанял новинку Нантского порта – паровой катер, и успел до выхода «Корали» в море. Никто никогда не узнал, о чем беседовали отец и сын, возвращаясь в почтовом дилижансе домой.

По одной семейной легенде Вернов, Пьер Верн вел с сыном долгие разговоры, объясняя, как тот плохо поступил. Он взял с сына обещание: впредь путешествовать только в своем воображении. По другой версии, обещание: «Я никогда больше не отправлюсь путешествовать иначе, как в мечтах», Жюль Верн дал матери.

Как хорошо, что тот не сдержал обещания! И что не исправился в главном! Уже взрослым Жюль Верн говорил более чем определенно: «Я, должно быть, родился моряком и теперь каждый день сожалею, что морская карьера не выпала на мою долю с детства».

Плавать он еще будет... А пока приходится учиться в «Малой семинарии Святого Донатия» (с 1842 года), в Королевском лицее с 1844. Частая смена семинарий наводит на понятную мысль – что нигде то Жюль не удерживался. В незаконченном романе «Священник в 1839» будущий писатель сводит счеты со своими горе-воспитателями: кормят не досыта, учиться скучно, ставят на колени за провинности... Но и сам воспитанник ведь не сахар: он просто не желает учиться тому, чему учат.

В 1846 окончен королевский Лицей в Нанте. 29 июля 1846 года Жюлю Верну выдают диплом бакалавра наук с отметкой «Довольно хорошо». Эдакая тройка с плюсом или четверка с минусом.

Что дальше? Жюль Верн пытается писать длинные романы в стиле своего литературного кумира – Виктора Гюго. Пишет пьесы на исторические темы – «Александр VI» и «Пороховой заговор». Но это же разве достойное занятие?! Сам Пьер Верн любил читать, писал стихи, но считал это занятием несерьезным. Литература – это отдых... Развлечение...

Сам Жюль Верн утверждал: «моя семья очень почитала изящную литературу и искусства, откуда я делаю вывод, что в моих инстинктах большую роль играет наследственность».

Но не делать же профессией то, что годится разве что в роли хобби образованного специалиста. Сын должен стать юристом, унаследовать дело отца.

Отправить юношу в Париж хотели не только, чтобы он получил образование получше. Но и чтобы подальше от моря...подальше от кухни Каролины... Вроде бы, Жюль «честно» учится: вяло, но старательно изучает юриспруденцию. Но главное – изо всех сил старается войти в литературную богему Парижа. В этом ему помогают и друзья еще с Нанта, – Эдуард Бонами (они вместе снимают квартиру в Париже), и Жан Луи Аристид (1822–1898) – начинающий композитор. Для комических опер Гиньяра Жюль Верн пишет песни-шансон, в литературном салоне подружился с Александром Дюма-сыном.

Вместе со своим новым другом-литератором Верн закончил свою пьесу «Сломанные соломинки». Благодаря связям и влиянию Александра Дюма-отца 12 июня 1850 года пьесу поставили в Историческом театре. Революции в драматическом искусстве она не произвела.

Отмечу – безобразия, которые марксисты имели «совесть» называть «Революцией 1848 года», очень мало отразились на биографии Жюля Верна. В своих письмах двадцатилетний Жюль описывал не «гнев народа» и не «подъем народных масс», а именно что отвратительные беспорядки.

Он очень радовался, что его не мобилизовали в Национальную гвардию и не призвали в армию: «Должно быть ты знаешь, дорогой отец, что я думаю о военной жизни и этих прислужниках в ливрее... Нужно отречься от всякого достоинства, чтобы выполнять такую работу».

Что называется, коротко и ясно. Вообще романтические свершения для Жюля Верна всегда состояли в путешествиях и приключения научных открытиях и инженерных решениях, и никогда – в революционных безобразиях. Войны он ненавидел, считая полной дикостью, недостойной цивилизованного человека.

Онорина Верн во время знакомства с Жюлем Верном

Еще в 1848 году Жюль писал о том, что у него болит живот – он до конца своих дней страдал от колита. Сам он считал болезнь унаследованной по материнской линии.

После «Сломанных соломинок» Дюма-сын знакомит Жюля Верна с директором театра Жюлем Севестом. Верн получил там должность секретаря. Оплата очень низкая, но Верн надеялся поставить ряд комедийных опер, написанных вместе с Гиньяром и либреттистом Мишелем Карре. Чтобы отпраздновать свою работу в театре, Верн организовал обеденный клуб

«Одиннадцать холостяков», чтобы собирать там таких же как он – начинающих литераторов. Только такое общество ему и нравилось.

Отец стонал болотной выпью, регулярно умоляя сына оставить ненадежный литературный промысел, открыть юридическую практику. В январе 1851 года Жюль Верн окончил обучение и получил разрешение вести адвокатскую деятельность. Спустя год, в январе 1852 года Пьер Верн поставил сыну ультиматум, – он передает Жюлю свою практику в Нанте. Пусть, наконец, остепенится!

Жюль Верн написал предельно ясно: «Разве я не в праве следовать собственным инстинктам? Это все оттого, что я знаю себя, я понял, кем хочу стать однажды».

Отец и прав, и не прав. Сын тоже и прав, и не прав. В конце концов, отец хочет для Жюля стабильности, постоянного дохода, уверенности в завтрашнем дне. Конечно, сын имеет все основания идти собственным путем... Но давайте честно – молодой, 24-х летний Жюль Верн – не более чем малоизвестный, не имеющий особых перспектив драматург музыкальных комедий, которые не всегда попадают на сцену. Он вовсе не знаменитость и не открыватель новых путей. Так, богемный мальчик из околотеатральных кругов.

Останься он таковым, получалось бы – отец, может быть все же был прав.

Еще раз о счастье и несчастье

Очень романтичный человек, Жюль Верн до конца своих дней сожалел, что не стал моряком. Но давайте представим, что стал! Допустим, отец не успел бы поймать его, когда Жюль сбежал в Индию в возрасте 11 лет. Представим, что Жюль Верн стал бы матросом, к 30 годам – штурманом или капитаном. Такие случаи бывали, вполне мог появиться и «капитан Верн».

Конец морской карьеры был бы таков же, как и «деловой» – даже хуже. Молодой моряк все больше писал бы песни, стихи и рассказы, отвлекаясь от вахт, прокладки курсов и несения морской службы. До 28 лет Верн был перекаати-полем, неудачливым юристом, мучительно пробивавшим себе дорогу в литературу. Ну, стал бы моряком, который так же уперто стремится к литературной работе. При хорошем «раскладе» – тот же самый жизненный итог: годам к 30 судьба профессионального писателя. При неудаче – к 40 годам – не слишком счастливый штурман или капитан, пописывающий в свободное от службы время.

Причем у Верна-моряка было бы меньше шансов пробиться, чем у Верна – начинающего юриста: моряк мало бывает на суше, тем более не имеет времени тусоваться в парижских салонах и заводить там знакомства.

Возможно, для душевного равновесия и самоощущения Жюля Верна ему было бы полезно провести несколько лет в качестве моряка. Но тогда вскоре на место сетований на жестокого отца пришли бы сетования на трудности другого рода – писать он хотел куда сильнее, чем плавать. Причем плавать он все-таки плавал... Только всегда «почему-то» предпочитал литературный труд путешествиям.

Верн с Онориной

Даже когда вполне мог себе это позволить, не уплыл дальше Средиземного моря. С 1878 года – плыви хоть в Новую Зеландию! «Сен-Мишель III» для того вполне годился. Но писать оказалось важнее.

Писать в каюте интереснее, чем в городском кабинете – но и не более того. Что это? Карьера моряка? Профессия? Нет, хобби, если не сказать – причуда, развлечение хорошо обеспеченного барина.

В общем, карьера моряка для Жюль Верна была возможна – но неизбежно окончилась бы. Не был бы он моряком до конца жизни.

А если бы прожил жизнь «капитана Верна» – обречен был бы страдать по несбывшемуся.

Рождается Жюль Верн

Все изменилось, когда Жюль Верн встретился со своим земляком Пьером-Мишелем-Франсуа Шевалье, более известным как Питр-Шевалье.

Родом из Нанта, Питр-Шевалье, главный редактор журнала «Семейный музей» подыскивал автора, способного писать о научных достижениях и технологических новинках одновременно увлекательно и достоверно. Верн с его живым интересом к наукам, особенно географии, к техническим чудесам разного рода, идеально подходил для такой работы.

Уже в июле 1851 года в журнале вышел слабенький рассказ «Первые корабли Мексиканского флота», откровенно написанный под влиянием приключенческих романов Фенимора Купера. В августе – рассказ «Драма в воздухе». Появлялись в журнале и его научно-популярные статьи.

Правда, в 1856 году Жюль Верн поссорился с Питр-Шевалье и перестал сотрудничать с «Семейным музеем» вплоть до 1863 года, когда Питр-Шевалье умер, а в журнале не появился новый главный редактор.

Пьер Жюль Этцель примерно в пору встречи с Жюлем Верном.

Но и работая в «Семейном музее», Жюль Верн оставался литератором-любителем, чьи друзья-театралы время от времени ставят его пьесы, и чьи рассказы время от времени публикуют журналы.

Не случайно же, женившись, Жюль Верн начинает работать на бирже полный рабочий день. Чтобы обеспечить семью, он занял у отца крупную сумму и по протекции шурина вступил пайщиком в контору финансиста и брокера парижской биржи Фернана Эггли. Но и трудясь на бирже, он встает как можно раньше, чтобы до прихода на биржу хотя бы ненадолго заняться любимым литературным трудом.

В свободное время Жюль Верн продолжал ходить в библиотеку, составляя свою картотеку из разных областей знаний, встречался с членами клуба «Одиннадцать холостяков», которые к этому времени уже все переженились. Но основной доход дает труд на бирже.

К счастью, у него уже появляется имя автора, который умеет писать увлекательно и в то же время образовывать читателя. Научно-популярный жанр востребован не меньше научно-фантастического! А Жюль Верн работает в обоих.

В 1862 году Жюль Верн знакомится с известным издателем Пьером Жюлем Этцелем, публиковавшим Бальзака, Жорж Санд, Гюго.

Верн показал ему свою новую рукопись – на этот раз романа. Этцель был очень доволен: ему понравился стиль Верна, умение гармонично соединять художественное повествование с рассказом о науке и технике. 31 января 1863 года вышел роман «Пять недель на воздушном шаре».

В 1864 появляется «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» – сначала главами в номерах журнала. Родился тот Жюль Верн, которого знаем мы все.

Собираясь создать особый «Журнал воспитания и развлечения», Этцель подписал с Верном договор, по которому писатель обязался предоставлять ежегодно три рукописи за фиксированную плату. Появилось то, на чем так настаивал Поль Верн: перспектива стабильного заработка. То, о чем мог только мечтать Жюль Верн: зарабатывать на жизнь любимым делом.

Пьер Жюль Этцель в 1900 году

В 1866 году Этцель заявил, что планирует издать серию произведений Верна под названием «Необыкновенные путешествия», в которых писатель должен «обозначить все географи-

ческие, геологические, физические и астрономические познания, накопленные современной наукой, и пересказать их в занимательной и живописной форме». Верн соглашался, но уточнял: «Да! Но Земля столь велика, а жизнь так коротка! Чтобы оставить после себя завершённый труд, нужно жить не менее 100 лет!».

В СССР чаще всего изображали дело так, что хитрый буржуй Этцель эксплуатировал несчастного писателя. И что это гениальный Жюль Верн обеспечил процветание Этцелю. Представление о таком раскладе опиралось на слухи, пришедшие из времен Жюль Верна: что Жюль Верн будто бы обошел со своим первым романом четырнадцать издателей, поочередно отвергавших рукопись. Наконец ему не посчастливилось найти пятнадцатого издателя – Этцеля. Тот, естественно, немедленно заключил с ним кабальный контракт на двадцать лет вперед.

Скорее все наоборот: это Этцель создал того Жюль Верна, которого знает весь мир. И не обидел деньгами. Договор не был ни кабальным, ни заключенным раз навсегда, условия договора не раз пересматривались. По первой версии договора Жюль Верн должен был за год написать три книги, каждая примерно в 10 печатных листов объемом. Это не такой уж невероятный труд. Труд, конечно, но на самого себя. Труд – самореализация. Сам Верн в интервью не раз говорил, что самое большое удовольствие приносит ему литературная работа. И что самое мучительное для него – праздность.

За каждую книгу Жюль Верн он получал 1925 франков. Жорж Санд и Бальзак получали за рукопись по 2000 франков, и при том не имели никакой гарантии сбыта. Более высокие гонорары получал только Александр Дюма-отец, создавший индустрию выпуска книг.

Трудясь секретарем в театре Жюль Верн получал 100 франков в месяц. Работая на бирже – от 100 до 150 франков. Теперь он имеет 5775 франков в год. 480 франков в месяц гарантированного дохода.

С конца 1865 года гонорар был повышен до трех тысяч франков за книгу, а после 1871 года – до шести тысяч, с обязательством передать издателю уже не по три, а по две книги в год. 12 000 франков в год, по 1000 в месяц.

В 1870-е годы крупный чиновник получал от силы 400–600 франков. Рабочий – от 70–80 до 150 франков. В 1872 году ежегодный средний доход сельской семьи составлял 800 франков.

К тому же если по романам ставились пьесы в театрах, или романы переиздавались, Жюль Верн получал дополнительную плату.

Первое время Этцель очень сильно влиял на работы Верна, а тот почти всегда соглашался с его редактурой. Многое изменилось после того, как Этцель отказался выпускать роман «Париж в XX веке». В этом грустном романе бедный юноша не может найти места в жизни и в Париже 1960-х годов. Его девушка умирает, несчастный парень приходит к ней на могилу и падает без сил на снег. Наверное, Жюль Верн хотел показать, что главное в человеческой жизни не изменяется из-за технических чудес. Жизнь может быть горька и в мире фонографа и телефона! Но читатели то ждали именно научно-технического оптимизма, а не любовной и бытовой драмы.

Роман не вышел. Сам Жюль Верн никогда больше не пытался его опубликовать. Долгое время его считали то ли потерянным, то ли вообще семейной легендой Вернов. Он вышел в свет лишь в 1994 году благодаря правнуку писателя, Жану Верну, который нашел рукопись романа.

Введение второе, или: Книги месье Жюль Верна

Так уж создан человек: в нем всегда живет потребность создать что-нибудь прочное и долговечное, которое бы его пережило, и в этом до известной степени заключается господство человека над всем остальным.

Жюль Верн

Что же он писал

Итог жизни писателя и без «Парижа в XX веке» громаден: 33 пьесы, 66 романов, 20 повестей и рассказов, 16 документальных очерков и статей, фундаментальные научно-популярные труды – «Иллюстрированная география Франции и ее колоний» (1864), «История великих путешествий и великих путешественников» или «Открытие Земли» в 4 томах (1880).

Один цикл «Необыкновенные путешествия» включает такие шедевры, как «Путешествие к центру Земли» (1864), «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1867), «Вокруг Луны» (1869), «Двадцать тысяч лье под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Таинственный остров» (1874), «Михаил Строгов» (1876), «Пятнадцатилетний капитан» (1878), «Робур-Завоеватель» (1886).

«Необыкновенные путешествия» в коллекции Этцеля занимают шестьдесят пять томов большого формата, украшенных двумя с половиной тысячами гравированных иллюстраций в исполнении лучших французских мастеров. Одновременно выходили дешевые компактные издания той же серии: девяносто восемь книг – всего около тысячи печатных листов или двадцати тысяч книжных страниц.

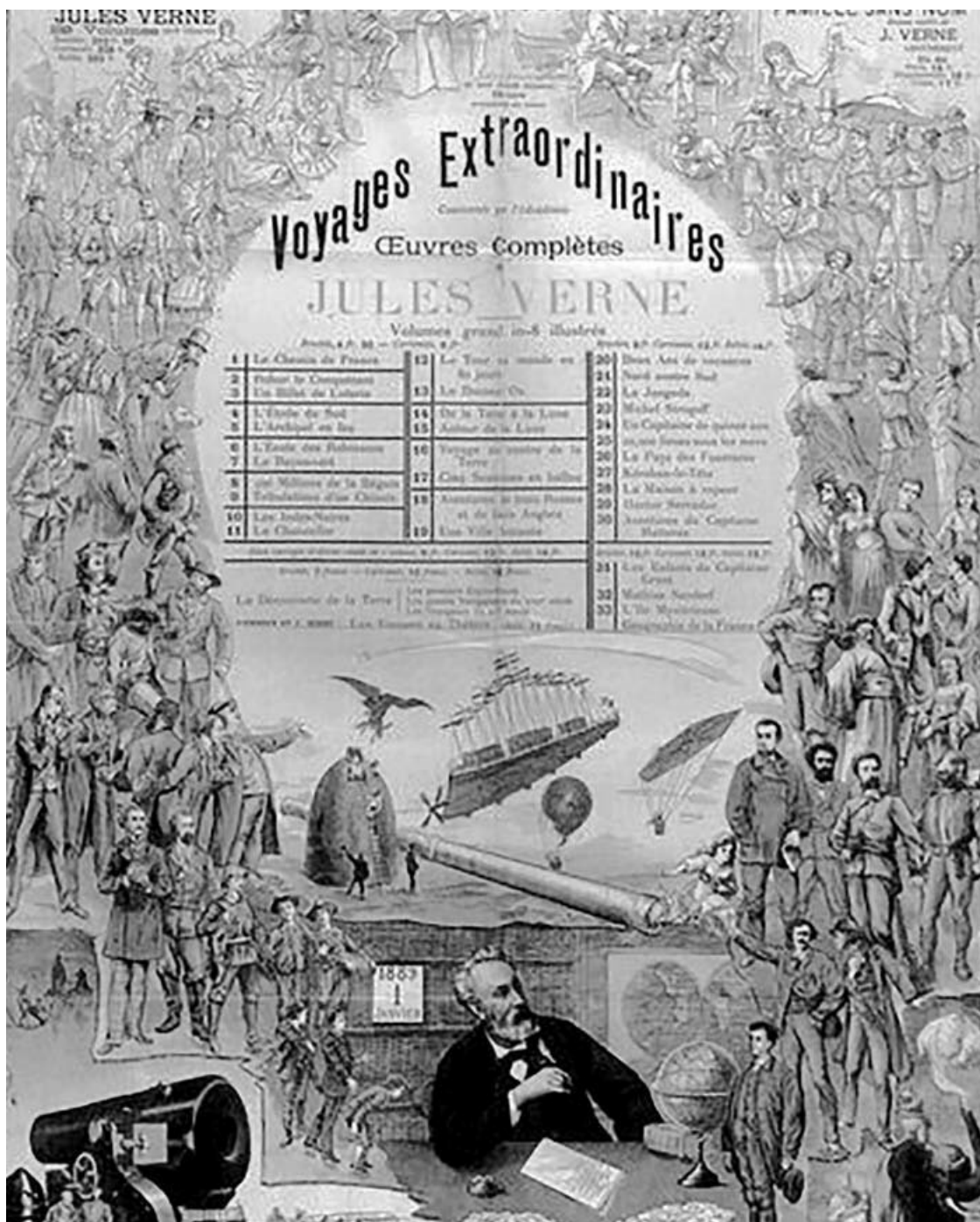
Жюль Верн – фантаст и провидец? В «Робуре-Завоевателе» главный герой изобрел вертолет и объявил будущее за летательными аппаратами тяжелее воздуха. В его продолжении, «Властелине мира», он уже создал аппарат, способный летать по воздуху как самолет, плавать на воде и под водой и двигаться по земле как автомобиль. Тогда это казалось невероятным, в наше время технологически возможно.

Во «Флаге родины» происходят бои между подводными лодками, корабли топят оружием, напоминающим баллистическую ракету. Жюль Верн предсказал создание акваланга, полеты в космос («С Земли на Луну» и «Гектор Сервадак»), видеосвязь и телевидение («Париж. XX век»), строительство Транссибирской и Трансмонгольской магистралей, широкое использование алюминия и возможность пройти Северный морской путь за одну навигацию.

Провидец? Не всегда. Даже чисто географические заключения автора далеко не всегда оказывались верны. На Южном полюсе нет океана («Двадцать тысяч лье под водой»). На Северном полюсе нет суши («Путешествие и приключения капитана Гаттераса»).

Под Суэцким перешейком нет подземно-подводного пролива, а Мальмстрем вовсе не так ужасен, как его описывал автор («Двадцать тысяч лье под водой»).

Ядро нашей планеты не холодное («Путешествие к центру Земли»), а пустоты с «альтернативной жизнью» не найдены.

Плакат, заказанный Пьером Этцелем в 1889 году для рекламы серии необыкновенные путешествия Жюль Верна.

Многие описания жизни Африки вызывают улыбку, а у политкорректных ... (опускаю эпитет) способны вызвать приступ ярости – хотя бы место, где во время сражения двух племен африканец отрубает руку у врага и тут же начинает ее поедать («Пять недель на воздушном шаре»).

Еще наивнее многие технические предсказания и описания Жюль Верна. Еще в 1970-е американцы попытались экранизировать его «Робура-Завоевателя», изображая летательные аппараты такими, какими их описывал Жюль Верн. Зрелище медленно плывущих в воздухе металлических платформ, приводимых в движение такими же неторопливыми пропеллерами по краям – как колесами парохода, – по меньшей мере забавны. Сколько не говори, что это –

предшественник вертолета, все же получается исключительно нелепо, противоречит элементарным законам физики...

Дилогия «Из пушки на Луну», состоящая из книг «С земли на Луну» и «Вокруг Луны»², может показаться еще более наивной. Сюжет прост: некий гениальный американец, Импи Барбикен, строит исполинскую пушку «Колумбиаду». Располагается она в шахте глубиной 900 футов (274 метра) с чугунными стенками диаметром 60 футов (18.3 метра) Заряд пироксилина весом в 18 тонн выбрасывает в Космос полый алюминиевый цилиндр, несущий трех путешественников. Математические расчеты для романа выполнил французский математик Анри Гарсэ.

Это позже справедливо говорили и писали, что полый снаряд не выдержал бы энергии выстрела и был бы уничтожен. Что «пассажиры» никогда бы не пережили нагрузки от ускорения, от звука выстрела они бы навсегда оглохли, а удара о воду при приземлении наверняка не пережили бы. Что автор не учел сопротивление воздуха при преодолении земной атмосферы; что снаряд никогда бы не преодолел атмосферы.

Но современникам произведение казалось вполне правдоподобным!

В романе очень много самых разнообразных нелепостей. Например, у Жюль Верна нет ни малейшего упоминания об уборной внутри снаряда, нет ни слова о том, как и куда испражнялись и мочились прекрасно кушавшие герои и их собаки.

Само путешествие предпринимается в уверенности, что на Луне есть атмосфера, там живут разумные селениты. Главное, – добраться до Луны, на ней селениты накормят, напоят и отправят на Землю героев.

Анатоль Франс уже в 1885 году ядовито заметил в «Книге моего друга»: «Простодушные мальчишки, поверив на слово Жюлю Верну, воображают, что на Луну действительно можно попасть в пушечном ядре...».

«Разоблачение» всех этих нелепостей обстоятельно совершает Яков Исидорович Перельман в своей «Занимательной физике»³.

Но одновременно и «Из пушки на Луну» объявляют «романом-предвидением»:

– в романе приведена совершенно верная оценка 2-й космической скорости в 12 000 ярдов в секунду;

– в романе физически корректно описывается состояние невесомости;

– старт героев романа происходит во Флориде, всего в 150 км от мыса Канаверал.

Тут же – предположения писателя об огромных материальных затратах, необходимых для освоения космоса. На запуск снаряда на Луну потребовалось 5 446 675 долларов! Интересно, что сказал бы Жюль Верн, узнав о стоимости программы «Аполлон»: 25 миллиардов долларов?

В наше время машины совсем другие, но сама по себе уборка урожая ведь и правда механизирована.

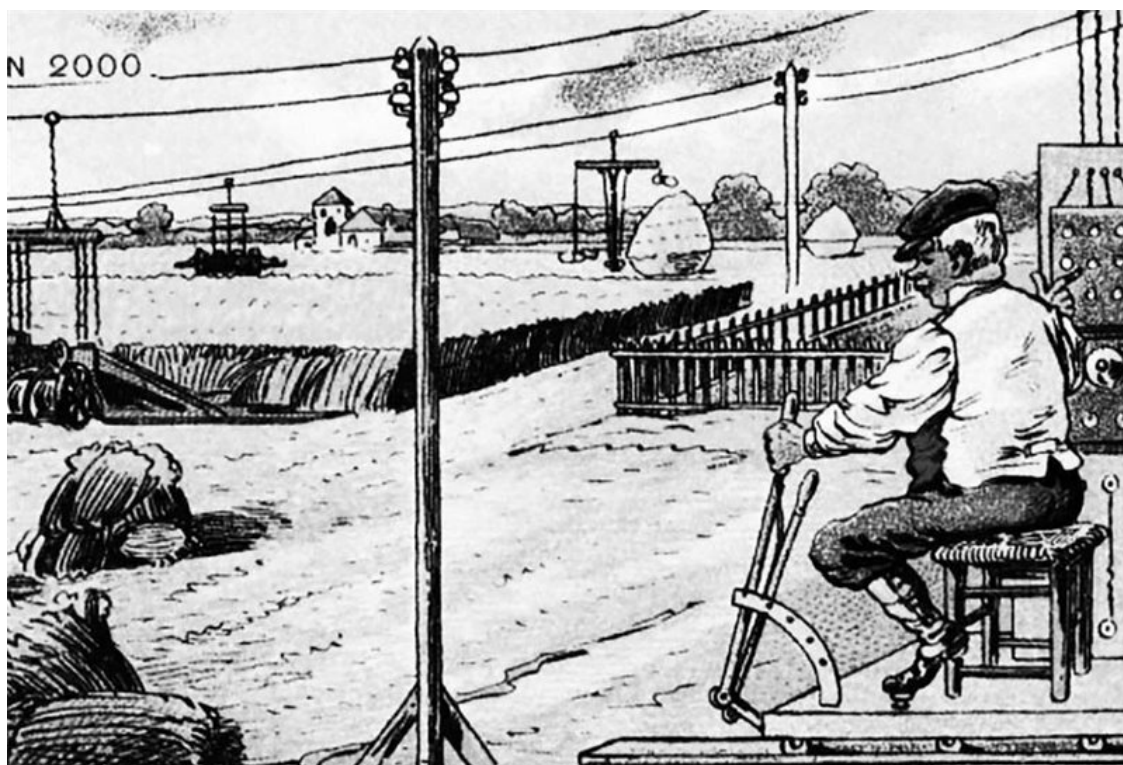
Но сами колоссальные расходы то он предвидел! Жюль Верн был намного большим реалистом, чем Уэллс в 1901 году, у которого мистер Кейвор строит космический аппарат в своем частном доме⁴, и даже чем Алексей Толстой уже в 1923 году: у него инженер Мстислав Лось создает «яйцеобразный аппарат» высотой 8 метров и 6 метров в поперечнике, с обшивкой из листов клепанной стали, с теплоизоляцией из войлока и резины... Лось строит космический аппарат на Ждановской набережной, в доме 11 – «во дворе, заваленном ржавым железом и бочонками от цемента». Где «чахлая трава росла на горах мусора, между спутанными клубками проволоки, поломанными частями станков». В сарае, где «сквозь нагромождения лесов

² Жюль Верн *Собрание сочинений в 12-ти тт.* – М.: Худлит, 1954–1957.

³ Перельман Я.И. *Занимательная физика.* – Пг.: Изд-во П. П. Сойкина, 1916. (по 1981 год на русском языке состоялось 21 переиздание).

⁴ Жюль Верн *Из пушки на Луну.* – М.: Эксмо, 2009

поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сферического тела. В раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря»⁵.

Ко Всемирной выставке в Париже в 1900 году выпустили цветные почтовые карточки «Мир будущего», изображавшие мир через 100 лет, в 2000 году. На этой карточке – уборка урожая машинами.

Так кто же он, Жюль Верн?! Провидец или профанатор?!

... Конечно, ни то, ни другое. И помимо космических полетов, Жюль Верн описывал будущее со счетными машинами, вертолетами, автомобилями, цветными телевизорами. Автомобили у него снабжены керосиновыми двигателями.

Но описание каждого конкретного изобретения заставит приподняться не одну бровь. Конкретика чаще всего беспомощна, идея великолепна. Одни предсказания нелепы, другие попадают в «десятку».

«Гениальное предвидение»? Нет... Использование данных современных Жюль Верну науки. Уж какая наука – такие и предположения!

Разумные обитатели Луны? Полости в недрах Земли? О них говорили вполне серьезно. Старшего современника Жюля Верна, Александра Гумбольдта, как – то спросили на некоем парадном обеде: «Что находится в центре Земли?»

– Не далее, как несколько дней назад, – ответил, улыбаясь, великий естествоиспытатель, – ко мне явился какой-то таинственный капитан, настоящий тип морского волка. С необычайными предосторожностями он сообщил мне, что у Северного полюса, где он недавно побывал, существует огромная пропасть, окруженная красной короной сверкающего северного сияния. Храбрый моряк не побоялся спуститься в эту зияющую воронку, ведущую прямехонько к центру Земли, и был награжден за свою смелость феерическим зрелищем. Внутри наш земной шар совершенно пуст, как детская погремушка, и в этом огромном пространстве кружатся друг

⁵ А. Н. Толстой «Аэлита»

возле друга две маленькие звезды – Плутон и Прозерпина. И в их смутном, неверном свете на внутренней стороне Земли до сих пор бродят динозавры и птеродактили первобытного мира...

– И это правда? – спросила ученого пораженная соседка.

– Было бы очень красиво, если бы это было правдой, – сказал, улыбаясь, Гумбольдт.

Александр фон Гумбольдт скончался в 1859 году. «Путешествие к центру Земли» вышло в 1864.

Если об инженерных идеях – Жюль Верн последовательно описывает то, что вскоре может появиться... Исходя из существующей в его времена реальности. Наука 1870-х годов была такова, что слишком многое в творениях писателя не выдержало испытания временем.

Тем не менее Жюль Верн и в начале XXI столетия – один из самых популярных писателей в мире. Почему же?

Одни говорят, что от его «ошибок» и неточностей произведения Жюль Верна становятся еще интереснее. Писатель то ли создал альтернативный мир, то ли показал будущее, каким оно представлялось сто пятьдесят лет назад. В конце концов, существует же такое направление в фантастике как стимпанк или паропанк (от английских слов steam – «пар» и punk – «панк»). Возникший первоначально в 1980-х годах как литературное течение в противовес киберпанку, стимпанк показывает, каким мог бы стать мир, если бы энергия угля и пара XIX века оставалась бы основой цивилизации.

Независимо от мудреных словечек, «предсказатель» он или «мечтатель», но Жюль Верн лишь показывал, как видела мир наука XIX столетия. Показывал как реальность то, что хотели создать инженеры и техники. И что в принципе могло бы быть и создано.

Другие все же напевают на сбывшиеся или почти сбывшиеся предсказания и предвидения. Они тоже правы. Сам Жюль Верн говорил: «Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал, все это всегда будет ниже действительных возможностей человека. Настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения».

Ну вот – достижения современной науки и техники стократ превосходили все, о чем мечтал человек XIX столетия. Пусть используя не пар и уголь, а производные крекинга нефти и атомную энергию.

Кроме того, есть же и другая сторона художественного произведения – не научно-техническая, а чисто литературная. У Жюль Верна нет «средних» персонажей. Они или очень хорошие люди, или очень плохие. Полутона почти отсутствуют. Главный герой – всегда «хороший»; исключение – разве что Робур из «Робура-Завоевателя». Даже анархист Кау-Джер в конце концов «исправляется», а злодей Том Рок нравственно перерождается.

Читатель просто обречен симпатизировать и сопереживать главным героям – образцам всех добродетелей, благородным и смелым. Так же точно он просто вынужден переживать антипатию ко всем отрицательным героям, – негодяям, разбойникам, глубоко аморальным и подлым.

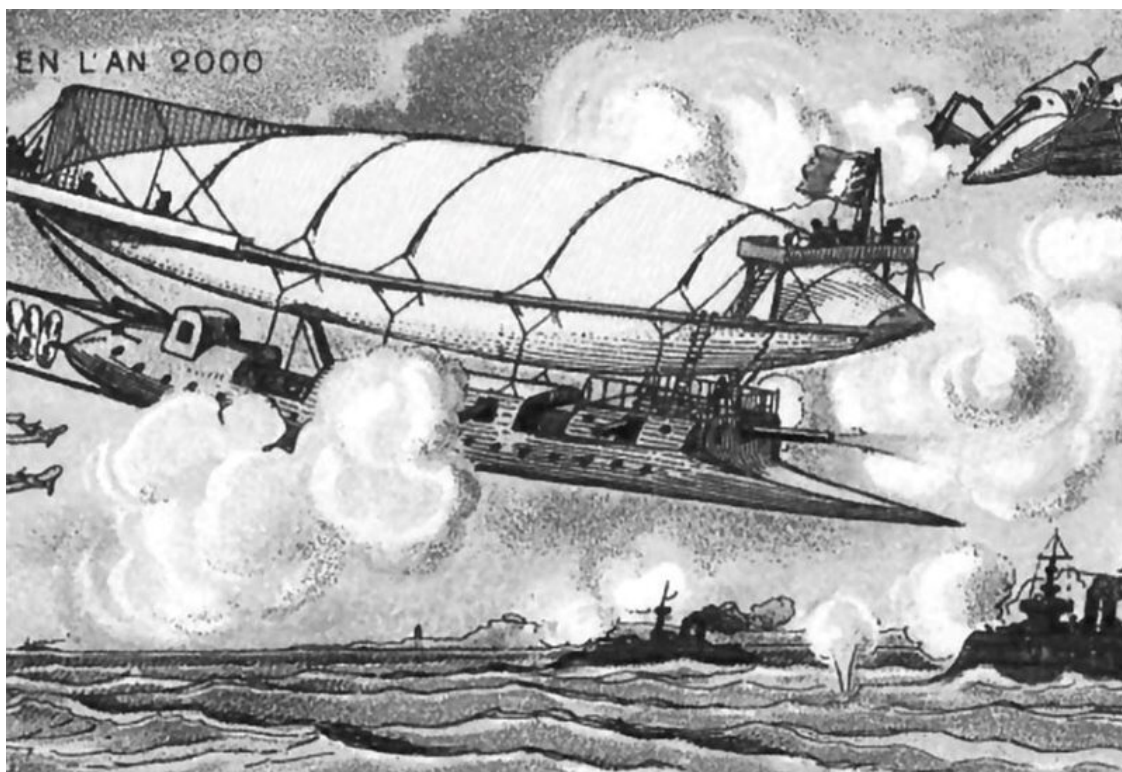

Карточка из серии «Мир будущего»: воздушный бой. Для 2000 года картинка безнадежно устарела, но выпустили ее за 15 лет до того, как Лондон бомбили немецкие цеппелины.

Отсутствие полутонов? Да, но ведь люди и ищут в литературе борьбу добра со злом. Особенно молодые читатели.

Молодежь нуждается в примерах для подражания. И они есть! Техника техникой, но как привлекательны благородные, героические капитан Гаттерас, капитан Грант, капитан Немо, Матиас Шандор.

В представлении массового человека ученый – всегда пожилой чудаковатый. Таковы профессор Лиденброк, доктор Клоубонни, кузен Бенедикт, географ Жак Паганель, астроном Пальмирен Розет. Все они чудаковаты, мало приспособлены к жизни и нуждаются в опеке более сильных людей. Но не только! Они отважны, героически преданы науке, умны, совершают огромные усилия в познании истины.

Карточка из серии «Мир будущего»: летающие пожарные. Летать то пожарные летают, а топят в 2000 году, стало быть, дровами и углем. И по улице идет явно паровая машина.

Все герои – «слишком» положительные, но все они имели прототипов. У Паганеля есть немало черт слепого путешественника Жака Араго. Мишель Ардан, летящий в снаряде с Земли на Луну, напоминает друга писателя, фотографа и воздухоплавателя Гаспара Феликса Турнашона Надара (1820–1910), лично знакомых ему физика Жака Бабинэ (1794–1872), изобретателя Гюстава Понтон д'Амекура (1825–1888), получившего патенты на изобретение вертолета.

Хороший конец, пресловутый «хэппи энд»? Но люди ведь хотят, чтобы добро побеждало зло, чтобы хорошие люди получали воздаяние за свое благородство и были счастливы.

Во многом был прав не Жюль Верн, а именно издатель Этцель, настаивавшем, чтобы писатель переделал роман «Париж в XX веке». Во всех вышедших при жизни романах Жюль Верна главные герои счастливы и довольны. Они получают образование и хорошую работу, женятся и выходят замуж по любви, вознаграждены за «правильные» поступки.

Исключение – «Замок в Карпатах» (роман начал писаться около 1889, но правки вносились вплоть до 1892), в котором Карпаты тоже изображены достаточно условно. Дух же романа таков, что некоторые считают его источником вдохновения пресловутого Брэма Стокера, создателя «Дракулы».

Обитатель карпатского замка, старый враг главного героя, графа Франца де Телека, злобный барон Рудольф фон Гортц и его помощник, непризнанный гений Орфаник, создал изображение умершей жены де Телека, оперной певицы Стиллы. По мнению многих специалистов, в этой книге Жюль Верн предсказал появление голограмм. В романе поющее изображение Стиллы неподвижно, но в экранизациях романа (румынские фильмы 1957 и 1981, французский телефильм 1976 года) оно становится движущимся... С тех пор иногда даже сам текст публикуют с искажениями, а Жюль Верна объявляют предсказателем кинематографа или даже технологии 3D-кино.

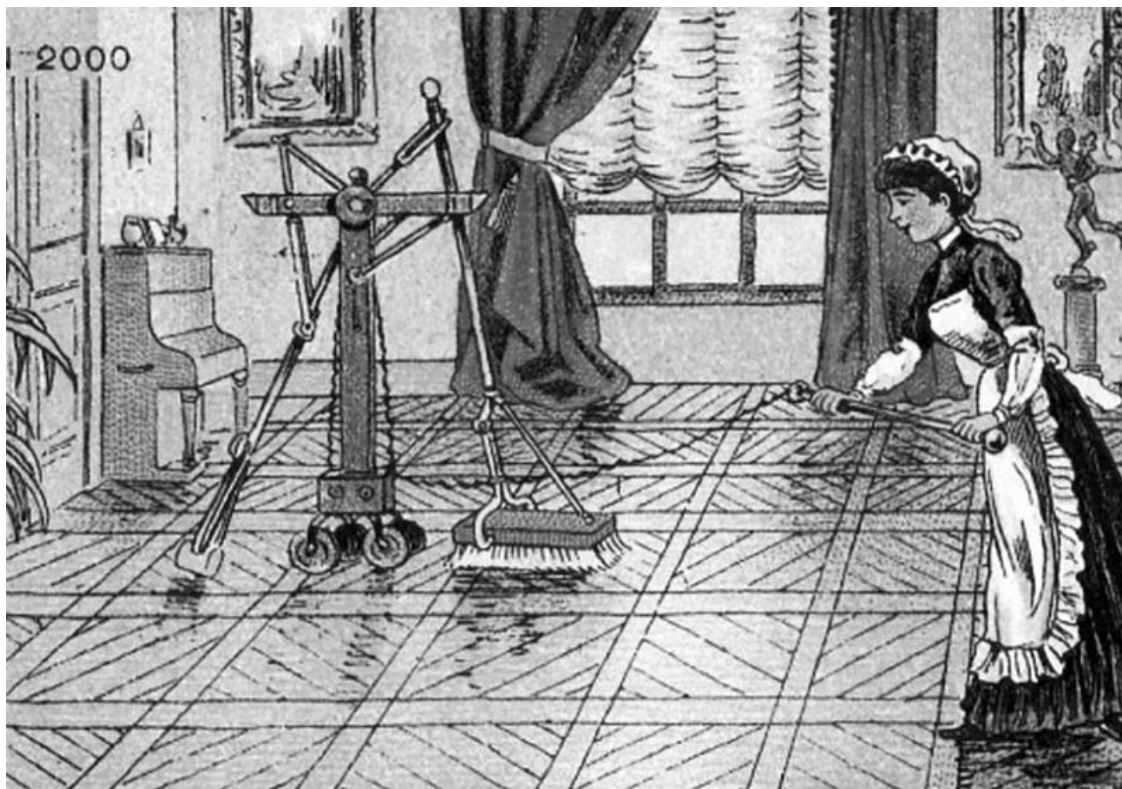
В реальности Жюль Верн опирался на «фантаскоп» Робертсона, предшественник диа-скопа, и на фонограф Эдисона... Но главное – несчастный Франц фон Телек падает замертво... В итоге роман оставляет довольно тяжелое впечатление.

А ведь хочется совсем другого! Почти все произведения Жюль Верна если не веселы – то по крайней мере оптимистичны. ...что и требовалось. Жизнеутверждающе.

Жюль Верн в России

Жюлю Верну не довелось побывать в России. Он не раз пытался попасть в нашу страну, но все время что-то мешало: то шторма, то нехватка времени. Сам он в России всегда почитаем и любим, из чего только два исключения.

Одно из них, как ни странно, «Путешествия к центру Земли». Люди, почему-то считавшие себя вправе решать за Создателя, как он должен был творить мир, возмутились: Жюль Верн пропагандирует материализм «в духе Базаровых, Лопуховых и компании». Ведь в этом романе описывались живущие в полостях Земли ящеры, подобные древним, и даже (о ужас! – А.Б.) люди-великаны, продукты эдакой параллельной эволюции. «Это противу Священного писания».

Карточка из серии «Мир будущего»: механическая горничная. Кстати, у Жюль Верна нет ни слова о механизации домашнего труда. Создатели же картинки считали, что в 2000 году будут горничные, и в таких же длинных форменных платьях, как в 1900.

Писала это 16 марта 1866 года газета «Голос» – тогда она фактически правительственным официозом: сохраняла теснейшие связи с правительственными деятелями и получала 12 тыс. рублей в год из сумм Министерства народного просвещения.

Циркуляр министра внутренних дел П. А. Валуева от 2 апреля 1866 года требовал изъять «Путешествие к центру Земли» из гимназических библиотек. Разумеется, если и изъяли – ненадолго. А читать все равно книгу читали.

Другое исключение: долго не переводили «Михаила Строгова», действие которого происходит в России. Но об этом – отдельно и ниже.

Действие нескольких романов Жюль Верна полностью или частично разворачивается на территории России: «Упрямец Керабан» (1883), «Михаил Строгов» (1876), «Робур-Завоеватель» (1886), «Цезарь Каска-бель» (1890), «Клодиус Бомбарнак» (1892), «История Жана-Мари Кабидулена» (1901), «Драма в Лифляндии» (1904).

Жюль Верн считал Россию европейской страной, он относился к ней так же, как к любой другой интересной «загранице». Но ее специфика писателя мало занимала... как и всех «заграниц».

Делегат России Борис Карков во «Вверх дном» приезжает на собрание «Барбикен и К^о». Это какой-то условный русский. С тем же успехом там мог быть... ну, допустим, немец, поляк или швед. При том, что для выстрела из пушки в сторону Луны приходится обратиться ко всем странам и «Россия внесла огромную сумму – 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых обошлась государству в два миллиона рублей».

Главная обсерватория – видимо, Пулковская. Представитель России условен. А сама Россия выглядит в высшей степени привлекательно.

Русские оказываются в числе главных героев в «Гекторе Сервадаке» (1877), и это тоже очень условные русские.

Герои «Приключений трех русских и трех англичан в Южной Африке» (1872) в еще большей степени условные англичане и русские. В романе английская и русская экспедиции сначала идут вместе, потом ссорятся – до них доходят сведения о начале военных действий в 1854 году (имеется в виду начало Крымской или Восточной войны 1854–1856 годов). Кроме описания природы Южной Африки и невероятных приключений в романе звучит пафос сближения разных народов. Убежденный враг войн, Жюль Верн показывает, как реалии путешествия сближают людей. Когда разбойничье племя макололо нападает на русских и осаждает их на горе, англичане приходят на помощь. Русские и англичане вместе возвращаются на австрийском судне. В конце концов английский ученый Вильям Эмери заверяет русского коллегу Михаила Цорна в своей неизменной дружбе. Очень в духе основных идей Жюль Верна: достойные люди дружат независимо от своих обезумевших правительств. Красиво. Увлекательно. Благородно. И очень далеко в стороне от любых политических или культурных реалий эпохи. С «Михаилом Строгиным» получилось еще интереснее... Откровенно «экзотический» роман, в котором курьер Строгов скачет в Иркутск, предупредить губернатора Иркутска (почему-то родного брата царя) о восстании татарского хана Феофара. Хан вроде татарский, но под татарами имеются в виду жители Средней Азии – видимо, Сибирь и Средняя Азия путаются в сознании Жюль Верна. Кстати, случай для него необычный – географом он был великолепным. Некоторые исследователи полагают, что под Феофар-ханом Жюль Верн имел в виду казахского Кенесары-хана. Если и так, – странно, что перепутал.

Михаил Строгов, преодолев тысячи препятствий, прибывает в Иркутск, к генерал-губернатору, с личным посланием царя и в финале разоблачает предателя, возглавившего восстание кочевников.

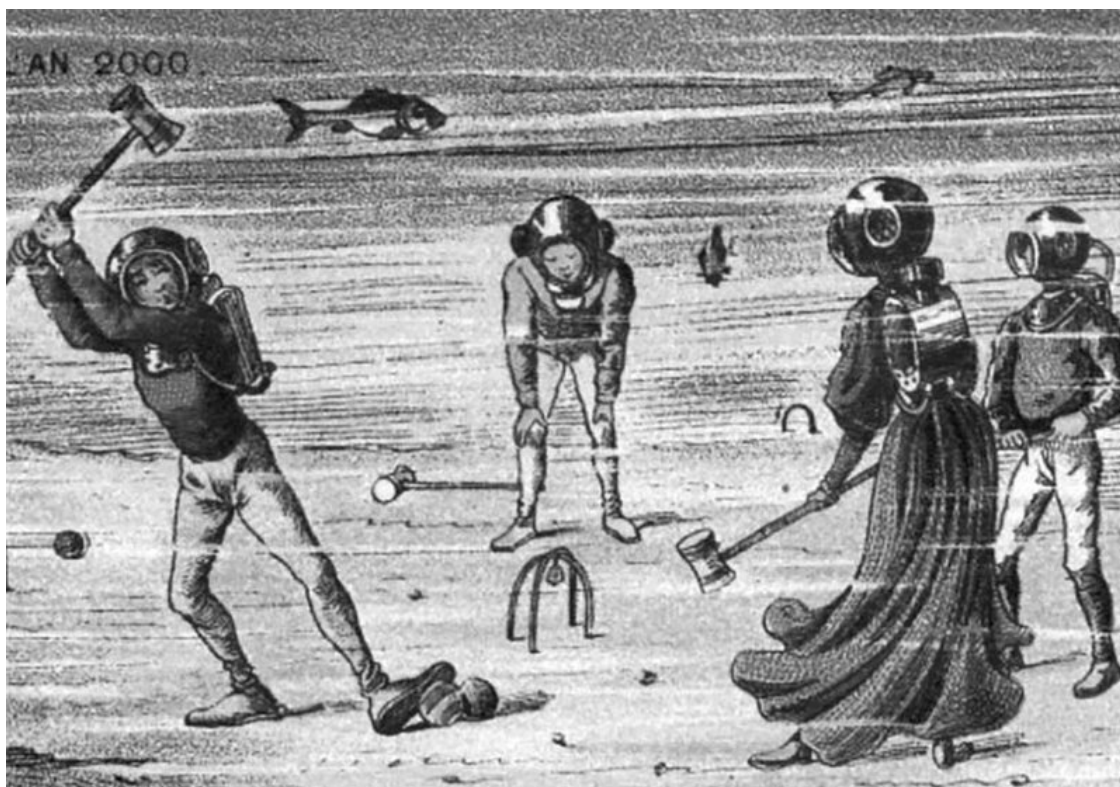
И сам Жюль Верн, и Этцель опасались, что роман сильно не понравится в России. Помнилось, что роман Александра Дюма «Учитель фехтования», вышедший в 1840 году был запрещен в России. Была романа Дюма и «развесистая клюква», и звали одну из героинь Телятина, а другую Телега... все это было. И шампанское из самоваров там пили. Но запретили роман не из-за этнографических и географических нелепостей, а потому, что в нем описывалось восстание декабристов.

Впервые опубликовали «Учителя фехтования» только в 1925 году, с искажениями и огромными купюрами, сократив почти наполовину... Сократили опять по идеологическим соображениям, но уже противоположного характера – царь и правительство в царской России оказывались у Жюль Верна слишком «плохими» для царской власти и чересчур «хорошими» для советской.

Во время написания «Михаила Строгова», в 1876 году Россия ликвидировала Кокандское ханство, а Хиву взяла под протекторат. Вдруг опять что-то огорчит русских?! Прибегли к помощи Тургенева. 23 сентября 1875 года издатель получил ответ: «Мой дорогой друг, книга Верна неправдоподобна – но это неважно: она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни – это все равно, как если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией». После его замечаний сцены татарского набега полностью переработали. По требованию Этцеля Жюль Верн исключил все подробности, которые могли бы хоть как-то связать действующих лиц романа с реальными историческими личностями и с текущей политикой России. Впрочем, много фантастических деталей осталось.

Этцель продолжал сомневаться, и попросил Тургенева устроить встречу с русским послом, князем Н. А. Орловым¹⁴ ему и Жюлю Верну. Встреча состоялась в декабре 1875 года. Князь не нашел в романе «ничего предосудительного», но все же посоветовал изменить заглавие... Роман «Курьер царя» превратился в «Михаила Строгова».

Тем не менее цензура в России книгу не пропустила: в романе Василий Федоров, осужден за участие в тайной политической организации. Его дочь Надя едет в Сибирь искать отца (узнаем колорит «Детей капитана Гранта?»), – в нее то и влюбляется Михаил Строгов.

Карточка из серии «Мир будущего»: крикет под водой. Представить себе сложную аристократическую игру под водой авторам картинки проще, чем изменение длины юбки. Или исчезновение самой игры.

Власти явно не хотели ни привлекать внимание к революционерам, ни смущать умы походами «татар» на Иркутск. Русский перевод «Михаила Строгова» вышел из печати только в

1900 году и затем был включен в Собрание сочинений Жюль Верна, выпущенное после революции 1905 года П. П. Сойкиным. В России этот роман никогда не был широко известен и популярен. А вот во Франции этот роман выдержал сотни изданий! Одна из самых читаемых книг Жюль Верна.

Жюль Верн и Онорина в 1894 году. Особой близости не заметно.

Во-первых, французские школьники в течение многих десятилетий знакомились с географией России по «Михаилу Строгову». Жюль Верн прочитал невероятно много, вплоть до железнодорожных справочников. Русского он не знал, ему переводили. Писатель достаточно подробно описал все города, лежащие на пути Михаила Строгова: Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой, Казань, Пермь, Тюмень, Омск, Колывань, Томск, Красноярск... Да что города! Жюль Верн описал даже самые захолустные села и посады, почтовые станции и перевалочные пункты. Он описывал природу страны, занятия жителей, состояние проезжих дорог, транспортные средства, леса и животных.

Несомненно, это роман не менее познавательный, чем «Двадцать тысяч лье под водой» или «Дети капитана Гранта». Очень полезный для знания тогдашней России.

Во-вторых, Жюль Верн описывает Россию так, как ее хотели видеть во Франции. Индеец Талькав у него – очень условный арауканец, – такой, каким хотели видеть во Франции «положительного индейца».

Невозмутимый флегматик майор Мак-Набс и страстный националист Гленарван – очень условные образ шотландцев. Они такие, какими хотели бы их видеть образованные французы того времени.

Точно так же и герои «Михаила Строгова» соответствуют всем национальным стереотипам того времени. С «непостижимой русской душой», с маниакальной жадой «бороться с самодержавием», с самоварами и поеданием блинов. Имена у героев романа русские, названия городов и местностей соответствуют карте России. Некоторые города описаны с поразительной

точностью, но в описаниях Жюль Верна встает не реальная Россия, а скорее некая далекая сказочная держава, у которой мало общего с действительностью любого времени. Что-то вроде Лукоморья или Средиземья, населенного хоббитами.

Невольный вопрос – а хотел ли Жюль Верн вообще что-то знать о России? Не о сказочной, а о реальной? Без «клюквы» и без «княжны Телятины»? Без ослепления пленников «татарами» посредством раскаленной сабли? Без родного брата Императора в роли губернатора Иркутска? Не уверен. Все описания «иностранцев» у Жюль Верна очень общие и поверхностные. Национальным чертам он придает мало значения – не это его интересует. Но что русские у Жюль Верна весьма привлекательны – факт. Нет ни одного скверного русского, не появляется даже эпизодически ни одного подонка или бандита русского происхождения.

Национальных предрассудков Жюль Верн вообще не разделял. Никаких. Люди всех европейских народов у него одинаково умны, порядочны и отважны.

Исключение – разве что немецкий профессор Шульце, который выведен крайне комедийно и в высшей степени непривлекательно. Чавкая, профессор пожирает целые горы кислой капусты с сосисками, запивает озерами пива, после чего садится писать статью «Почему современные французы проявляют признаки дегенерации»⁶. Злоумышляя против французского героя романа, строящего совершенный «город здоровья и благоденствия», Франсевилль («Французский город»), Шульце сооружает город «Шталыштадт», «Стальной город», в котором изготавливает чудовищную пушку – палить по Франсевиллю.

Конечно же, герр Шульце ошибся в расчетах: снаряд из его супер-пушки, преодолев земное притяжение, стал постоянным спутником Земли. Сам же Шульц погибает в своей лаборатории, готовя против Франсевилля очередную гадость.

Роман вышел в 1879 году... Откровенная попытка «реванша» после Франко-прусской войны 1870 года.

Поздний Жюль Верн

Похоже, писатель никогда особенно не любил родной Нант. В 1872 году по желанию Онорины семейство Вернов переезжает в Амьен. Как говорил сам Жюль Верн, «подальше от шума и невыносимой сутолоки».

Этому предшествовала целая череда семейных несчастий. В 1870 году от оспы умерли брат и жена супруги писателя, Онорины. 3 ноября 1871 года в Нанте умер отец писателя Пьер Верн. После его смерти в Нанте ничто не держало Жюль Верна. Впрочем, и в Амьене в апреле 1876 года Онорина едва не скончалась от кровотечения. Спасти ее удалось только с помощью редкой в те времена процедуры переливания крови.

Были и другие причины перебраться в Амьен, которые Жюль Верн не рекламировал: Онорина рвалась к светской жизни, порой тратила слишком много на наряды. Как юного Жюль семья старалась отправить подальше от Нанта, в Париж, так взрослый Жюль Верн старался держать жену подальше от вредного для нее Парижа.

Многие исследователи считают выбор Амьена не слишком удачным – в этом городе жили родственники Онорины, с которыми у Жюль Верна было мало общего. Судя по всему, супруги только отдалялись в последние годы.

В целом же Амьен для Жюль Верна и его работы был выбором очень неплохим. В городе находилось старейшее научное учреждение Пикардии, – основанная в 1750 году Амьенская «Академия науки, литературы и искусства». В городе был музей, ботанический сад, театр. Работало Промышленное общество, созданное для поощрения местной индустрии и защиты ее от английской конкуренции.

⁶ Уэллс Г. Первые люди на Луне // Уэллс Г. Собрание сочинений в 15 тт. Том Третий. – М.: Огонек, 1964

Поселилась семья в собственном доме по адресу бульвар Лонжери, дом номер сорок четыре, на углу улицы Шарля Дюбуа. Массивный двухэтажный дом выходил своим фасадом на широкий двор. За ним лежал сад, тянувшийся вдоль Лонгевилльского бульвара. Высокая каменная стена отгораживала сад от нескромных взоров. Чтобы проникнуть в дом, нужно было или позвонить в большой медный колокол у главного входа, или вой ти в маленькую калитку со стороны улицы Шарля Дюбуа.

Если входить со двора, предстояло пройти через большую оранжерею и огромную гостиную с широкими окнами, а кабинет писателя помещался на втором этаже большой круглой башни, возвышающейся над одним из углов дома. Уединенное место, в которое писатель пускал далеко не всех.

Обстановка самая простая: узкая железная кровать, тяжелое кожаное кресло, большой круглый стол и старая конторка. На ней и писалось все, кроме созданного в каюте «Сен-Мишеля». На каминной полке два бюста: Мольера и Шекспира.

«Амьенский период» – едва ли не самый продуктивный в жизни писателя. Здесь написаны 34 романа, и при том писатель вел в Амьене довольно активный образ жизни. Верны участвуют в жизни города, устраивают вечера для соседей и знакомых. Жюль Верна избирают в члены Амьенской академии наук и искусств, а в 1875 и 1881 – ее председателем. В 1888 году Верна избирают в городское управление Амьена, где он трудился муниципальным советником почти до физического конца, до 1903 года. На общественных началах, бесплатно.

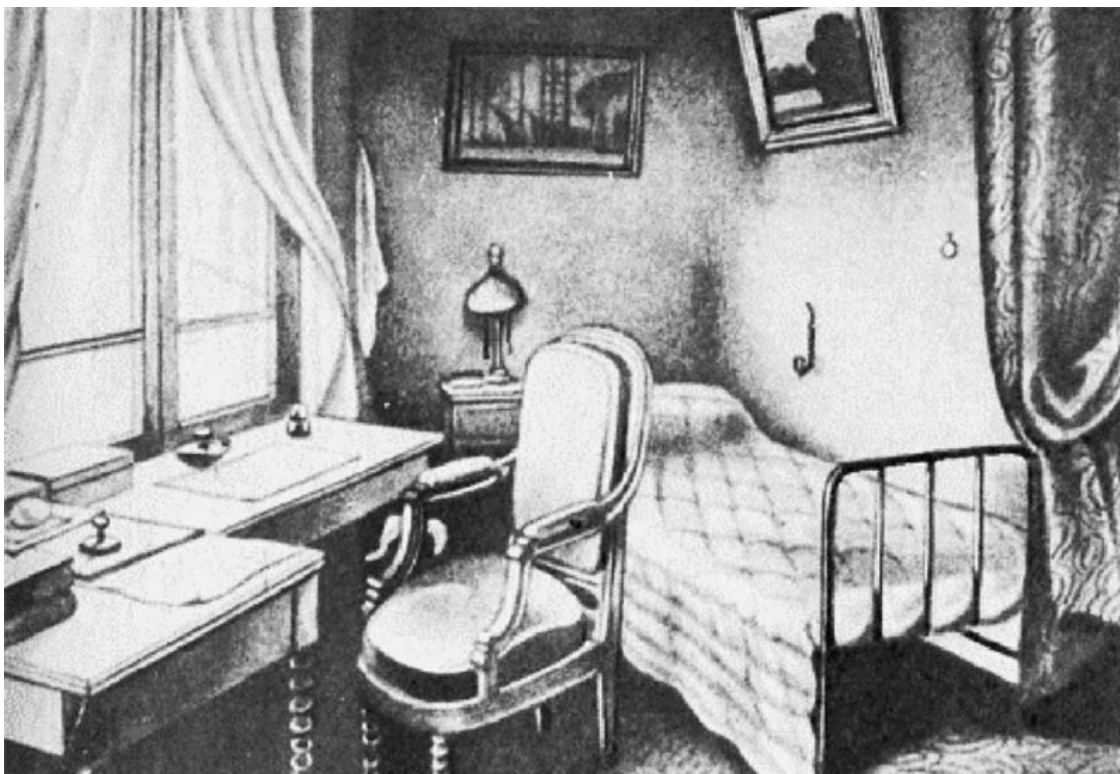
Отмечу еще раз: в творчестве писателя не отразилась Парижская коммуна. Никак. В советское время этого или не замечали, или толсто намекали на то, что писатель революциям сочувствовал, но был вынужден молчать. А то его перестали бы печатать, уpekли бы на каторгу... Но никаких, даже самых тонких и смутных намеков на парижские события 1871 года у Жюль Верна нет. Вообще. Нет никаких причин полагать, что Жюль Верн хотя бы слабенько сочувствовал коммунарам, и был врагом существующего строя. Убежденным сторонником технического прогресса он был. Либералом – был. Поборником равных прав людей разных народов – был. Экономическое неравенство людей осуждал. Тиранию презирал. Рабством возмущался, в том числе торговлей африканцами. Конкретными действиями правительства мог возмущаться. Но революционером не был ни в какой степени.

Если Виктор Гюго революции поддерживал и в пользу Парижской коммуны высказывался, то Жюль Верн этого не делал. Никогда.

И нет никаких оснований полагать, что он противопоставлял себя своему обществу, и политическому строю Франции своего времени. Тем более, при всех своих недостатках, этот политический строй не был ни жестоким, ни крайне несправедливым.

Живя в стране, пережившей большую и страшную революцию, фактически гражданскую войну, серию революций XIX века – 1830, 1848, 1871 годов, Жюль Верн постоянно оказывался среди людей разных, порой взаимоисключающих убеждений. Дружить он был готов со всеми – были бы люди хорошие. Хоть с анархистами, хоть с монархистами. Неразборчивость? В стране было слишком много противоборствующих сил. Или заниматься политикой, или писать. Если заниматься общественной работой, приходится делать это, лавируя между политическими противниками.

В городское управление Амьена Верна выдвинули республиканцы, но он до конца своих дней оставался монархистом, сторонником орлеанской династии¹⁵. Впрочем, и с республиканцами он поддерживал самые лучшие отношения, – с теми, кто вызывал его уважение.

Рабочий кабинет и одновременно спальня писателя. Легко заметить – кровать никак не двуспальная.

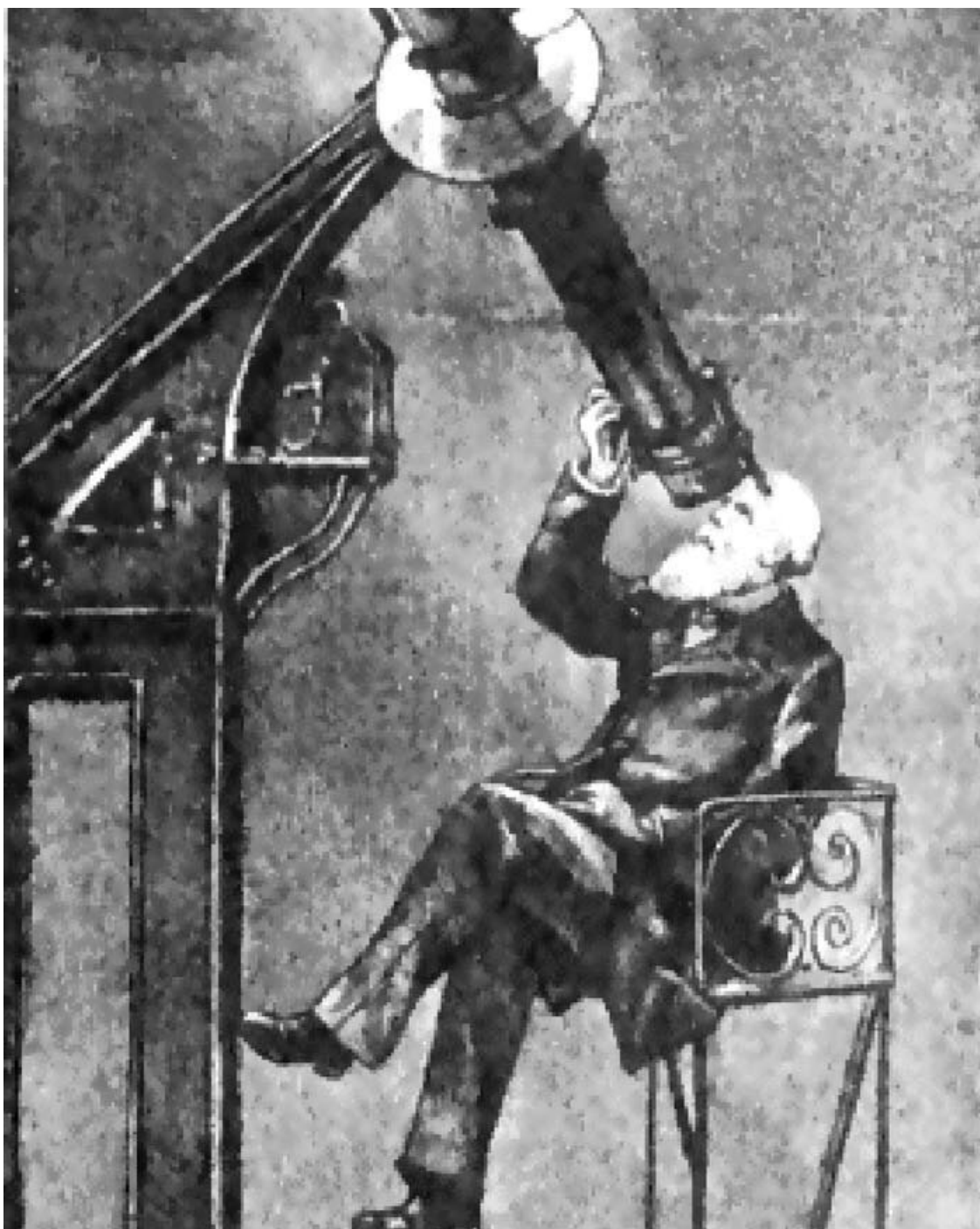
В Амьене Верн организовывал выставки и представления, построил цирк; после смерти Жюль Верна цирк назвали его именем.

В Амьенский период приходит полное признание всего французского общества.

Тем не менее официальные академические учреждения дистанцируются от Жюль Верна.

Французская академия удостоивает его Большой премии за «Необыкновенные путешествия».

Но Академия не принимает его в свои члены.

Одновременно иллюстрация и портрет: писатель в образе астронома-любителя, короля Малекарлии из романа «Плавучий остров». Л. Бенетт, 1895.

Причина простая и понятная: Жюль Верн пишет не «серьезные» романы, а какие-то побасенки для школьников и любителей приключений... Даже активнейшая помощь Дюма-сына не помогает стать академиком.

Правительство тоже прохладно. Во Франции, к ее чести будь сказано, есть несколько высших правительственных наград для писателей.

В 1892 году Жюль Верн стал кавалером ордена Почетного легиона, но ни медали «За заслуги перед Францией», ни «Ордена искусств и изящной литературы» он не получает. Причина та же самая: он не работает в жанре «высокой литературы». Ведь целями Академии является изучение французского языка, литературы, регулирование языковой и литературной

нормы французского языка. А тут что? Так, песенки моряков, да «массовая литература», приключенческие поделки для подростков.

До самого недавнего времени фантастику не считали жанром «серьезной литературы». Научно-популярную литературу – тем более.

Если мы посмотрим на списки членов Французской Академии, то найдем там только одно знакомое имя: Виктора Гюго. Ни Дюма, ни Бальзак членами Академии не были.

Считается, что после 1892 года писатель только дорабатывает заготовленные сюжеты, не создавая новых. Ссылаются на его слова 1902 года, – что в его возрасте «слова уходят, а идеи не приходят».

Вопреки этим грустным словам, Жюль Верн рассказывал и совершенно иное: «Каждое утро я встаю незадолго до пяти (зимой, может быть, чуть попозже), а в пять уже сажусь за стол и работаю до одиннадцати. Пишу я очень медленно, невероятно тщательно, постоянно переписываю, пока каждая фраза не примет окончательную форму. В голове я держу сюжеты по крайней мере десяти романов, готовые образы и фабулы, так что, как вы понимаете, материала мне хватает с избытком, и трудностей с доведением числа романов до восьмидесяти у меня не будет. Однако постоянные переделки отнимают много времени. Я никогда не удовлетворяюсь написанным, прежде чем не сделаю семь-восемь правок, всегда что-то правлю и правлю, можно сказать, что в чистовом варианте почти ничего не остается от первоначального. Это ведет к большой потере времени и денег, но я всегда стараюсь добиться лучшего как по форме, так и по стилю, хотя люди никогда в этом отношении не отдадут мне должного».

Жюль Верн в 1892 году.

По мнению Евгения Павловича Брандиса, «тоска и одиночество толкали Жюль Верна к еще более интенсивной работе, превратившейся под конец жизни в маниакальную страсть. Полуослепший, глухой, страдающий от подагры и диабета, от мучительных резей в желудке, он почти не ел, почти не спал, но продолжал исступленно писать... В результате накопилось столько готовых рукописей, что издатель, Этцель-младший, выпускавший ежегодно по два новых тома «Необыкновенных путешествий», не мог угнаться за производительностью автора. Многие из поздних романов, как и предвидел писатель, стали посмертными»⁷.

⁷ Толстой А.Н. Аэлитта. Гиперболоид инженера Гарина. – М.: «Правда», 1983.

Только ли в тоске и одиночестве дело? С тем же успехом можно предположить, что Жюль Верн к концу жизни сделался более продуктивен, чем был раньше. И что писать ему нравилось.

В ноябре 1893 года Жюль Верн закончил одно из своих лучших произведений, двухтомный роман «Плавучий остров». Характерно, что рукопись он послал на просмотр брату, – специалисту в области навигации. Отмеченные Полем неточности в этой «до предела правдоподобной фантазии» писатель исправил за несколько дней. Да! Жюль Верн считал свою фантазию в высшей степени правдоподобной. В письме брату Полю от 9 сентября 1894 года он писал: «Здесь все будет соответствовать современным фактам и нравам, но ведь я прежде всего романист, и мои книги всегда будут казаться выдумкой»⁸.

Изображая плавучий остров «Стандарт-Айленд» писатель порой ударяется в откровенную сатиру. Ведь на острове, созданном американскими миллиардерами, созданы луга и парки на искусственной почве, течет искусственная река Серпентайн. К услугам обитателей острова все блага тогдашней цивилизации: искусственный климат, движущиеся тротуары, электрические автомобили, круговая железная дорога, роскошные особняки. Газеты печатаются на съедобной бумаге шоколадной краской – их можно поедать.

«Счастью» мешают сами миллиардеры: они враждуют, разбиваются на партии. Вспыхивает гражданская война партий нефтяного магната Джема Танкердона и банкира Ната Коверли. Могучие электрические моторы пускают в разные стороны, и остров разрывается на две части, разрушается до груды обломков.

Уже из этого произведения видно, что Жюль Верн вовсе не прекратил «выдумывать». Только теперь, к концу жизни он сделался намного большим пессимистом, чем был большую часть своей жизни.

Во-первых, на него обрушилось слишком много семейных и личных несчастий. Много беспокойства доставлял единственный сын Мишель. Циничный и дерзкий, в 1876 он даже провел полгода в «исправительной школе» в городе Метре. Не помогло.

В 1878 17-ти летнего Мишеля после попытки самоубийства отправили в Индию учеником штурмана на торговом судне. Считается, что «Пятнадцатилетний капитан» и был написан в назидание непутевому сыну. Не помогли ни положительные примеры из литературы, ни морская служба.

Вернувшись в 1880 году в Амьен, Мишель Верн много пил, слонялся по кабакам и публичным домам, учинял скандалы и драки. Отец был для него в основном источником легких денег и способом делать долги – ведь писатель всегда их оплачивал.

Вскоре Мишель вступил в связь с актрисой местного театра Терезой Дюгазон, и начал «самостоятельную» жизнь. Отец определил ему содержание в 1000 франков в месяц. В те дешевые времена заработок в 200 франков считался «весьма приличным».

Мишель, однако, все время пытался организовывать всевозможные деловые предприятия. Он то изобретал светильник нового типа, то основал горнорудную компанию, то производил велосипеды. Абсолютно все его предприятия заканчивались банкротством. Жюль Верн считал, что в общей сложности выложил 300 тысяч франков за долги сына.

Есть мнение, что именно из-за него он продал паровую яхту «Сен-Мишель III».

Вот несколько грустных строчек из письма к брату: «Дела мои складываются так плачевно, что меня страшит будущее. Мишель ничего не делает и не может найти себе применения. Я потерял из-за него 200 000 франков и воспитание трех его мальчиков целиком ложится на мои плечи. Что и говорить, конец мой печален»⁹.

В конце концов Жюль Верн выставил сына из дома. Только около 1888 года с помощью второй невестки писателю удалось наладить отношения с сыном. Вроде, Мишель «взялся за

⁸ Верн Ж. *Пятьсот миллионов бегумы*. М., 1965.

⁹ Брандис Е.П. *Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки*. – Л.: Детлит, 1981.

ум». Он пытался писать научно-фантастические очерки, которые публиковались в Англии и США: «Курьерский поезд будущего» – очень смелый по тем временам проект Трансатлантического тоннеля, «Один день журналиста в 2889 году». Все рассказы выходили под именем Жюль Верна и до сих пор спорят, кто их писал – отец или сын. Впрочем, вскоре Мишель опять вернулся к предпринимательской деятельности. Мало какое предприятие вообще приносило хоть какую-то прибыль.

Мишель Верн около 1891 года.

Уже примирившись с отцом, сынок приехал в Амьен в новом шикарном пальто. Видимо, хотел предупредить упреки, и радостно заявил:

– Мне удивительно повезло! Купив эту вещь за тысячу франков, я сделал хорошее дело. Пальто прослужит мне десять лет и обойдется всего-навсего по сто франков в год.

– Да, тебе повезло, – ответил отец. – Ты сделал хорошее дело. А я шью себе пальто раз в десять лет за сто франков и потом отдаю в перелицовку.

Не радовали и другие родственники. Падчерицы, дочери Онорины от первого брака, ревновали к Мишелю: непутевый, но родной сын. Скорее всего, львиная доля наследства достанется именно ему. Атмосфера в доме становилась все тяжелее.

Трудно сказать, в какой степени прав Евгений Брандис, полагавший: «в конце концов этот мнимо благополучный буржуазный дом превратился в «клубок змей». Кабинет писателя, куда никто не имел права входить, был для него не только убежищем, но и крепостью»¹⁰. Возможно, все же преувеличение... А может быть, и не такое большое.

9 марта 1886 года в Жюль Верна дважды выстрелил из револьвера его племянник, Гастон Верн – сын Поля. Первая пуля не попала, а вторая угодила в лодыжку писателя. Пулю так и не извлекли... Жюль Верн до конца жизни хромал. Есть мнение, что именно потому Жюль Верн перестал путешествовать.

Ненормальный объяснил, что таким способом он наказывает дядю за то, что он недостаточно знаменит, и не принят во Французскую академию. Никто не преследовал психически больного 26-ти летнего Гастона, но до конца своих дней он находился в психиатрической больнице.

Всего спустя неделю после стрельбы Гастона пришла весть о смерти издателя Этцеля. Недавно умерла Эстель Дюшен.

Кроме семейных неурядиц, смерти друзей мучали и болезни – сахарный диабет, который в те времена почти не умели лечить. Жюль Верн даже не смог приехать на похороны умершей 15 февраля 1887 года матери, Софи Верн: она мирно скончалась во сне. Позже он, полубольной, приехал в Нант, но только для того, чтобы вступить в права наследства и продать дом родителей.

27 августа 1897 года от сердечного приступа умер брат и соратник Поль Верн.

Уже мало причин для оптимизма.

К тому же наука, которую так любил писатель, в великие возможности которой он так верил, оборачивалась какой-то жуткой стороной: все больше использовалась для производства оружия. Он то был убежден: «Наука должна служить только добру! Нельзя допускать, чтобы она опережала уровень нравственности!».

А на его глазах наука создавала пулеметы, громадные артиллерийские орудия, отравляющие вещества и колючую проволоку.

¹⁰ Там же

Жюль Верн на смертном одре.

Оптимизм Верна, вера в «неизбежный» прогресс сменилась тревожным ожиданием чего-то не слишком приятного.

В 1896 году Жюль Верн опубликовал «Флаг родины». Герой этого небольшого романа Том Рок – озлобленный человек, в душе которого «патриотическое чувство... угасло бесследно». Он изобрел «фульгуратор» – орудие такой мощности, что «государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей».

По силе действия этот снаряд приближается к атомному оружию... А ведь радиоактивность уже открыта! Опять «гениальное предвидение»? Но тогда предвидение не только атомной бомбы, но и частных армий, засилья уголовных шаяк, смыкающихся с политическими радикалами. Ведь Том Рок продает свой чудовищный «фульгуратор» главарю шайки пиратов.

Никаких иллюзий у Жюля Верна нет: Том Рок становится пленником сборища интернациональных негодяев. Но его ждет духовное перерождение!

Над одним из кораблей, осадивших остров пиратов, развевается французский флаг... И тогда Том Рок взрывает собственный сверхснаряд, гибнет вместе с островом и всей бандой.

Еще одной из причин пессимизма писателя стало, как ему казалось, недостаточно высокое положение в литературе. «Больше всего в жизни я сожалею о том, что так и не занял достойного места во французской литературе» – заявлял он.

Это писал человек, которого принимал Папа Римский, о творчестве которого восторженно отзывались королева Британии и император Германской империи. Жаль, что мнение околелитературных снобов из Французской академии была для него важнее, чем мнение миллионов читателей.

Писатель скончался 24 марта 1905 года в своем амьенском доме по адресу Бульвар Лонжери, 44 (сегодня бульвар Жюль Верна), от сахарного диабета. Было ему всего 78 лет. На похороны пришли более пяти тысяч человек, в том числе посол Второй германской империи. Он передал официальные соболезнования семье от императора Вильгельма II. Ни один делегат

французского правительства не приехал. Представителей от Французской академии тоже не было.

Погребальная процессия которую возглавляют сын и внук писателя. 1905.

Жюль Верн похоронен на кладбище Мадлен в Амьене. В 1907 году на его могиле возведен памятник работы Альбера Роза. Скульптор изготовил памятник с посмертной маски писателя. Жюль Верн поднимается из могилы, отталкивая плечами мраморную плиту. «К бессмертию и вечной юности» – гласит надпись, выгравированная на плите.

Посмертная жизнь Жюля Верна

После смерти писателя осталась картотека, включающая свыше 20 тысяч тетрадей со сведениями из всех областей человеческого знания, рукописи множества произведений в разной степени готовности. Этот громадный архив унаследовал Мишель Верн.

«Я желаю и настаиваю, – сказано в завещании, заверенном нотариусом, – чтобы все мои рукописи, мои книги, мои карты, моя библиотека, мои бумаги, все без изъятия, включая ноты, черновые наброски и т. д. немедленно перешло в полную и безраздельную собственность моего сына Мишеля Верна».

Этцель-младший предложил Мишелю готовить к публикации рукописи отца. Сын выпускал рукописи отца не слишком корректно. До 1910 вышло 7 посмертных произведений Жюля Верна, в том числе короткая повесть «Последний Адам», выпущенная в сборнике «Сегодня и завтра» в 1910.

Произведения, напечатанные после смерти Жюля Верна, входят в состав его сочинений и переведены на многие языки, – в том числе и на русский.

По содержанию и художественной значимости посмертные книги настолько различны, что уже в момент публикаций возникали сомнения – действительно ли это книги самого Жюля Верна?

Роман «В погоне за метеором» был почти готов уже в 1901 году под названием «Болид». Мишель Верн «дописал» его, а в 1986 роман издан под авторским названием и в авторской редакции Жюль Верна. Это типичный поздний жюль-верновский роман, по духу напоминающий и «Плавучий остров», и «Флаг родины».

В сфере земного притяжения попадает золотой метеор. Он должен упасть на землю, и это вызывает панику: золото обесценивается. Акции стоят меньше бумаги, на которой они напечатаны, во всем мире нарушается финансовое и политическое равновесие.

Болид должен упасть в Гренландии, к ее берегам прибывают военные корабли и войска разных держав. Мир оказывается на пороге грандиозной войны... Опять гениальное предвидение Первой мировой войны, не иначе. А ведь Жюль Верн всего лишь вдумчиво анализировал то, что происходило в мире...

В авторской версии книги болид сам по себе рушится в море. В измененной Мишелем Верном версии, важную роль в событиях играет чудаковатый французский ученый Зефирен Ксирдаль. Это он изобретает механизм, с помощью которого притягивает к земле драгоценный золотой метеор. Увидев, что он натворил, Ксирдаль «бомбардирует атомами» золотой болид, и он рушится в море.

Мир возвращается в «нормальное» состояние: эскадры возвращаются, биржевые акции растут в цене, экономика не разрушена. Но самый хитрый в этой истории – «великий полководец в денежных битвах», банкир Лекер. Узнав о намерении своего крестника Ксирдаля «уронить» болид в море, он скупает обесцененные акции. На чем и становится миллионером.

«Дунайский лодочник» написан в 1897 году Жюлем Верном под названием «В Магеллании». Более ранние авторские варианты названия – «Огненная Земля» и «На краю света». Издан в 1908 году. В 1988 году опубликован оригинальный текст Жюль Верна под названием «Прекрасный желтый Дунай». Он значительно отличается от версии 1908 года, отредактированной или вообще заново написанной Мишелем Верном. ...или вовсе не Мишелем Верном?

Книга «Кораблекрушение «Джонатана» в 1909 году вышла в 2 томах. В оригинальной рукописи роман включал в себя 16 глав, а в версии Мишеля Верна их 31. Публикация сразу же вызвала ожесточенную полемику: читатели не узнавали в книге авторскую манеру Жюль Верна.

Итальянский исследователь творчества Жюль Верна, Пьеро Гондоло делла Рива, обнаружил оригинальную рукопись в 1977 году, разбирая семейные архивы издателя Этцеля. Первая публикация оригинальной версии состоялась в 1987 году стараниями Общества Жюль Верна.

В романе сильнее, чем в других произведениях Верна, выражена политическая тема – в том числе критика анархизма и социализма.

Главный герой книги – богатый и знатный Кау-Джер, что на языке индейцев означает «друг», «покровитель». Владелец громадных материальных средств, Кау-Джер поселяется на островке у мыса Горн. Здесь сливаются воды двух океанов, только в редкие дни не бывает сильных бурь. Он добывает пропитание охотой и помогает местным индейцам.

Так английская писательница Нелли Блай изобразила свою встречу с Жюлем Верном

Настоящее имя и национальность Кау-Джера неизвестны, его образ окружен ореолом таинственности. Кау-Джер свободно владеет многими языками; любой европейский моряк может принять его за соотечественника. Он широко образован, сведущ в медицине. Не признавая ни законов, ни власти, Кау-Джер отрицает общество как царство насилия.

Но вот у мыса Горн терпит крушение судно с переселенцами. Конечно же, Кау-Джер не может их оставить в беде и организует на острове Осте колонию.

Ему приходится поступать вопреки абстрактным идеям «свободы и независимости личности»: приходится устанавливать правила общежития, карать преступников, применять насилие. Колония спасена – но Кау-Джер добивается этого, устанавливая власть и опираясь на силу.

В конце романа внутренне разочарованный Кау-Джер слагает с себя полномочия и поселяется на уединенном островке. Он психологически преображается и приходит к Богу.

Интересно, что вероятным прототипом главного героя романа стал эрцгерцог Австрийский Иоанн Сальватор он же Иоганн Ор (1852–1890).

Этот человек после самоубийства принца Рудольфа в Майерлинге отказался от своего титула, покинул Европу и жил на острове Огненная Земля. Он не хотел общаться с людьми и если в его хижину приходили, убегал. Единственным его обществом было несколько громадных собак.¹⁶

На высокородное происхождение героя романа Жюль Верна, Кау-Джера, прямо указывается в версии Мишеля Верна: «отпрыск правящей династии могущественной северной державы, предназначенный с самого рождения повелевать людьми, Кау-Джер вырос у подножия трона». Однако в оригинальном варианте тайна происхождения Кау-Джера не раскрывается.

Главное же – в версии Мишеля Верна главный герой вовсе не достигает просветления.

Мишель Верн в 1869 году. Какой милый мальчик...

Видимо, для одержимого левацкими идеями французского общества такой вариант более интересен.

«Маяк на краю света» Жюль Верн послал издателям в феврале 1905 года – за месяц до своей смерти. Новый обладатель прав на книгу Мишель Верн остановил публикацию. Книга вышла в сорок первом томе «Необыкновенных путешествий» вместе с романом «Вторжение моря» 15 ноября 1905 года.

Роман «Золотой Вулкан» писался в 1899–1902 году, однако Жюль Верн считал эту книгу не очень удачной, поэтому не публиковал. После редактирования Мишелем Верном ее опуб-

ликовали в 1906 году. Оригинальная авторская рукопись романа вышла усилиями «Общества Жюль Верна» в 1989 году.

Мишель Верн – то ли профанатор, то ли неплохой писатель. Фото JEANVERNE.

Роман «Агентство Томпсон и К°» впервые опубликован в 1907 году в газете «Le Journal» под именем Жюль Верна. Кто его написал, спорят до сих пор. Характерно, что Жан-Жюль Верн, внук и вместе с тем биограф Верна-отца, никаких указаний на авторство Мишеля не дает. Он утверждает, что «Агентство Томпсон и К°» – своего рода «передышка» писателя в потоке произведений, затрагивающих серьезные социальные темы.

Набросок сюжета мистического романа «Тайна Вильгельма Шторица» сделан Верном в 1897 году. Возможно, под влиянием «Человека-Невидимки» Герберта Уэллса. С 1901 году

Жюль Верн корректировал и оформлял рукопись... Это последний манускрипт, отправленный писателем Этцелю для печати в начале 1905 года. Отправив роман Этцелю, Верн предлагал озаглавить его «Невеста невидимки». 24 марта писатель скончался, и рукопись осталась у издателя.

После смерти писателя Мишель Верн основательно отредактировал и доработал рукопись, найденную в архиве. Считают, что сделал он это по указаниям издателя... Но как было дело, не известно. Изменено время действия – из XIX века события перенесены на век раньше, изменена концовка произведения – главная героиня, Мира, становится видимой после родов.

Роман «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака» Жюль Верн не успел закончить – готовы были 5 глав этого романа. 22 остальные главы написаны Мишелем Верном через 9 лет, в 1913 году. Фантастический рассказ «Вечный Адам» опубликован в 1910 году. Время написания не известно, но очевидно – написан он в последние годы жизни Жюля Верна. Типичный для этого времени пессимизм писателя... Хотя в отличие от «Флага Родины» и «Властелина мира» автор сохраняет веру в возрождения Человечества. Пусть в результате катастрофы погибает почти все человечество, пусть немногие оставшиеся в живых возвращаются в первоначальное состояние... Спустя тысячелетия на Земле начинается новая цивилизация. Ученый Софр-Аи-Ср пытается восстановить накопленные людьми за века знания и умения.

Роль Мишеля в дописывании романов отца оценивается по-разному.

«Эти романы были стилизованы под манеру Ж. Верна, но с литературоведческой точки зрения сильно отличались от всего, написанного им в XIX веке. Вне зависимости от года написания и публикации, все романы Жюля Верна написаны в неторопливой и обстоятельной манере, с огромным количеством научно-популярной информации (зачастую элиминированной в переводах), отличаются позитивным мировоззрением и верой в торжество прогресса. Романы, опубликованные после 1905 года, отличаются полным отсутствием «лекционного» материала, более стремительным действием, а по мировоззрению намного более мрачны и пессимистичны. В новых книгах речь идет об атомной энергии и ее практическом использовании, телевидении, реактивных самолетах и телеуправляемых ракетах. Работавший с архивом Ж. Верна П. Гондоло делла Рива утверждал, что Мишель, несомненно, был лучшим писателем, чем поздний Жюль Верн, у которого сюжет развивался медленно, натянуто, запутанно. Если не касаться идеологии, то «все, сочиненное Мишелем, представляет... положительное явление с точки зрения литературной»¹¹.

Сам Брандис был другого мнения. Он полагал, что Мишель «был не столько оригинальным писателем, сколько умелым имитатором. Конечно, ему не откажешь в одаренности. Но больше всего в нем поражает гибкость ума, способность к мимикрии, искусство приспособления, свойства, которыми он был наделен в полной мере. Он эксплуатировал отца не только при его жизни, но и после смерти. Подобно паразитическому растению, он цепко опутал могучий ствол, существуя за счет его живительных соков в незавидном качестве писателя-невидимки»¹².

Впрочем, есть мнение и о том, что Мишель Верн вообще был не в состоянии ничего написать. Никак. Если так, то таинственные посмертные романы Жюля Верна становятся еще таинственнее. Возможно, романы дописывала вторая жена Мишеля, Жанна Ребуль. Называют и другие кандидатуры. Возможно, так и было – Мишель владел правами, но не он работал с рукописями отца.

В любом случае, наследство Жюля Верна оказалось огромно. Уже очевидно, что писатель интенсивно работал в последние годы. Какое уж тут «слова уходят, а идеи не приходят». Как раз новых идей очень много. У раннего Жюля Верна не было ни пессимизма, ни сомнения в

¹¹ Брандис Е.П. Рядом с Жюлем Верном: Документальные очерки. – Л.: Дет. лит., 1981.

¹² Там же

пользе прогресса, ни тем более религиозных мотивов или мистики. В его книгах 1870-1880-х годов негодяй мог исправиться, но никак не мог бы прийти к Богу.

Многое он пересмотрел. Многое додумал. Дай ему Господь еще 10–20 лет, мы бы увидели другого Жюль Верна, – даже ярче и интереснее прежнего.

Введение третье, или: Жизнь Жюль Верна после физической смерти Жюль Верна

Гений не имеет возраста
Жюль Верн

Сын, внук и правнуки

Расставшись с женой и двумя детьми, Мишель Верн второй раз женился на 16-летней Жанне Ребуль. Эта юная женщина и примирила его с отцом. У Мишеля были дети от первого брака, Мишель и Жорж, которые себя ничем не прославили. От Жанны Ребуль Мишель также имел сына – Жана Жюль-Верна (1892–1980).

Жан Жюль-Верн хорошо знал и помнил знаменитого деда: в 1905 году, когда Жюль Верн ушел из жизни, внуку было 13 лет. Его детство и отрочество частично прошли в Амьене, в доме Жюль Верна.

По семейной традиции Жан Жюль-Верн получил юридическое образование, занимался судебными делами, закончив служебную карьеру председателем Трибунала высшей инстанции в Тулоне, где жил до конца своих дней. В течение многих лет Жан Жюль-Верн был почетным президентом французского Жюль-Верновского общества. Того самого, которое восстановило авторские версии последних книг Жюль Верна, изгаженные его сыном Мишелем.

Материалы для своей книги про дедушку он собирал около сорока лет, сводя воедино документы, воспоминания и свидетельства. После выхода на пенсию все свои последние годы Жан Жюль-Верн целиком посвятил себя работе над книгой. Временами весьма разные мнения о том, что он делает, проникали в печать и бурно обсуждались в обществе.

Жан Жюль-Верн, по характеру человек невозмутимый, не спешил, и книгу про деда выпустил в свет только на восемьдесят втором году своей жизни¹³. Характерно, что в этой книге о своем отце он сообщил очень немного, а о его литературной работе практически ничего не рассказывал. Возможно, он знал, кто на самом деле дописывал «посмертные» романы Жюль Верна, но не стал раскрывать семейной тайны.

¹³ Брандис Е.П. Вновь открытый Жюль Верн // Детская литература 1975: сборник статей / Сост. В. Андреев. – М.: Детская литература, 1975. – С. 200.

Жанна Ребуль, матриарх современных Вернов.

Кроме биографии деда, Жан Жюль-Верн написал продолжение книги о Михаиле Строгове – «Триумф Михаила Строгова», работал над музыкальной пьесой «80 дней вокруг света».

После запуска в СССР первых искусственных спутников, полета Юрия Гагарина, затем буквально после каждого очередного успеха в освоении космоса Жак Жюль-Верн давал интервью журналистам, в том числе и советским.

Был дважды женат, имел троих детей. Его сын, правнук писателя Жан Верн, родился в 1962, известен как оперный тенор. Именно он нашел рукопись романа «Париж в XX веке», которая долгие годы считалась семейным мифом, и была опубликована лишь в 1994 году.

Дети и внуки у него тоже есть.

Итак, жизнь рода и семьи продолжена.

Но Жюль Верн бессмертен и в культуре.

Основатель направления в литературе

Жюль Верн стал если не основателем – то одним из первых представителей двух связанных между собою жанров: научной фантастики и научно-популярной литературы. Он делал фантастическое инженерное допущение, – это фантастика. Но тут же Жюль Верн использовал фантастическую машину для того чтобы рассказать о последних достижениях науки своего времени – это «научпоп». Невозможно выстрелить из пушки на Луну – но можно описать Луну, какой ее видели в 1860-е годы. Не выдерживает критики полет на воздушном шаре – но можно описать внутренние области Африки, в которых никто пока не бывал.

Иной специалист возразил бы, назвав его книги не научно-популярными, а научно-художественными. Не буду спорить, не эти детали важны. Главное – созданный Верном тип романа оказался очень продуктивным. Число продолжателей, работавших в том же жанре – буквально сотни, если не тысячи.

Иногда выделяют период «доуэллсовской» фантастики – до первых лет XX столетия. Но ведь и после Уэллса основанный Жюлем Верном жанр не умер. Говорят о приключенческой фантастике, даже об инженерной. Называть можно, как угодно. Как ни называй, а «Школа Жюль Верна» – разветвленное литературное направление, сложившееся столетие с лишним назад и сохраняющее свою жизненность даже в наше время, непростое для литературы. По крайней мере в литературе для юношества «Школа Жюль Верна» живехонька.

Влияние на науку

Есть и такое явление, как обратное воздействие фантастики на науку.

Е. Брандис пишет о «вдохновляющем» воздействии – видимо, имеется в виду, что романтическая подача научно-технического прогресса поддерживает у молодежи желание становиться учеными, изобретать и организовывать. Возможно, имеется в виду еще одно: предположение о реальности того или иного изобретения заставляет пытаться его реализовать уже не в фантастике. Видимо, прав Артур Кларк. В своей книге «Черты будущего» (М.: Мир, 1966) он вывел три важных «закона»: 1 Если почтенный, но престарелый ученый говорит, что нечто возможно, он почти наверняка прав. Если он говорит, что нечто невозможно, он почти определенно ошибается. 2 Единственный путь обнаружить пределы границы возможного – выйти за эти границы в невозможное. 3 Любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Жюль Верн упорно говорил: «Это возможно!», и он всегда оказывался прав. А что его проекты казались «магическими», или, если угодно, «фантастическими» – это уже вопрос не пределов возможного, это вопрос пределов ума современников. Описав голограмму, писатель-фантаст подталкивает инженеров создать нечто подобное. Если фантаст еще и предполагает, каким способом можно создать такое изобретение и какими путями – тем более иницируется тщательная практическая работа. «Наутилус» очень похож на современные атомные подводные лодки. Принцип действия совершенно иной, конструктивные решения абсолютно иные – но ходят по современным морям подлодки, внутри которых есть целые теннисные корты. Поставить внутрь такой подлодки библиотеку и музей – нечего делать.

В рассказе «Уровень шума»¹⁴ физикам предлагают «восстановить» прибор-антигравитатор. Военные показывают им обгорелые обломки и рассказывают – на их глазах изобретатель поднялся на 15 метров над землей начал летать... и взорвался. Раз это можно сделать – делают! Ведь теперь «точно известно» что антигравитатор возможен... Еще более ироничный

¹⁴ Брандис Е.П. Жюль Верн. Изд. 2-е. – Л.: Лениздат, 1963. – С. 327.

колорит в «Жемчужине» А. Балабухи¹⁵: создатель «вечного двигателя», «перпетуум мобиле», вынужден придумывать вполне фантастическое объяснение откуда прибор черпает энергию. Лишь бы прибор начали использовать, воспроизводить... Потом уже разберутся, что это «перпетуум мобиле» и есть.

Действительно – если знать, что достижение возможно, его рано или поздно воспроизведут. Конечно, есть огромная разница между точным знанием, что изобретение возможно, и фантастическим предположением. Но что фантастика подталкивает развитие науки и техники – факт.

Один из первых создателей подводных лодок, Саймон Лейк (1866–1945) в возрасте 10 лет первый раз взял в руки книгу Жюль Верна: «Двадцать тысяч лье под водой». Изобретатель считал, что эта книга определила всю его дальнейшую жизнь и работу. «Жюль Верн был главным распорядителем моей жизни» – не раз произносил Лейк.

В 1901 году он построил подводную лодку «Протектор». В 1903 году подлодка «Протектор» в 1903 году совершила переход из Бриджпорта в Нью-Йорк, и тогда изобретатель послал автору «20 000 лье под водой» срочную телеграмму: разделил свой успех с Жюлем Верном. Не получив заказа от американского флота, Лейк продал «Протектор» русскому флоту в 1904 году. Для русского флота Лейк строил подводные лодки «Осетр», которые во время русско-японской войны были доставлены в Либаву, а оттуда во Владивосток. Позднее по проектам Лейка строились подводные лодки типа «Кайман».

Во время Первой мировой войны Лейк в США на собственной корпорации «Lake Torpedo Boat Company» построил 24 подводных лодки для американского флота. После Великой войны заказы прекратились, в середине 1920-х корпорация закрылась. Но опыт ее был много раз использован. Именем Лейка названа база подводных лодок США: «Simon Lake».

Тридцать лет спустя после появления «20 тысяч лье под водой» инженер Лебеф, построивший первую подводную лодку с двойным корпусом, назвал Жюль Верна соавтором своего изобретения. Он считал, что писателю принадлежит приоритет не только самой идеи двойного корпуса «Наутилуса», предохраняющего его от огромной силы давления водяного столба, но и обоснование этого решения.

В 1831 году петербургский титулярный советник Алексей Подолецкий представил в кораблестроительный комитет Морского Штаба проект (описание и рисунок) изобретенной им подводной лодки, которая могла бы «плавать под водою и опускаться в глубину оной на столько футов или сажен, сколько потребует надобность».

Рассмотрев проект Подолецкого, Кораблестроительный комитет принял его к сведению и сообщил изобретателю, что постройка подводной лодки по его предложению не рациональна.

Что тут сказать? Безвестный титулярный советник не смог ни в чем убедить морское министерство. Знаменитый писатель Жюль Верн сумел разбудить мысль ученых. Но ведь и обращался он не к нескольким чиновникам, а ко всему человечеству.

Летающая платформа Робура-завоевателя приводится в действие вертолетными винтами. Такая платформа не полетит... но как бы это можно применить? Сикорский сумел это сделать, его вертолеты полетели.

Некое подобие вертолета создал Хуан де ла Сьерва (1895–1936). В 1922 году его автожир или гирокоплан, поднялся в воздух. Подъемная сила автожира создавалась при помощи большого несущего винта, который располагался над фюзеляжем и вращался под действием набегающего потока воздуха.

Конец изобретателя невеселый – Хуана де ла Сьерва погиб при авткатастрофе в 1936. Его отец и дядя остались в Испании и были убиты коммунистами. Его вдова второй раз вышла замуж, и всем ее потомкам генерал Франко, каудильо Испании, пожаловал специально учре-

¹⁵ Верн Жан-Жюль. Жюль Верн. – М.: Человек, 2007.

жденный для них титул графа де ла Сьерва. Потомки детей вдовы Хуана де ла Сьерва до сих пор украшают собой нашу прекрасную Землю – которую так любил Жюль Верн. Сам Хуана де ла Сьерва не раз говорил, что на создание автожира его вдохновил «Альбатрос» Робура-Завоевателя.

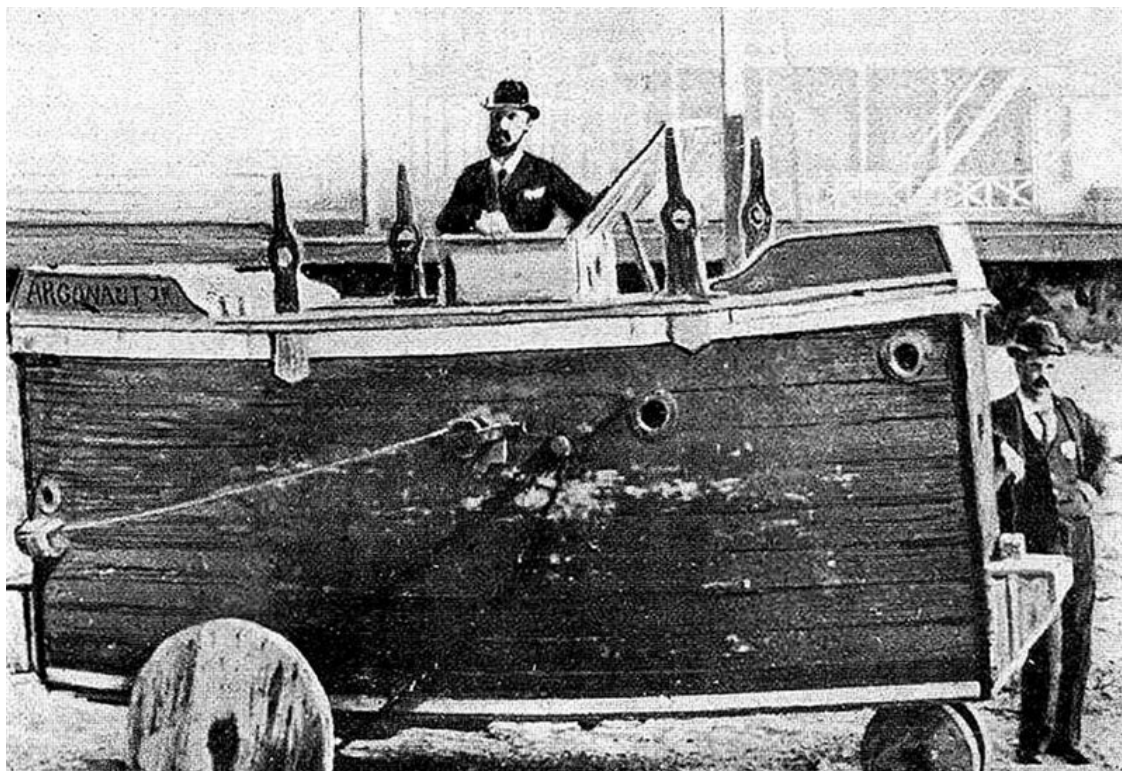
Знаменитый бразилец Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) строил в основном дирижабли. Он разработал, построил и испытал первый практически пригодный для полетов управляемый воздушный шар.

Саймон Лейк, около 1923 года.

19 октября 1901 года он облетел вокруг Эйфелевой башни, доказав – управляемый полет возможен!

Положив начало созданию дирижаблей, Сантос-Дюмон совершил и первый в Европе публичный полет на аэроплане «Хищная птица» – в Париже, 23 октября 1906 года. Это был первый полет на аппарате тяжелее воздуха, который не использовал катапульты, сильного ветра, рельсов... словом, какие-либо внешних факторов для запуска и взлета. 12 ноября 1906 года он установил первый мировой рекорд в авиации, пролетев 220 метров менее чем за 22 секунды.

Лодка «Протектор», около 1897 года. Это Жюль Верн еще увидел.

Сантос-Дюмон внес значительный вклад в конструкцию и дирижаблей, и самолетов. Друг миллионеров и королей, Сантос-Дюмон был необычайно популярен. Парижане дали ему прозвище «Малыш Сантос», копировали стиль его одежды, – пестрые бразильские рубашки, панамы.

А начало? Его отец имел французские корни, был инженером, и сделал немало технических усовершенствований, которые не только позволили облегчить ручной труд на его обширных плантациях, но и дали немалое состояние, сделали Сен-Дюмона – старшего «кофейным королем Бразилии».

Альберто увлекался машинами, любил управлять паровыми тракторами и локомотивом на семейной плантации. К 10 годам он прочитал все доступные ему книги Жюль Верна. Позже он рассказывал, что мечта о полете как о реальности пришла к нему, когда он всматривался в сияющее небо Бразилии и читал Жюль Верна. «Он научил меня никогда не сомневаться в победе» – сказал герой о любимом писателе.

Капитан Немо получал электричество за счет разности температур морской воды на разной глубине.

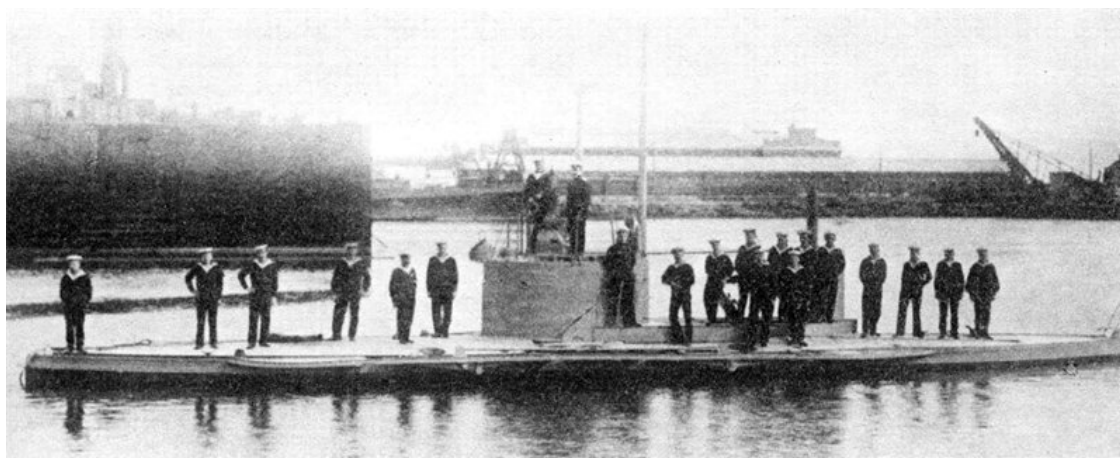
В 1881 году французский врач Жак Арсен Д'Эрсонваль (1851–1940) предложил необычный паровой двигатель: использующий разность температур воды. «Эксперты» буквально замордовали его, ученый оставил «бессмысленные» эксперименты. Жак-Арсен д'Арсонваль стал наставником и другом академика Жоржа Клода (1870–1960). Жан Клод начал с того, разработал в 1902 году систему сжижения воздуха, и начал в промышленных масштабах полу-

чать сжиженный кислород, азот и аргон. В середине 1902 года основал компанию по производству технических газов, которая существует до сих пор. В декабре 1910 года Жорж Клод сделал первую газоразрядную лампу, заполненную неоном. 9 ноября 1911 года Клод запатентовал неоновую рекламу.

А под руководством Д'Эрсоналя Клод вместе с инженером Бушери создал принцип «Океанского Теплого энергетического Преобразования». В 1926 году Клод и Бушери, усовершенствовав двигатель Д'Арсонваля, продемонстрировали перед Французской академией наук паровой двигатель, в котором вода кипела при температуре 28 °С; пар вращал турбину, а от генератора горели лампочки.

В 1928 году инженеры построили электростанцию в Бельгии. Источником тепла для нее служила вода, охлаждавшая домну, которую просто сбрасывали в реку. Температура этой воды всегда была на 20 °С выше, чем в реке. Разности температур оказалось достаточно, чтобы кипящая при пониженном давлении вода приводила в действие турбогенератор мощностью 50 кВт.

В 1930 году Клод построил первую работающую установку по получению электроэнергии из океана на Кубе мощностью 22 кВт. В 1935 Клод построил другой завод, на сей раз на борту 10 000-тонного грузового судна, пришвартованного недалеко от берега Бразилии. Шторма разрушили оба завода, прежде чем они могли стать выгодными производителями электроэнергии. Продолжить не удалось – нефть тогда еще была дешева, об экологии думали мало. Строить океанские электростанции оказалось слишком дорого, расходы могли окупиться лишь через десятки лет. Но эксперименты по использованию электрического тока от проводников, погруженных на разные глубины моря, продолжаются, становятся все эффективнее. В США и Японии работают экспериментальные установки такого рода.

Лодка «Сиг» в порту Либавы, около 1904 года. Купив лодку «Протектор», русские моряки тайно вывезли ее из США на борту норвежского судна, и собрали в России. Впрочем, многие детали они создавали заново. «Сиг» и «Осетр» – это уже не «Протектор», это новые типы подводных кораблей.

Конец академика Жоржа Клода тоже печален: он был сторонником режима Виши и сближения с Германией. После войны его судили, исключили из Французской Академии, приговорили к пожизненному заключению. Освободили в 1950-м году, за 10 лет до физической смерти. А сделанное им «прогрессивные люди» из политических соображений постарались забыть. Интересно, живи Жюль Верн в 1940 году, какую из политических сил он бы поддержал? Маршала Петена или разбойников из зарослей?

Эдуард Белен (1876–1963) – французский фотограф и изобретатель, создавший в 1907 году фототелеграфное устройство под названием «Белинограф» или «бильдаппарат». Пере-

дача фотографий Белина использовалось с 1914 года, с 1921 года изображения передают по радиоволнам.

По словам самого Эдуарда Белина, «Жюль Верн оказал решающее влияние на выбор моих исследований».

Наследие Жюль Верна так громадно, так оптимистично, что невольно хочется привести некое мрачноватое пророчество. То, что прозвучит даже несколько зловеще в эпоху разговоров о «бунте роботов», зловещей «сингулярности» и прочих пугалок, но право же, оно лучшее и самое емкое из возможных: «Человек до тех пор будет изобретать машины, пока машина не пожрет человека». Сказано это в первом романе «Пять недель на воздушном шаре».

Страшно? Почему-то не очень...

Вдохновитель инженеров и ученых

Вопрос не только в прямой индукции каких-то конкретных изобретений. «Усвоить науку можно лишь тогда, когда она поглощается с аппетитом», – как-то сказал Анатолий Франс. Жюль Верн с огромным «аппетитом» «усовершенствовал» все виды транспорта, от сухопутных до воображаемых межпланетных. Географическая фантастика у него всегда соседствовала с инженерной. Чтобы автор мог рассказывать о посещенных ими странах, герои «Необыкновенных путешествий» создают быстроходные машины, подводные и воздушные корабли, стирая с географических карт последние белые пятна.

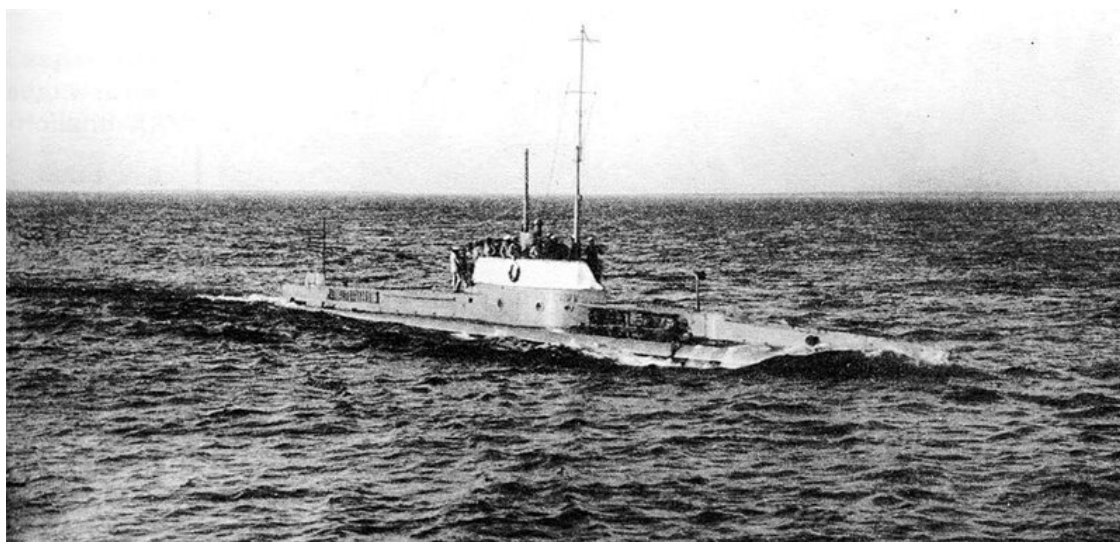
Изобретатели, инженеры, строители – они воздвигают прекрасные города, орошают бесплодные пустыни, находят способы ускорять рост растений с помощью аппаратов искусственного климата, конструируют электрические приборы, позволяющие видеть и слышать на большом расстоянии, мечтают о практическом использовании внутреннего тепла Земли, энергии Солнца, ветра и морского прибоя, о возможности накопления запасов энергии в мощных аккумуляторах, изыскивают способы продления человеческой жизни и замены одряхлевших органов тела новыми, изобретают цветную фотографию, звуковое кино, автоматическую счетную машину, синтетические пищевые продукты, одежду из стеклянного волокна. Словом, создают множество замечательных вещей, облегчающих жизнь и труд человека, помогающих ему преобразовывать мир.

Все это будило и будит мысль, активизирует само стремление отправиться в поиск. Этим Жюль Верн оставил намного более заметный след в истории научной мысли, чем провокацией конкретных открытий.

Портрет Жюль Верна висел в кабинете итальянского изобретателя радиосвязи Маркони, соперника Попова.

«Стремление к космическим путешествиям заложено во мне известным фантазером Жюлем Верном. Он пробудил работу мозга в этом направлении» – говаривал Константин Эдуардович Циолковский.

Отвратительные переводы не помешали Д. И. Менделееву называть Жюль Верна «научным гением», постоянно перечитывать его книги. На смертном одре Менделеев просил читать ему «Приключения капитана Гаттераса». Впадая в забытие, Дмитрий Иванович ненадолго приходил в себя и всякий раз говорил: «Что же вы не читаете, я слушаю...». Он умер под слова Жюль Верна. Мы, религиозные фанатики, верим – Дмитрий Иванович и Жюль Верн могут встретиться. Вот недочеловеки, убившие членов семьи Хуана де ля Сьерва, будут находиться в совсем другом месте. Ну, это их собственный выбор.

Подводные лодки «Кайман», несмотря на экзотическое «американское» название, от начала до конца созданы в России – усовершенствованный вариант «Сигов» и «Осетров».

Основатель современной аэромеханики Н. Е. Жуковский, в своей библиотеке держал только научную литературу. Исключения было сделано для «Робура Завоевателя» Жюль Верна.

Список можно удлинить и другими славными именами: многие крупные ученые не только в юности увлекались Жюлем Верном, они сохранили любовь к нему до конца жизни.

Владимир Афанасьевич Обручев повествовал, что «хороший научно фантастический роман дает большее или меньшее количество знаний в увлекательной форме, а главное – побуждает читателя к более глубокому ознакомлению с описываемыми в нем странами, явлениями, изобретениями... В качестве примера я могу сказать, что сделался путешественником и исследователем Азии благодаря чтению романов Жюль Верна... которые пробудили во мне интерес к естествознанию, к изучению природы далеких малоизвестных стран».

«В этих любимых книгах мне нравились не только охотники и моряки; в них часто описывались и ученые, иногда смешные и донельзя рассеянные. как Паганель в «Детях капитана Гранта». Ученые знали название камней и растений, определяли морских рыб через окна «Наутилуса», находили выход из трудных положений. И мне хотелось сделаться естествоиспытателем, открывать неизвестные страны, собирать растения, взбираться на высокие горы за редкими камнями».

М. Мурзаев, В. В. Обручев, Г. Е. Рябухин. Владимир Афанасьевич Обручев. – М.: Наука, 1986.

Уже в старости Обручев признавался, что Масто́н с крючком вместо руки, благородный Гаттерас и таинственный Немо до сих пор с прежней силой владеют его воображением.

Великий исследователь пещер Норберт Кастере (1897–1987) писал: «Почти такое же влияние, как личная склонность, на мою любовь к пещерам оказала изумительная книга Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». – Я перечитал ее много раз и признаюсь, что читаю и теперь с таким же захватывающим интересом, как когда-то в детстве».

12 апреля 1966 года летчик-космонавт СССР Алексей Леонов знакомится с внуком писателя Жаном Жюль-Верном. Снимок парижского Агентства иллюстраций для прессы (Agip).

Иван Антонович Ефремов рассказывал Е. П. Брандису, что самое большое влияние на его личность и на выбор профессии оказали два романа Жюль Верна: «Путешествие к центру Земли» и «Двадцать тысяч лье под водой». Ефремова знают как фантаста, но ведь он еще крупный геолог и палеонтолог, создатель науки «Тафономии» о закономерностях залегания останков древних животных.

Это я привожу примеры крупных, известных ученых – причем по роду научных занятий – постоянно путешествующих. Жюль Верн наставил, направил, вдохновил и множество путешественников, первооткрывателей, создателей новых средств транспорта.

Своим Учителем почитал Жюль Верна Ричард Ивлин Берд, или Берд (1888–1957).

Четырьмя крупными антарктическими экспедициями под его руководством (1928–1930, 1933–1935, 1939–1941 и 1946–1947) были открыты и обследованы обширные районы Антарктиды. На карте этого материка до сих пор красуется Земля Мэри Берд: Ивлин Берд назвал ее в честь жены.

Сегодня сомневаются, что в 1926 году он первым пролетел над Северным полюсом. Но совершенно точно известно: в 1929 году Берд первым в истории пролетел над Южным полюсом.

«Мной предводительствовал Жюль Верн», – ответил Берд на вопросы журналистов.

Почти так же высказывался Джордж Хьюберт Уилкинс (1888–1958) – австралийский полярный исследователь, путешественник, летчик, фотограф, писатель. В 1928 году он первым в истории летчиком, совершившим трансполярный перелет от мыса Барроу в Аляске до Шпицбергена. Стал первым пилотом, совершившим полет над Антарктидой.

В 1930 году он попытался достичь Северного полюса на подводной лодке. Как опытный полярный летчик Хьюберт Уилкинс прекрасно знал, что льды на Северном полюсе даже в самые суровые холода находятся в движении. Постоянно появляются участки открытой воды,

которые подводная лодка смогла бы использовать, чтобы всплыть у Северного полюса. А подводные лодки могут сократить расстояния судоходных маршрутов между Северной Америкой и Европой, снабжать всем необходимым метеостанции на дрейфующих льдах.

Уилкинс взял в аренду (за символическую плату в 1 доллар) списанную американскую подлодку времен первой мировой войны. Лодка никак не годилась для плавания к Северному полюсу: она имела максимальную глубину погружения 60 метров, скорость в подводном положении три узла и запас подводного хода 125 миль.

Судно было полностью переоборудовано, и названо «Наутилус». Плавание не удалось – какой-то негодяй тайком снял с лодки рули глубины.

Несмотря на это, Уилкинс решил пройти на север как можно дальше и довести до конца научную программу экспедиции. Субмарина в надводном положении удалось достичь крайней северной точки 81° 59' с. ш. В научном плане экспедиция очень успешна: впервые проведена подледная фото- и киносъемка, получены первые образцы грунта морского дна, очерчены контуры подводного хребта к северу от Шпицбергена.

О Жюле Верне как своем «вожде» говорил Уильям Биб (1877–1962). Он создал аппарат для погружений на большие глубины батисферу (от греческих слов батис – глубоко, и сфера – шар). Шар массой в две с половиной тонны опускался под воду на стальном тросе, к которому крепились электрический и телефонный кабели.

Рекорд глубины, 932 метра, установленный 15 августа 1934 года Уильямом Бибом и Отисом Бартоном, продержался 15 лет. Только в 1949 Отис Бартон погрузился на 1375 метров.

Батисфера не могла самостоятельно двигаться; трос при погружении становился все тяжелее, мог оборваться. Батисферы позже заменили самостоятельно двигающимися батискафами. Но и то, что сделал, увидел и описал Уильям Биб, стало сенсацией.

Жан-Батист Огюст Этьенн Шарко (1867–1936) (сын известного врача-психиатра Жана Мартена Шарко, создателя «душа Шарко») в 1903 году возглавил французскую антарктическую экспедицию на трехмачтовой шхуне «Француз». За два года экспедиция исследовала и описала около 1000 километров береговой линии, привезла 75 ящиков описаний и экспонатов для парижского Музея естественной истории.

Во второй экспедиции в 1908–1910 годах Шарко открыл остров Шарко, около 630 км в 80 км от Земли Александра I, который назвал в честь своего отца. Шарко открыл потрясающее животное – шестилучевую губку *Scolymastra joubini*, самый долгоживущий организм в животном мире. Эта губка может жить до 10 тыс. лет!

В великий человек скончался в 1962 года. Гроб с его телом был накрыт швейцарским флагом, побывавшим на дне Марианской впадины в созданном им батискафе.

В 1918–1925 годах Шарко занимался исследованиями в европейских морях и прилегающих районах Атлантики, изучал восточное побережье Гренландии. Ученый утонул вместе со своим судном «Почему бы и нет?» у берегов Исландии. Из всего экипажа спасся лишь один матрос. Жан-Батист Шарко не раз упоминал, что книги Жюль Верна «сделали его тем, что он есть». Именем Шарко названы пролив и гора в архипелаге Кергелен.

Еще в детстве прочитал всего Жюль Верна Огюст Пикар (1884–1962) – швейцарский естествоиспытатель, физик, изобретатель стратостата и батискафа. Он не раз погружался на созданном им в 1953 году батискафе «Триест».

23 января 1960 Огюст Пикар и лейтенант военно-морских сил США Дон Уолш опустились на дно самой глубокой на Земле Марианской впадины на глубину 10 916 метров.

На дурацкий вопрос кого-то из журналисток, не было ли ему страшно, герой ответил: «Разве капитан Немо испугался бы?»

Очень ценил Жюль Верна открыватель Тибета и Центральной Азии, Свен Андерс Гедин (1865–1952). Этот человек в средствах никогда не нуждался, он совершал свои многочисленные путешествия за собственный счет. Гедин стал последним человеком, которого шведский

король возвел во дворянство – в 1902 году. Германофил и личный друг Адольфа Гитлера, он проник в Синьцзян в начале XX века, а в конце 1930-е то ли сам вел нацистские экспедиции в Тибет, то ли активно их консультировал.

Среди всего прочего, он обнаружил в Турфанской впадине рукописи на неизвестных в то время «тохарских» (точнее – псевдотохарских) языках и мумии европеоидов, прекрасно сохранившиеся в сверхсухом климате Турфана.

На книгах Жюль Верна воспитывался и легендарный исследователь вулканов, геолог и вулканолог, основатель Международного Института вулканологии на Сицилии, Гарун Тазиев (1914–1998). Его книги много раз издавались в России, я скажу о нем только то, что мало известно.

Отец Тазиева, Собир Тазиев, служил в русской армии врачом и погиб в самом начале Первой мировой войны. Гарун Тазиев его не помнил. Семья жила в Варшаве, и оказалась за границами советской России. В 1921 его мама уехала в Бельгию. Беженец без гражданства до 1936 года, Тазиев окончил университет в Льеже. Участвовал в движении сопротивления. Карьеру геолога начал на оловянных рудниках в Катанге, в Бельгийском Конго. В 1948 году наблюдал извержение вулкана Китуру, что определило его дальнейшие интересы, вулканология стала его занятием на всю оставшуюся жизнь.

Став к концу жизни крупным правительственным чиновником, Тазиев в 1984–1986 годах занимал пост государственного секретаря при премьер-министре Франции, ответственного за предупреждение главных технологических и природных опасностей. В 1988–1995 – он Президент Высшего Комитета вулканических опасностей. В 1990-е годы пожилой Тазиев активно выступал против «экологической паранойи» – в том числе многократно рассказывал, почему не надо искать спасения от не опасных никому «озоновых дыр».

Огюст Пикар в созданной им гондоле батискафа. Фото сделано неизвестным в августе 1932 года.

Он разъяснял: «Все дело в том, что крупные химические компании хотели бы сохранить свою монополию на рынке. После того как хлорфторуглероды на протяжении полувека были защищены патентами, в ближайшем будущем они должны были стать собственностью государств. Дабы ни с кем не делиться этим пирогом, и решили добиться их запрещения! Ведь это потребует создания каких-то газов-заменителей со сложной технологией производства, а значит, сохранит возможность их выпуска только за крупными компаниями, которые обладают необходимыми технологическими ноу-хау...».

Жюлем Верном зачитывался Фритьоф Нансен.

В числе читателей великого писателя был и Юрий Гагарин.

Учитель учителей

Творчество Жюль Верна оказало большое влияние на литературный процесс и вообще на весь читающий мир. В числе писателей, которые признавали влияние Жюль Верна, такие разные люди, как Марсель Эме, Ролан Барт, Рене Баржавель, Мишель Бютор, Блез Сандрар, Поль Клодель, Жан Кокто, Реймон Руссель, Франсуа Мориак, Антуан де Сент-Экзюпери, Жан-Поль Сартр.

Это французы? Но американец Рэй Брэдбери (1920–2012) сказал, что «все мы, так или иначе, дети Жюль Верна».

Немец Вольфганг Хольбайн (родился в 1953) написал продолжение истории о «Наутилусе», создав серию книг «Дети капитана Немо».

Таким был будущий фантаст Рэй Брэдбери в 1938 году, выпускником школы. В этом возрасте он и зачитывался Жюлем Верном.

Жюль Верн считается идейным вдохновителем американско-английского жанра стимпанк с его восхвалением научного прогресса и изобретательства XIX века, превратившегося в целую субкультуру. В жанре стимпанк пишут и на русском языке¹⁶.

Толстой читал книги Жюль Верна детям. Тургенев, Брюсов, Чехов, Куприн и Горький отзывались о них с восхищением. А из названных лиц только Тургенев и Толстой читали Жюль Верна на языке подлинника.

Была, правда, и одна не очень хорошая сторона невероятной популярности Жюль Верна в России: произведения Жюль Верна ложились на утопическое мышление русской интеллигенции. «Пять недель на воздушном шаре» вышли почти одновременно с бредом Чернышевского под названием «Что делать?». Молодежь зачитывалась Чернышевским. Картины утопического будущего из снов Веры Павловны причудливо смешивались с фантазиями Жюль Верна. А чем капитан Немо не французский Рахметов?! Немо даже интереснее и ярче нелепого ходульного «борца за светлое будущее».

М. Е. Салтыков-Щедрин мало о ком и о чем отзывался с похвалой. К этим редчайшим исключениям принадлежали и книги Жюль Верна. В некрасовский «Современник» он дал положительную рецензию на «Пять недель на воздушном шаре».

Обсуждая планы издательства «Всемирная литература», А. М. Горький называл Жюль Верна классиком и настаивал на том, чтобы его произведения издавались так, как издают классиков: без переделок, переработок и сокращений. То, в чем отказывала Жюлю Верну Французская Академия, он легко получил в Советской России. Жаль, не дожил.

Почему он жив до сих пор: Жюль Верн, воспевающий героев

Впрочем, даже отзывы великих литераторов и ученых не объясняют массовой популярности Жюль Верна. Шедевр – это одно, бестселлер – совсем другое. Жюль Верн писал книги, некоторые из которых стали и шедеврами, и бестселлерами одновременно. Да еще такими живучими бестселлерами – их читают второе столетие. Почему же?

«Рассказы о науке» Жюль Верна чудовищно устарели. Научные предвидения давно воплощены в реальность. Если Жюль Верна читают сегодня – должны быть другие объяснения. Видимо, он может сказать читателю нечто такое, что не «прокисло» с годами.

Число читателей – не всегда и не обязательно свидетельство таланта писателя. Будь это так – следовало бы признать гением Фаддея Булгарина и мелким писателишкой – Пушкина. Ведь собрание сочинений Пушкина, выпущенное в 1836 году, тиражом в 3 тысячи экземпляров, было распродано всего на треть. Журнал «Современник» имел 600 подписчиков. Тогда как «Иван Выжигин» Фаддея Булгарина продавался тиражом в 105 тысяч экземпляров.

Но вот ПОСМЕРТНАЯ известность – уже показатель таланта. Чем больше проходило времени, тем больше людей читали Пушкина. Нераспроданные при жизни тома его «Сочинений» полностью разошлись со склада издателя в 1860-е. Сегодня Пушкина знают все, а вот кто такой Фаддей Булгарин, даже образованному человеку предстоит еще вспомнить.

Жюлю Верну предсказывали долгую посмертную жизнь. Она состоялась – писателя не забывают, и вряд ли когда-нибудь забудут. Человек давно побывал и на Северном, и на Южном полюсах. А капитана Гаттераса читают. Вокруг света можно проехать – а вернее пролететь на самолете меньше чем за сутки. Вылететь на восток 30 декабря, а вернуться назад 29-го. Но как забыть Филеаса Фогга и его камердинера Паспарту? «Наутилус» давно не кажется чудом техники, а капитан Немо в народном сознании живехонек.

¹⁶ Джойнс Р.Ф. Уровень шума // Американская фантастика. – М.: Радуга, 1988.

Издание «Детей капитана Гранта» на русском языке, 1912 года.

На 37 градусе южной широты нет ничего даже отдаленно похожего на виденное героями «Детей капитана Гранта». А Паганеля вовсе не забыли. А песенка Роберта Гранта из кинофильма исполняется и исполняется.

Объяснение вижу одно: людям и по сей день нужно такое отношение к жизни, которое он пропагандировал. То героическое отношение к жизни, которое было характерно для Европы

Нового времени. Эпоха эта началась в 1648 году, когда закончились религиозные войны католиков и протестантов. Завершилась она после Первой мировой войны, а в СССР задержалась... Впрочем, «космическая гонка» в США тоже породила многое, что очень напоминает эпоху Великой Экспансии Европы в XVII–XIX веках. Новое время провозгласило, что наука может познать мир и создать основу для научно-технического прогресса.

Что научно-технический прогресс решит все или почти все проблемы человечества, создаст счастливую, разумную и богатую жизнь.

Новое время подняло на щит ученых, инженеров и героев. Оно утверждало, что свершение Дела достойно любых усилий, важнее любых лишений и страданий, ценнее даже самой жизни человека. Идти вперед виделось самым достойным, что только может сделать человек. Внимание – героям. Равнение – на героев. Иллюстрации и к Жюль Верну, и к Конан-Дойлю, и к множеству других книг того времени изображают героя, за которым идет, или которого приветствует ликующая толпа. Герой эпохи Нового времени – такой же, как читатель, только лучше.

Таких людей и создавала фантазия Жюль Верна. Они такие же, как мы – но невольно смотришь на них снизу вверх. В чем то они все же нас превосходят!

Мир, созданный фантазией Жюль Верна, населяют здоровые люди. Они здоровы и физически – без запаса выносливости они не смогли бы совершать свои путешествия и приключения. Но главное – здоровы душевно. Здоровы нравственно. Они целеустремленные и собраны. Они не знают лицемерия и подлости. Они не жестоки и не мстительны.

Они затевают великие дела и верят в успех. Смелым и сильным удаются самые невероятные замыслы.

Они – хорошие друзья. Соратники всегда приходят на помощь друг другу. Дружба скрепляется общим трудом, суровыми испытаниями, смертельной опасностью. Сильные помогают слабым. Знания и талант служат общему делу.

Здание Музея Жюль Верна в Нанте. Автор фотографии – Olga Mach.

Мечта всегда осуществляется.
Спасение всегда приходит вовремя.

Справедливость всегда торжествует.

Злодеи всегда разоблачаются и несут наказание за свои преступления. Чаше всего они исправляются.

Все это – не реально? Отчего же... Так тоже бывает, хоть и не всегда. Мир Жюль Верна не искажен – скорее романтически приукрашен. Как и его герои, он немного лучше настоящего.

Мир Жюль Верна таков, каким его хотели бы видеть люди отважные и благородные. Такой, каким его пытались и пытаются по мере сил сделать умные, сильные и гордые.

Эпоха постмодерна «отменила» естественную иерархию людей.

Кто сказал, что лорд Гленарван превосходит бандюгана Айртоня?!

Кто позволил возносить на щит капитана Немо и Неда Ленда, если «средний человек» никогда не построит «Наутилуса»? Если этот «средний» хочет не плавать в глубины океанов, а хочет сидеть в пивнушке и травить анекдоты?! Для «героев» посмодерна и Айртон – слишком крупная личность. Литература XX века «восславила» убогоньких, скучно расчесывающих свои комплексы. Слабаков и ничтожеств, уровень притязаний которых сводится в жратве, пиву, выведению наружу каловых масс и половым отправлениям. Это, якобы, и есть «массовые люди», и нечего возвращать им комплексы, показывая героических личностей. А то у бедняжек комплекс неполноценности прорежется.

Типичный пример: недавно модный московский «писатель» накропал романчик с характерным подзаголовком: «Повесть о ненастоящем человеке». Я не буду его называть, чтобы не поганить имя Жюль Верна, поставив рядом с его именем имя пропагандиста нравственного и культурного убожества.

Но оказывается, культ героя жив! Люди могут иронизировать по поводу технических характеристик «Наутилуса», но ценят и любят тех, кто способен на нем плавать. Им нужно героическое отношение к жизни. Они не хотят жить в мире убогоньких, а хотят жить в мире героев.

Не хотят жить в мире комплексующих, хотят жить в мире думающих и трудящихся. В коротком рассказе Алексея Толстого подросток, живущий в 1920-е годы в Ленинграде, слушает радиопередачу «История открытия Северного полюса». В передаче «ученый голос начал говорить: «Уже давно пытливым человеческим ум стремился разгадать тайну Северного полюса. Жюль Верн в своем замечательном романе «Капитан Гаттерас» изобразил одну из таких отважных попыток...»¹⁷.

Подросток слышит вой голодных белых медведей в вое злого дворового кота Хама, а мужество сразиться с хулиганом Васькой Табуреткиным черпает из подвигов капитана Гаттераса. И не он один! «За капитаном Гаттерасом гуськом шли голодные медведи... В доме все радиолюбители сидели за радиоприемниками и ловили волны то из Берлина, то из Стокгольма, то из Лондона, то из Москвы».

Если мы хотим растить подростков, которые в 10 лет сразятся с хулиганами, а взрослыми захотят полететь в космос или погрузиться в глубины океана, очень полезен Жюль Верн. Повзрослевшие мальчики найдут массу неувязок в текстах Мэтра – но это ведь ничего не изменит.

¹⁷ Балабуха А.Д. Проект «Жемчужина» // Балабуха А.Д. Нептунова арфа. – СПб: Изд-во писателей Санкт-Петербурга, 2013.

Памятник Жюльо Верну в Амьене. Фото: Mouton-duvernet.

Время сказало свое слово – Жюль Верн был великим писателем при жизни, стал явлением культуры после смерти. И не вынешь его имя из истории.

Очень любопытная деталь: во Франции больше всего ценят в основном, как автора сухой по стилю, устаревшей по техническому содержанию фантастики – наподобии «Полета

с Земли на Луну», «Путешествия к центру Земли», «Гектора Сервадака» и «Михаила Строгова». Ему отводится место в истории: «тогда думали так».

В России – и в Царское время и в советское, лучшими из его романов считались романтические, с дальними путешествиями, невероятными приключениями и недвусмысленной пропагандой активно действующего добра.

Франция до их пор считает Жюль Верна неким подобием кузена Бенедикта или Жака Паганеля. Такой не ведающий реальной жизни романтический чудак. Вроде и не бульварный беллетрист... слишком серьезен, порой назидателен, популяризирует науку. Но и не классик... Не романист, писавший «серьезные произведения», как Бальзак и Золя. Не идеологичен, как Гюго.

Превзошедшая даже сумасшедший прижизненный успех популярность Жюль Верна в СССР показывает – в этой советской цивилизации жили те же идеалы, что вдохновляли писателя. Вера в разум и в справедливость. Вера в технический и нравственный прогресс.

Веру в ум и волю человека.

Кстати, и Джек Лондон, и Стивенсон в России ценятся куда больше, чем у себя на родине. Видимо, создаваемый их фантазией мир созвучнее психологии россиянина, чем англичанина или американца.

А какие великолепные экранизации Жюль Верна созданы в России!

От «Детей капитана Гранта» 1936 года до эпопеи Говорухина 1986.

Певец могущества человека

Жюль Верн очень хорошо осознавал, что живет в героическую эпоху. В годы его детства «путешествовали мало, либо не путешествовали совсем. Это было время фонарей-рефлекторов, штрипок, Национальной гвардии и дымящего огнива¹⁷. Да! Это все появилось при мне: фосфорные спички, пристегивающиеся воротнички, манжеты¹⁸, почтовая бумага, почтовые марки, брюки с широкими штанинами, пальто, складывающийся цилиндр, ботинки, метрическая система¹⁹, пароходики на Луаре (их называли «невзрывающимися», потому что они взлетали в воздух немного реже, чем остальные), омнибусы, железная дорога, трамваи, газ, электричество, телеграф, телефон, фонограф! Я принадлежу к поколению, ограниченному двумя гениями – Стефенсоном и Эдисоном²⁰! А теперь я живу во время удивительных открытий, совершаемых прежде всего в Америке с ее кочующими гостиницами, машинами для выпечки тартинков, движущимися тротуарами, газетами из слоеного теста, пропитанного шоколадными чернилами, – их сначала читают, а потом едят!»²¹

На глазах всех современников Жюль Верна наука и техника меняли привычную картину бытия.

Но не все видели за отдельными открытиями и изобретениями не просто пар, электричество, летательные аппараты, подводные лодки и трансконтинентальные экспрессы, но могучий облик самой науки, новой силы, стремительно изменяющей мир. Жюль Верн не только разглядел это, но и сделал науку главным героем своего творчества.

Сам Жюль Верн никогда не отделял своих научно-фантастических романов от романов приключенческих. Он вообще не пользовался термином «фантастический роман». Жанр, им открытый и разработанный, он определял как «научный роман» или «роман о науке». И это, безусловно, верно: фантастические и приключенческие произведения органически сочетались в едином цикле «Необыкновенных Путешествий».

Памятник Жюлью Верну в Нанте. Автор: Yann Droneaud.

Жюль Верн открыл в искусстве воистину новый мир всепобеждающей науки и техники. Мир ученых, исследователей и инженеров, мир созидательного творческого труда. Успех лучших романов Жюль Верна – это успех нового типа героев, введенных им в литературу. Герой Жюль Верна – это всегда искатель, кем бы он ни был: инженером, как Робур или Сайрес Смит, путешественником и исследователем, как капитан Гаттерас, доктор Фергюссон или профес-

сор Лиденброк, ученым, как Зефирен Ксирдаль, Пальмирен Розет или Жак Паганель... Герой Жюль Верна – это благородный патриот, как лорд Гленарван и Матиас Шандор.

Кроме описания Земли, ее морей и континентов, все романы Жюль Верна воспевают беспредельные возможности человеческого разума. Первым из писателей Жюль Верн увидел в науке не только инструмент познания мира, но и инструмент его изменения.

Не сразу пришло понимание того, что сама по себе наука – это только инструмент. Ее применение прямо зависит от того, в чьих руках она окажется. В наше то время одна из центральных тем научной фантастики – тема ответственности ученого за свое изобретение, его судьбу и использование.

Жюль Верн первым вошел и в эту дверь. Капитан Немо превращает «Наутилус» в свою гробницу не только потому, что чудесный подводный корабль не может покинуть пещеры под островом Линкольна. Он боится отдавать великолепное изобретение невесте в чьи руки.

И Робур Завоеватель заявляет: «Граждане Соединенных Штатов, мои опыты завершены, но отныне я полагаю, что ничего не следует делать раньше времени. Это относится и к прогрессу: успехи науки не должны обгонять совершенствования нравов... Явись я сегодня, я пришел бы слишком рано, и мне не удалось бы примирить противоречивые и своекорыстные интересы людей... Поэтому я покидаю вас. Секрет своего изобретения я уношу с собой, но он не погибнет для человечества. Он будет принадлежать ему в тот день, когда люди станут достаточно образованными, чтобы извлечь пользу из моего открытия, и достаточно благоразумными, чтобы никогда не употреблять его во вред».

Скорее романтик, чем консерватор, Жюль Верн создал больше утопий, чем антиутопий. Вольный город Франсевиль, колония на острове Линкольна, колония землян на Галлии, республика Либерия на Огненной Земле – явные утопии.

Но есть у него и Шталыштадт. Есть и Кау-Джер, вынужденный отступить от своих анархических принципов.

И все же он верил в прогресс! Верил, что народы колоний и полуколоний построят общества не менее совершенные, чем европейские. Верил в разум. Он ушел из жизни в беспокойное время: грохотала Русско-японская война, Европа разделялась на международные блоки, ощерившиеся оружием. А он, полуослепший, измученный диабетом, говорил журналистам: «что бы нам ни угрожало сейчас, я верю в созидательные силы разума. Я верю, что народы когда-нибудь договорятся между собою и помешают безумцам использовать величайшие завоевания науки во вред человечеству...».

Нам бы его оптимизм.

Почему это интересно, или: Никакой политкорректности

Есть и еще причины, по которым Жюль Верна хотят читать. Одна из них – тексты Жюль Верна абсолютно лишены бреда, именуемого в наши дни то «толерантностью», то «политической корректностью».

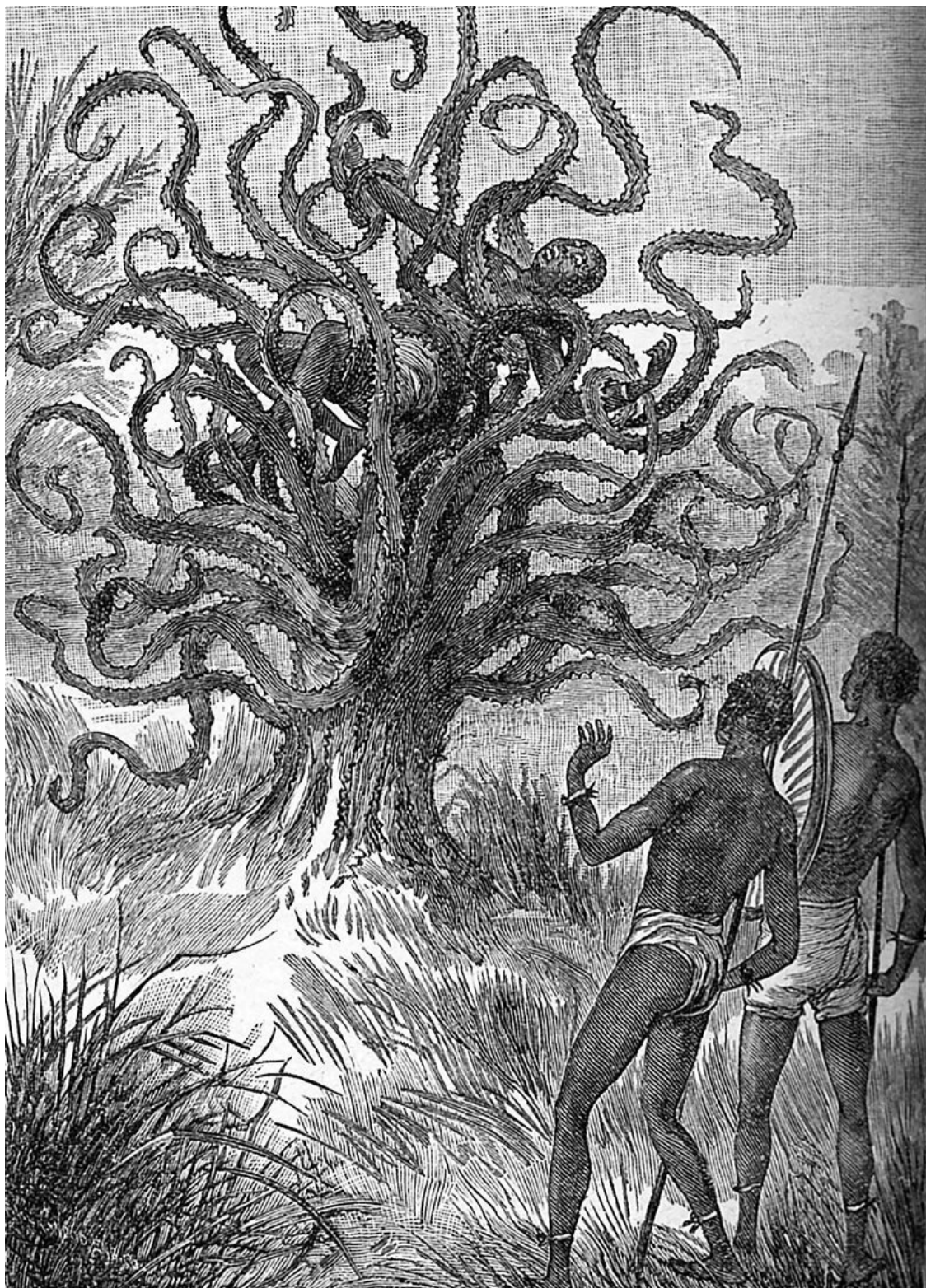
Жюль Верн постоянно «вступается» за народы колоний. Ему антипатичны расовые предрассудки. Но и иллюзий у него никаких нет.

Туземцы у него не таковы, какими «должны быть» в воспаленном воображении современного левака. Они отвратительны даже внешне; они жестоки, примитивны, опасны. Австралийцы так вообще зверообразны.

Привлекательны только те туземцы, которые служат «колонизаторам» и учатся у них. Великолепен верный, мужественный индеец Талькав. Но ведь и он – не людоед с Новой Зеландии и не австралиец, которого путешественники могут спутать с обезьяной. Он владеет лошадью, стальным ножом и карабином, – а плавают сталь и набивают патроны порохом не в первобытном кочевье.

Талькав верно служит путешественникам и учится у них, приближаясь к цивилизации. Он нравственно не ниже европейцев.

Очень симпатичен австралийский мальчуган Толине, получивший в школе первую награду по географии. Наивное дитя уверено, что англичанам принадлежит весь земной шар. «Познания в географии» Толине вызывают взрывы хохота у Паганеля. Но это приятный, умный мальчик, вежливый и трогательный. Воспитанный миссионерами, он носит европейскую одежду, свободно говорит по-английски, и едет повидаться с родными, чтобы «вырвать своих братьев из нищеты и невежества». Он исчезает, отказавшись взять «Краткий очерк географии» Самуэля Ричардсона, но оставляя на груди спящей леди Элен букетик мимоз. Этот австралийский ребенок ведь учится у «колонизаторов» – пусть сообщаемые ему географические сведения куда фантастичнее любых измышлений Жюль Верна.

Описывая экзотические страны, авторы XIX века описывали порой самые невероятные вещи, включая и деревья-людоедов. Осчастливив в 1887 году человечество книгой «Земля и море», некий Дж. Булль описал дерево Я-Те-Вео – вот оно на картинке. Жюль Верн уважал своих читателей. Деревьев-людоедов и анаконды длиной 50 метров вы у него не найдете.

Точно так же «неполиткорректен» Жюль Верн к женщинам. Его отношение рыцарственно. Дамы у его находятся под покровительством мужчин. Их не только защищают и создают им лучшие условия; от них порой скрывают неприятные или тревожные сведения.

И при том женщины нервны, избыточно эмоциональны, а леди Элен Гленарван действует с «чисто женской нетерпеливостью».

И здесь, и во многих других местах Жюль Верн позволяет себе высказывания, которые ему не простили бы современные феминистки. Да что там «не простили бы!». В современных США книгу с подобными высказываниями просто отказались бы печатать.

Легче всего сослаться на то, что таковы были нравы эпохи Жюль Верна, и что он просто разделял предрассудки своего времени. Но собственно говоря, почему писатель не должен был говорить о том, что он многократно наблюдал? Большинство женщин действительно любопытнее и нетерпеливее большинства мужчин. В наше время это сказывается слабее, чем 200 или 150 лет назад, потому что женщины получают образование и к ним предъявляются более строгие требования, чем к их прабабушкам. Но предрассудком является скорее требование не говорить ничего подобного, а не называть вещи своими именами.

Опыт жизни свидетельствует, что отношение Жюль Верна и к туземцам, и к дамам несколько справедливо. Людям (и женщинам тоже) не хочется жить в сюрреалистическом мире «политической корректности» и прочего бреда. В его отсутствии – одно из очарований Жюль Верна.

Почему это интересно, Или Певец свободы

Мир Жюль Верна – поразительно свободный мир. Филеас Фогг огибает Земной шар за 80 дней. По современным понятиям, это много! Очень много. Но Филас Фогг не ставит ни одного штампа в паспорт, не получает ни одной въездной визы. Едет, и все. В Египте он ищет британского консула, чтобы он засвидетельствовал пребывание Филеаса Фогга в Египте – и ему не сразу удастся найти консула. Мир открыт, по нему можно двигаться в любом направлении. Медленнее, чем в наши дни – но совершенно свободно. Современный фогг может обогнуть Земной шар всего за 58 часов! Но сколько времени уйдет у него на получение необходимых разрешений? 80 дней? Или больше?

Жюль Верн показывает свободный, открытый мир. В таком мире хочется жить намного больше, чем в мире, скованном границами и бюрократическим маразмом. Лорд Гленарван решил плыть в Южную Америку – и поплыл. Приплыл в Чили, и при въезде в страну никто не заполнял никаких таможенных деклараций. Пересекли границу Чили и Аргентины – а на этой границе нет ни колючей проволоки, ни контрольно-следовой полосы, ни людей в форме и с автоматами. Нет ни таможенного досмотра на предмет, нет ли в вашем багаже наркотиков и боеприпасов;

ни заполнения декларации на пяти страницах, с вопросами, не собираетесь ли вы взрывать мосты, не знакомы ли вы с Бин Ладеном и нет ли у вас намерения свергнуть местное правительство.

При въезде в любую страну во времена Жюль Верна никто не выяснял, не везут ли путешественники оружия, наркотиков, порнографии или подрывной литературы. Кстати, оружие в мире Жюль Верна свободно покупается и продается – без разрешения полиции без регистрации, без справок из наркологического диспансера и без анализов на содержание наркотика в моче. Интересно, скоро ли подрывной литературой будут считаться сами книги Жюль Верна? Книжки, в которых люди свободны в передвижениях, которых никто не подозревает в каких-то отвратительных поступках. Это ведь сплошная пропаганда давно утраченной нами свободы.

Один из «ударных» кадров в пародии Мельеса: снаряд врывается в «глаз Луны».

Люди читают книги подрывного элемента, «женоненавистника» и «расиста» Жюль Верна потому, что хотят жить в свободном мире, а не в системе хронического полицейского досмотра. Что, наверное, тоже следует считать мыслепреступлением.

Экранизации книг Жюль Верна

В 1902 году вышел первый научно- фантастический фильм в истории кинематографа: «Путешествие на Луну» Жоржа Мельеса. Это не столько даже экранизация, сколько пародия на сюжеты романов Жюль Верна «Из пушки на Луну» и Герберта Уэллса «Первые люди на Луне». «20 000 лье под водой» вышло на экраны в 1907 году. «Путешествие к центру Земли» – в 1910. «Завоевание полюса» – в 1912. «Дети капитана Гранта» – в 1913. «Вокруг света за 80 дней» – в 1914. «Михаила Строгова» экранизировали в Англии в 1908–1910 годах. В 1912 году Мишель Верн основал собственную кинокомпанию «Le Film Jules Verne» – «Фильмы Жюль Верна». В 1916–1917 году он экранизировал романы «Черная Индия», «Южная звезда», в 1918–1919 годах – «500 миллионов бегумы», в 1919 – «Судьбу Жана Морена».

Как кинематографист он имел не больший успех, чем как литератор, а в 1925 году скончался от рака горла и желудка.

Вообще же экранизировали романы Жюль Верна не менее 130 раз, а некоторые источники уверяют, что и более 200 раз.

Больше всего «повезло» «Таинственному острову» – его экранизировали в 1902, 1921, 1929, 1941, 1951, 1961, 1963, 1973, 1975, 2001, 2005, 2012 годах. На втором месте – «20 000 лье под водой» (1905, 1907, 1916, 1927, 1954, 1975, 1997, 1997 (II), 2007 годы) и «Михаил Строгов» (1908, 1910, 1914, 1926, 1935, 1936, 1937, 1944, 1955, 1956, 1961, 1970, 1975, 1997, 1999 годы).

«Дети капитана Гранта» выходили на экраны в 1901, 1913, 1962, 1996; 1936, 1985 годах. «Путешествие к центру земли» (1907, 1909, 1959, 1977, 1988, 1999, 2007, 2008). «Вокруг света за 80 дней» (1913, 1919, 1921, 1956 Оскар за лучший фильм, 1957, 1975, 1989, 2000, 2004).

«Пятнадцатилетний капитан» (1971; 1945, 1986 СССР), «С Земли на Луну» экранизировали 1902, 1903, 1906, 1958, 1970, 1986 годах.

В СССР экранизировали «Детей капитана Гранта» в 1936 году, «Таинственный остров» в 1941, «Пятнадцатилетнего капитана» в 1945, «Сломанную подкову» по мотивам «Драмы в Лифляндии» в 1973 году, «Капитана Немо» в 1975, «Капитан «Пилигрима» в 1986 году.

В 1986 году вышел советско-болгарский сериал в 7 серий – «В поисках капитана Гранта» Станислава Говорухина. Советский фильм «Дети капитана Гранта» в 1936 году был экранизацией литературного произведения. Семисерийник 1986 года – скорее самостоятельный фильм, снятый по мотивам книги Жюль Верна. Станислав Говорухин считал, что «дети перестают читать. Так что я просто обязан был вернуть им литературу, хотя бы и в виде кинофильмов». Он изменил много эпизодов, добавил новые, ввел вторую сюжетную линию – о жизни самого Жюль Верна, биографию которого режиссер тоже интерпретировал достаточно ... скажем так, произвольно.

Из фильма 1936 года в новый взяли разве что знаменитую увертюру Исаака Дунаевского, которую помнили все зрители. Но при этом фильм поразительно точно воспроизводит дух эпохи великого писателя. И дух его произведений.

Фильм снимали в основном в Крыму, частично в Болгарии. Так, побережье Южной Америки снимали на южном берегу Крыма, Айртон высадили на «безлюдном берегу» в бухте Чехова в Гурзуфе. Морские сцены снимали в проливе между скалами Адаларами и скалой Шаляпина. Аю-Даг заменял Канарские острова.

В Крыму же снимали большинство зимних сцен: заснеженный перевал в Андах «сыграла» крымская вершина Ай-Петри, на высоте 1100 метров. Там снимался эпизод схода снежной лавины.

Сцены захвата дикарями Паганеля и эпизоды из новой Зеландии снимали в горах возле болгарского города Белоградчик и в пещере Проходна. В горах и лесах Болгарии снимали Кордильеры, болота Австралии и леса Амазонки.

В фильме участвовали русские, болгарские, эстонские, белорусские артисты. Среди них были и непрофессионалы. Мэри Грант сыграла 18-ти летняя Галина Струтинская. До этого ее снимали лишь в эпизодах, и к Говорухину она попала случайно – ее заметил в коридорах киностудии им. Горького ассистент режиссера и пригласил на пробы. Во время съемок случайная актриса вышла замуж, через год после выхода фильма на экраны она родила ребенка. Вскоре семья уехала в Германию, где они живут по сей день. Галина стала косметологом, хозяйкой салона красоты и в кино больше никогда не снималась.

Памятник Жюльо Верну на смотровой площадке Федоровской набережной в Нижнем Новгороде.

На данный момент «В поисках капитана Гранта» – самая масштабная экранизация произведений Жюльо Верна. И самая качественная. Какая-то она здоровая и чистая, как и произведения самого Жюльо Верна.

Память человечества

В 1990 году городской муниципалитет Амьена выкупил четырехэтажное здание Maison de la Tour с башней на улице Шарля Дюбуа, и в 1991 открыл для публики музей. В 2006 году для этого музея у итальянского коллекционера и поклонника творчества Верна, графа Пьеро Гондоло дела Рива выкупили документы, книги, мебель и другие предметы писателя.

«Жюльверновские» места показывают и в Нанте, где создан Мемориальный музей Жюльо Верна.

В России пока нет посвященных писателю музеев, но в Иркутске 2013 году (там ведь разворачивается основное действие «Михаила Строгова») прошла посвященная писателю выставка с впервые привезенными из Нанта личными предметами Жюльо Верна: глобусом, готовальной с измерительными и чертежными инструментами, Орден Почетного легиона, первое издание романа «Михаил Строгов» 1876 года.

В 2015 году на набережной Федоровского, в Нижнем Новгороде открыт первый в России памятник Жюльо Верну работы казанского скульптора Фаниля Валиуллина. Памятник представляет собой фигуру писателя в натуральную величину, стоящего в корзине воздушного шара. Памятник открыт в Год литературы в России, и в 110-ю годовщину со дня смерти писателя. Предлог для открытия памятника: Жюль Верн подробно и довольно точно описал Нижний Новгород в своем «Михаиле Строгове».

В честь Жюльо Верна названы:

– астероид 5231 Verne, открытый в 1988 году и получивший современное название в 1995 году. – кратер на Луне, диаметром 146 км;

– ресторан на первом уровне Эйфелевой башни в Париже; – улица в казахстанском городе Усть-Каменогорске; Его именем называли и творения рук человеческих:

- первый автоматический грузовой космический корабль;
- 16-й выпуск операционной системы Fedora под кодовым именем Verne;

С 1993 года приз «Кубок Жюль Верна» вручается экипажу яхты за самое быстрое кругосветное, безостановочное плавание под парусом;

Существует французская ассоциация «Приключения Жюль Верна», которое занимается защитой окружающей среды и сохранением исчезающих видов животных.

Монетный двор Франции много раз посвящал выпуски монет памяти писателя. В 2005–2006 годах отчеканено 23 монеты из золота, серебра и меди в память 100-летия со дня смерти Жюль Верна.

25 июня 2012 года в рамках нумизматической серии «Регионы Франции» выпущена серебряная монета номиналом 10 евро с изображением писателя и объектов из его произведений.

Жюль Верн изображен на почтовом блоке Венгрии 1978 года, на почтовой марке Румынии 2005 года.

Цикл о капитане Немо

Это самый «морской» цикл Жюль Верна. И самый «читаемый» во всем мире. «Космические» романы Жюль Верна очень уж устарели – как и описания Индии или Африки.

Цикл не был изначально задуман, как нечто единое. Он возник скорее случайно.

«Дети капитана Гранта» частями публиковались в журнале *Magasin d'illustration et de recreation*, – «Иллюстрированный журнал для отдыха» с 20 декабря 1865 по 5 декабря 1867 года. Полностью роман опубликован в 1868 году, как совершенно самостоятельное произведение.

Уже в нем самом есть весьма странные анахронизмы. Географ Паганель вспоминает нового американского президента: губернатора Джонсона, «преемника великого и доброго Линкольна, убитого безумным фанатиком – сторонником рабовладельцев».

Преемником Авраама Линкольна действительно стал вице-президент Эндрю Джонсон, бывший ранее губернатором штата Теннесси. Любопытно, что монархист, но при том и великий либерал Жюль Верн очень высоко оценивает Линкольна и недолюбливает Джонсона. Но еще интереснее, что Паганель произносит эти слова 29 или 30 декабря 1864 года. А убили Авраама Линкольна 15 апреля 1865 года.

«20 тысяч лье под водой» тоже задуман как совершенно самостоятельное произведение. В русских переводах его называли «Восемьдесят тысяч верст под водой», а в эпоху СССР – «80 000 километров под водой», но все это не точно.

Старинная французская мера расстояния, лье, подразделяется на сухопутное лье – 4444,4 м. Это расстояние, проходимого за один час пешком, одновременно – длина дуги 1/25 градуса земного меридиана; 4,16 версты.

Морское лье – расстояние, проходимое за час на весельной шлюпке, 5555,5 м. Это длина дуги 1/20 градуса земного меридиана, или 3 морские мили.

Название романа относится к расстоянию, пройденному «Наутилусом» под поверхностью моря, а не к глубине погружения. 20 000 морских лье – это примерно 110 тысяч километров, или около 9 диаметров Земли. В оригинале книга называется «20 тысяч лье под морями» – подразумеваются «семь морей», по которым плавали персонажи романа.

Упоминаемые в романе глубины тоже фантастичны – 4 лье, то есть около 22 км. Самая глубокая из известных на Земле впадин, «Бездна Челленджера» в Марианском желобе, имеет глубину в 10 994 м ниже уровня моря.

Научно- фантастический роман публиковался в журнале в журнале *Magasin d'illustration et de recreation*, «Иллюстрированный журнал для отдыха» с 20 марта 1869 по 20 июня 1870 года, а отдельным изданием вышел в 1870 году.

Сочиняя роман, Жюль Верн оставался верен себе: изначально главным героем романа капитан Немо, был польским аристократом, который мстил Российской империи за гибель своей семьи во время польского восстания 1863–1864 годов. И топил он именно русское военное судно.

Кадр из короткометражного фильма 1907 года – того же Жоржа Мельеса «20 тысяч лье под водой или кошмар рыбака». Фильм трудно называть иначе нежели издевательством над Жюлем Верном.

Но в это время наметилось потепление русско-французских отношений... Этцель вовсе не хотел потерять прибыльный российский рынок... Он потребовал придумать другого героя, не поляка. К тому же он считал невероятным, чтобы поляк нашел средства для строительства «Наутилуса», и сделался бы инженером высокого класса.

Иллюстрация Жюль Фера к первому изданию «Таинственного острова», в 1875 году. На рисунке герои романа попадают внутрь «Наутилуса» и встречаются с престарелым капитаном Немо.

Издатель и писатель сильно поссорились. Вносить в текст романа изменения пришлось, но Жюль Верн не до конца последовал советам Этцеля: прошлое капитана Немо он окутал покровом тайны... позже и в другой книге «выясняя», что тот – уцелевший руководитель восстания сипаев в Индии. Во Франции «пнуть» Британию всегда считалось делом, достойным мужчины. В Британии эти намеки проигнорировали, а польский повстанец в «20 тысячах лье...» исчез... Но после этой истории Верн намного более прохладно относился к Этцелю, все реже вносил в текст изменения, о которых он просил.

«Таинственный остров» публиковался в журнале *Magasin d'illustration et de r?cr?ation*, «Иллюстрированный журнал для отдыха» с 1 января 1874 по 15 декабря 1875 года. Действие романа начинается в 1865 году, до убийства Линкольна и начала Гражданской войны в Америке. Герои этой книги проводят на острове 4 года, то есть покидают его в 1869 году.

Уже во время работы над романом Жюль Верну пришел в голову замысел соединить в «Таинственном острове» сюжетные ветви «Детей капитана Гранта» и «Двадцати тысяч лье». И придумал! «Оказывается», капитан Немо поставил «Наутилус» на последнюю стоянку в пещере, образовавшейся в жерле потухшего вулкана, чтобы дожить свои последние дни на корабле – на том самом острове, куда судьба забрасывает пятерых американцев. Когда они появляются на острове, капитан Немо иногда анонимно помогал им.

Капитан Немо умирает от старости, раскрыв героям тайну своего происхождения. «Наутилус» с телом капитана Немо остается на дне пещеры, когда остров в результате извержения проснувшегося вулкана погружается в океан. Вот и связь с «20 тысяч лье под водой»!

В «Детях капитана Гранта» разбойник Айртон был оставлен на острове Табор. «Оказывается», остров Табор находится совсем недалеко от Острова Линкольна. Герои спасают Айртон, а капитан Немо оставляет на острове Табор записку, сообщая: Айртон и пятеро других потерпевших крушение ждут помощи на соседнем острове. Прибывший за Айртоном «Дункан» может приплыть за героями, а ведет его капитан Роберт Грант.

Вот и «Дети капитана Гранта» соединяются с «Таинственным островом».

Но тут же возникли новые несостыковки.

Во-первых, в «Детях капитана Гранта» Айртон был оставлен на острове Табор в 1864 году. Чтобы он мог просидеть на острове 12 лет, в его рассказе приходится отнести его собственный рассказ не к 1864, а к 1854 году. Но как же тогда четко прописанная хронология в «Детях капитана Гранта»? Там ведь ясно указаны даты...

Во-вторых, со времени событий «20 000 лье под водой» проходит самое большее 6 лет. В «20 тысячах лье под водой» капитан Немо – мужчина в расцвете сил, ему нет и 50 лет. А в «Таинственном острове» это дряхлый старик, который после приключений в Малмстреме много лет плавал в океане, пережил всю свою команду и приплыл на остров умирать.

Эти временные «странности» Жюль Верн не объяснял никогда и никак.

Почему же трилогия все-таки получилась?

Наверное, потому, что в ней воплотилось лучшее, что вообще есть у Жюль Верна: оптимизм, знание реалий морских путешествий, реалий науки и техники, вера в силы и ум человека.

Повторюсь – скорее всего, эта трилогия – лучшее, что вообще было написано Жюлем Верном. При том, что романы очень разные.

Примечания к введению

1 Жюль Верн состоялся как поэт и песенник задолго до того, как начал писать фантастику. Не удивительно – он родился в очень музыкальной семье. Любовь к сборищам, веселью, совместным обедам и ужинам, жизнерадостность вообще очень в духе французов. А семья Вернов музицировала почти профессионально. Мать играла на пианино и всех пятерых своих детей посадила за инструмент. Все три младшие сестры Жюля и Поля Вернов тоже стали пианистками, а старшая среди них, Анна, считалась виртуозом.

Мальчиков тоже учили играть на пианино. Младший брат Жюля Верна, Поль, уже завершив морскую карьеру, до конца своих дней сочинял и играл музыкальные этюды.

Старший ребёнок в семье, Жюль рано выучился играть. Его лучший друг Аристид Иньяр стал композитором. Карьеры он не сделал, и упоминается в основном как «лучший друг Жюля Верна» и соратник во времена «первых парижских опытов Верна». Зовут его и «незаслуженно забытым».

И впрямь – в Париже Иньяр писал комические оперы, а Жюль Верн сочинял для них либретто. В эту пору Жюль Верн писал домой: «Я купил пианино. Это находка, которую я сделал. Правда, оно старше революции, так как изготовлено в 1788 году...».

Вот и еще один перл: «Море, музыка и свобода – вот все, что я люблю».

В 2008 году компания «Mirage» выпустила CD-издание песен на стихи Жюля Верна с оригинальными мелодиями Иньяра и Дюфресна. Издание насчитывает тринадцать композиций. И это наверняка еще не все!

Во множестве книг Жюля Верна есть места, которые показывают – он порой «думал, как музыкант». В Южной Америке экспедиция Гленарвана слышит, как раскаты грома «переходили из низких тонов в средние (если заимствовать подходящее сюда сравнение из музыки) Небесные струны вибрировали все чаще». А Паганель восхищался процветающими фермерами, братьями Паттерсонами, обнаружив их в австралийской глуши за исполнением Моцарта.

Филеас Фогг слышит, как тросы «звучат в квинту и в октаву».

В «Гекторе Сервадаке» предлогом для дуэли стало «состязание» Вагнера и Россини.

В «Двадцати тысячах лье под водой» в салоне «Наутилуса» «партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и многих других, разбросаны на огромнейшем органе, занимавшем всю стену между дверьми».

За этот орган частенько садится капитан Немо – в сложные минуты своей жизни.

В «Плавучем острове» король-астроном утешается только одной музыкой среди «бездушных» богачей.

Впрочем, примеры можно умножать едва ли не до бесконечности.

2 Марсовые – особая категория матросов, ставящая паруса на верхней части мачт.

Для понимания их роли надо иметь в виду, что с конца XVI века в Голландии, потом и во всех странах Европы начали применять составные мачты. Составная часть мачты называется стеньгой.

Система креплений, соединяющих составные части мачты, и само место соединения называют салингом.

Марсом стали называть верхний конец каждой стеньги и площадку на салинге.

Высота мачты больших парусных кораблей с прямым вооружением могли достигать высоты 50 и 60 метров, и состояли они из 2–4 стеньг. Чтобы поставить и убрать паруса, матросы поднимались по веревочным лестницам-вантам до марсов, и во время постановки или сворачивания парусов расходились от марсов по реям.

Не все матросы корабля выполняли эту сложную и опасную работу. Обычно в марсовые зачисляли часть строевых матросов, прослуживших не менее 2–3 лет. Из 100–120 матросов

большого боевого корабля – не более 60 человек. Матрос сначала учился ставить паруса на нижних стенах, и только постепенно начинал подниматься на 2–3 стены, на высоту 30–50 метров, и там ходить по горизонтальным реям, ставить на них паруса.

Марсовыми называли или всех матросов, которые во время управления парусами находятся на мачтах. Или только разряд матросов, ставивших паруса на верхних стенах, на большой высоте.

На русском языке сочиненная Жюлем Верном песня «Марсовые» известна в переводе Игоря Михайлова:

МАРСОВЫЕ

В расставанья час,
снявшись с якорей,
видел ты не раз
слезы матерей.
С сыном распростясь,
старенькая мать
плачет не таясь:
ей так трудно ждать,
Так душа болит
в тишине пустой...
Мать свечу сулит
Деве пресвятой:
– Только б уцелел
бедный мальчик мой,
бури одолел
и пришел домой...
Марсовые, эй!
По местам стоять,
чтоб средь волн скорей
землю отыскать.
Вперед!
Вперед, друзья, вперед!
Нас море вечно вдаль зовет —
Вперед! Вперед!

3 Книга написана в 1861 году, но вышла из печати только в 1889 году.

4 Книга написана в 1885-начале 1886 годов. Первая публикация романа состоялась в журнале Этцеля «Magasin d'education et de Recreation» с 1 января по 1 ноября 1886 года, под названием «Лотерейный билет номер 9672».

Первое книжное издание романа под тем же заглавием увидело свет 4 ноября 1886 года. В ту же книгу вошел еще и рассказ «Триkk-Траkk».

«Лотерейный билет номер 9672», рассказ «Триkk-Траkk» и роман «Робур-Завоеватель» составили 21-й сдвоенный том «Необыкновенных путешествий», вышедший 11 ноября 1886 года.

В книге старательно описывается жизнь тогдашней Норвегии, но в художественном отношении роман считается одним из самых слабых произведений Жюль Верна.

5 «Сен-Мишель» – последовательное название трех яхт, принадлежавших Жюлю Верну с 1868 по 1886 годы. «Святой Михаил» традиционно считается покровителем моряков Нормандии и Бретании.

Важную роль в покупке и переоборудовании судов сыграл моряк Поль Бо, с которым Жюль Верн познакомился в Ле-Кротуа. Название «Сен-Мишель» перешло к двум следующим судам.

6 Зарегистрированный 6 июня 1868 года, «Сен-Мишель» имел 9 метров в длину и 12 тонн водоизмещения. Зарабатывая своими публикациями, писатель начал поиск более комфортабельного и солидного судна. Такого, чтобы оно было пригодно для более дальних морских переходов, и при том могло служить плавучим кабинетом...

Поль Бо предложил Жюлю Верну проект мореходной яхты, заказанной на верфи Абея Лемаршана в Гавре, и спущенной на воду 15 апреля 1876 года. Жюль Верн лично наблюдал за проектированием и всеми этапами постройки судна. Длина его составила 13,3 м, ширина 2,25 м, при водоизмещении 19 тонн.

Писатель владел «Мишелем-II» всего 18 месяцев. С 1878 года яхта не раз переходила из рук в руки – до 1913 года, когда по старости была списана и пошла на слом.

7 Летом 1877 года один из друзей писателя – возможно, капитан Олив, – предложил Жюлю Верну только что построенную паровую яхту «Сен-Жозеф», заказанную неким маркизом де Прео.

Новую яхту Жюль Верн осматривал вместе с братом Полем – профессиональным моряком. По словам Жана Жюль-Верна, братья пришли в восторг – яхта оказалась «именно таким кораблем, о котором оба они мечтали в детстве».

Маркиз де Прео вложил в яхту больше 100 тысяч франков, но просил за нее «всего» 55 тысяч. Обычно Этцель платил в те годы писателю по 6000 франков за том «Необыкновенных путешествий», кроме доли в прибылях от успешных продаж и театральных инсценировок. Свою просьбу об авансе Жюль Верн сам назвал в письме Этцелю «безумием», но издатель пошел навстречу. Ведь Жюль Верн уверял, что ему необходим «подъем духа», и что он «предвидит несколько хороших книг». Согласно новому договору от 18 октября 1877 года писатель получал одновременно 27 500 франков как аванс на книгу «Великие путешествия и великие путешественники». Это сразу позволило оплатить первый взнос.

«Сен-Мишель III» был парусно-паровым судном со стальным корпусом длиной 31 метр и шириной 4,5 метра при осадке 2,8 метра, водоизмещением в 100 тонн. Паровая машина мощностью 100 л. с. вместе с 300 м² парусов на двух мачтах позволяла развивать скорость до 10 узлов. Самая большая грот-мачта с одной стеньгой возвышалась на 15 метров. Команда составляла 10 человек.

Стальной корпус уже в верфях был разделен пятью водонепроницаемыми переборками. На корме располагался салон, обшитый панелями красного дерева и двухместная спальня, отделанная светлым дубом; там же помещался письменный стол. В середине судна располагались кубрики, кочегарка и прочие бытовые помещения. Кают-компания, камбуз и буфетная помещены на носу. Дополнительные спальные места были оборудованы во всех помещениях, включая палубную рубку. Так, чтобы при желании Жюль Верн мог принять на борт одновременно до 12–14 пассажиров.

Продавая «Сен-Мишель III» в 1886 году, Жюль Верн рассчитывал хотя бы вернуть деньги, потраченные когда-то на покупку. Не удалось... Князь Черногории Никола Петрович дал только 23 тысячи франков, тогда как Мишелю Верну, чтобы избежать долговой тюрьмы, требовались 30 тысяч франков. Новый владелец переименовал яхту в «Sybila». В дальнейшем стареющее судно несколько раз меняло хозяев, после 1913 года судьба корабля не известна.

8 Впервые город Аньер, то есть «Ослиная ферма», упоминается в 1158 году. С XVIII века это фактически пригород Парижа, который назывался Аньером до 15 февраля 1968 года.

С этой даты ему дали название Аньер-сюр-Сен, то есть «Аньер-на-Сене», чтобы отличать от других населенных пунктов Франции с названием «Аньер». Это северо-западный промышленный пригород Парижа, на левом берегу реки Сены, в департаменте От-де-Сен. В нем живет примерно 80 тысяч человек.

9 Жак Этьен Виктор Араго (1790–1855) – известный драматург, писатель и художник, больше известный как путешественник, рисовавший и описывавший посещаемые им страны.

В 1817–1820 годах он совершил кругосветное путешествие на корабле «Урания», посетив Австралию, Новую Гвинею, ряд островов в Тихом океане. У Фолклендских островов «Урания» потерпела крушение, только в ноябре 1820 года члены экспедиции сумели благополучно вернуться на родину.

Вернувшись во Францию, Жак Араго занимался изданием журналов, а с 1835 стал директором театра в Руане. Он почти полностью потерял зрение, но не прекратил своей работы театрального директора и драматического писателя, да еще совершил несколько путешествий в Америку. О своих путешествиях Араго написал ряд трудов, сегодня представляющих в основном историческую ценность.

10 Город Нант расположен на западе Франции, в устье реки крупнейшей в стране реки Луары. Столица галльского племени намнетов, с V века это резиденция епископа, а с VII века столица франкского графства, где жил полупоупендарный маркграф Роланд, воспетый в «Песне о Роланде».

В 851 году бретонский правитель Номиноэ, после ожесточенной обороны, захватил город. Нант стал основной резиденцией бретонских герцогов вплоть до XV века, и тогда в нем был построен кафедральный собор.

В годы Религиозных войн Нант твердо стоял на стороне католической партии. Он не открыл своих ворот Генриху IV до самого подписания Нантского эдикта о веротерпимости в 1598 году.

Этот город изначально был крупным центром торговли, а с XVI века сделался важнейшим центром морской торговли. Прибыли купцов позволили построить в Нанте множество монументальных архитектурных объектов. Богатое архитектурное наследие Нанта, созданное в XVIII–XIX веках, принесло шестому по численности населения городу Франции весьма почетное название «города искусств и истории».

Во время Французской революции в Нанте «прославился» поставленный революционным конвентом комиссар Жан-Баттист Карье. Как это всегда и бывает во время революций и гражданских войн, Франция в 1793 году лежала в руинах. Экономика в полном коллапсе, политический хаос, власть как таковая фактически исчезла. В стране властвуют вооруженные отряды, от армий до обычных разбойников. К лету 1793 года правительство Франции контролировало только треть территории страны. Нехватка продуктов стала нормой. Власть подерживал все меньший процент населения.

Аграрным законодательством (июнь – июль 1793) якобинский Конвент передал крестьянам общинные и эмигрантские земли для раздела и полностью уничтожил все феодальные права и привилегии. Счастье народа не наступило. Разумеется, справиться с голодом путем борьбы с феодализмом пока что никому не удавалось. Якобинцы установили «максимум»: нельзя было повышать стоимость продуктов выше установленного. Нельзя было, правда, еще и платить выше установленной зарплаты.

Подвоз продуктов в города окончательно остановился: их не было смысла везти. Если продукты и появлялись, то по астрономическим ценам. Якобинцы стали выставлять заградительные отряды, чтобы не пропускать в города спекулянтов. Если они ловили торговцев, то сразу же убивали (интересно, а куда они девали то, что везли торговцы? Неужели сами съедали, феодализм их побери?! Ах, негодные нарушители идеалов!).

В Нанте, как и в Ла-Рошели, Бордо и Лионе, отряды вооруженных людей прочесывали город чтобы выловить торговцев. Обычно на рынок выходили крестьянки или мешанки-перекупщицы, чаще всего вместе с детьми. В Нанте Жан-Баттист Карье сотнями топил в Луаре «контрреволюционные элементы»: торговков, приносивших продукты на рынки голодавшего города. Этих женщин вместе с их ребятишками, иногда с несколькими сразу, чаще всего связывали попарно, привязывали к ним детей и топили.

Сам же комиссар разъезжал на лодке по Луаре, наблюдая работу подручных, и распевал революционные песни.

Если мужья этих торговков и отцы детей брались за оружие, их поступки, конечно, объяснялись исключительно отсталостью и непониманием, как невыразимо прекрасна революция.

После этих событий и Французской революции 1789–1794 годов в целом, Нант, один из центров Вандейского восстания, уже никогда не вернул себе былого величия.

Но важным промышленно-торговым городом он оставался и во времена Жюль Верна.

11 Город Луден или Лудэн в департаменте Вьенна региона Пуата-Шарант лежит на западе Франции, в 30 км к югу от города Шинон. Город известен со времен Римской империи как лагерь римских войск, основанный на месте галльского поселения.

12 Франко-шотландский альянс, часто называемый еще Старый союз – военно-политический союз средневековых Франции и Шотландии. Созданный в 1295 году королями Филиппом Красивым и Иоанном Баллиолем, Старый союз просуществовал 265 лет. Он был направлен в первую очередь против Англии и претензий ее королей на французский престол.

Англия долгое время представляла равную опасность для Франции и Шотландии, поэтому союзные отношения по традиции обновлялись при смене монархов в обеих странах.

Шотландский король Давид II вторгся в пределы Англии, чтобы оттянуть силы англичан с континента после поражения французов при Кресси в 1346 году.

В 1421 году совместные франко-шотландские силы победили англичан при Боже.

Во время знаменитой осады Орлеана в 1428 году город вместе с французами обороняли шотландцы.

Во время Религиозных войн шотландцы не раз посылали войска для помощи французским гугенотам... Интересы католической Франции и пресвитерианской Шотландии начали расходиться.

В 1560 году Англия и Шотландия заключили Эдинбургский договор, положивший начало поглощению и ассимиляции Шотландии англичанами. В 1603 году Шотландия и Англия объединены личной унией под скипетром Стюартов.

Политика не всегда последовательна. После свержения Стюартов в 1688 году Франция поддерживала Стюартов, объединивших было Шотландию и Англию. Почти весь XVIII век Франция давала политическое убежище и самой династии Стюартов, и всем якобитам – сторонникам Стюартов из Шотландии. С территории Франции отплывали корабли сторонников Стюартов.

В годы Старого союза сложилась традиция: шотландские солдаты несли охрану короля и королевского дворца. Этот обычай уничтожил «революционный народ» в 1791 году, но его восстановило законное правительство Франции в 1815, и он сохранялся до отречения последнего из Бурбонов в 1830 году.

13 Провен – старинный город в Шампани. Известен он с римского времени, а нижний город основан в IX веке спасавшимися от викингов монахами.

Сегодня Провен невелик – порядка 12 тысяч жителей, но это треть его населения XV века и восьмая часть XIII века. Здесь происходила едва ли не крупнейшая во Франции ежегодная ярмарка. Город прославился выделкой шерсти и красными розами, которые вывезли крестоносцы из Святой Земли. Сюзерен города в то время, младший сын английского короля

Генриха III, Эдмунд (1245–1296) в 1267 году основал новое графство Ланкастерское. Он принял алую розу как герб этого графства.

В конце XIII века Провен испортил отношения с графами Шампанскими, он лишился своих торговых привилегий, а вместе с ними и экономического значения.

До нашего времени в Провене от дней его величия сохранились недостроенная церковь св. Кирьяка с куполом XVII в., «десятичный склад» XII века, в котором выставлены средневековые статуи, построенная на месте римского укрепления в XII веке «Цезарева башня». Провен считается своего рода образцом средневекового купеческого города, объявлен памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО.

14 Князь Николай Алексеевич Орлов (1827–1885) – очень образованный царедворец, военный и дипломат. Участник Венгерской кампании 1848 года, Крымской войны. При осаде Силистрии руководил штурмом форта Араб-Табия. Форт взяли в ночь с 16 на 17 мая 1854 года, а князь Орлов получил девять тяжелых ран, в том числе лишился глаза.

Из-за тяжелых ранений князь около полутора лет провел в Италии, где написал исторический «Очерк 3-недельного похода Наполеона I против Пруссии в 1806 году».

С июля 1859 года князь Орлов на дипломатической службе. Сначала при Бельгийском дворе, потом в Австрии, на короткое время в Британии, а с 14 декабря 1871 года во Франции. Он почти все время жил во Франции, и умер в Фонтенбло в 1885 году.

Интересная деталь: в 1850-е годы Николай Алексеевич был страстно влюблен в Наталью Александровну Пушкину (1836–1913). Но отец категорически запретил ему на ней жениться – считал дочь Пушкина слишком худородной и происходящей из «сомнительного» семейства.

Брак же (с 1858 года) на княжне Екатерине Николаевне Трубецкой (1840–1875) отнюдь не сделал князя Николая счастливым. Супруги часто ссорились и разъезжались на месяцы и годы. Только через 9 лет после свадьбы княгиня начала рожать, и произвела на свет двух сыновей. Алексей Николаевич (1867–1916) стал генералом. Владимир Николаевич (1868–1927), генерал-лейтенант, начальник Военно-походной канцелярии императора Николая II, близкий друг Николая II. В 1918 уехал во Францию. Потомки Владимира Николаевича до сих пор живут в этой стране.

Николай Алексеевич Орлов – образованный, умный и «прогрессивный» аристократ, должен был быть очень симпатичен Жюль Верну. Это просто идеальный советчик как раз в такого рода деликатных вопросах.

15 Орлеанское герцогство занимает в истории Франции такое же место, какое в истории Англии – Уэльс. Это герцогство, монархом которого является родственник короля, и чаще всего – потенциальный наследник престола.

Это старинное владение французских королей с 1344 года было несколько раз пожаловано младшим сыновьям королевского дома. Первым герцогом Орлеанского дома стал Филипп (1336–1375), четвертый сын короля Филиппа VI, не оставивший потомства.

После его смерти Карл VI отдал герцогство своему брату Людовику (1372–1407), родоначальнику Орлеанской ветви дома Валуа. Герцог Людовик, пользовавшийся ... хм... пользовавшийся интимной близостью с королевой Изабеллой, в 1404 году стал правителем государства: ведь его брат Карл VI сошел с ума. Король мирно жил со своей любовницей Одеттой, от которой имел двух дочерей. Одной из них он дал в кормление город Арк, и девушка вошла в историю как «Жанна из Арка», Жанна Д'Арк (что внебрачную дочку короля историки XIX века превратили в трогательную крестьянку – это отдельный вопрос).

А пока Карл VI предавался радостям семейной жизни, Людовик Орлеанский разорил остатки французского государства, проигрывал англичанам сражение за сражением, и в конце концов был убит восставшими парижанами в 1407 году.

От своего брака с дочерью миланского герцога Валентиной Висконти Людовик имел 5 сыновей и 3 дочери. Младшие сыновья пытались овладеть престолом Миланского герцогства,

начав серию Итальянских войн. Старший сын, Карл, герцог Ангулемский (1391–1465) стал третьим герцогом Орлеанским.

После него герцогством Орлеанского дома владели, до восшествия на престол, Генрих II, Карл IX и Генрих III. Закреплялась традиция: орлеанский герцог – титул наследника престола.

В 1626 году Людовик XIII отдал в герцогство Орлеанское и графство Блуа своему брату Гастону (1608–1660). Этот отчаянный вояка и не особо удачливый интриган много раз перебежал из армии Фронды к королю и кардиналу Ришелье, и назад. Когда король и новый кардинал Мазарини одержали верх над герцогом Конде, он был изгнан и умер.

После его смерти Людовик XIV отдал герцогство Орлеанское своему брату Филиппу (1640–1701), родоначальнику существующей до сих пор Бурбон-Орлеанской линии.

Сын Филиппа Орлеанского от второго брака с Елизаветой Пфальцской, Филипп, герцог Шартрский (1674–1723), в качестве герцога Орлеанского известен как Филипп II, а в истории Франции – как регент. Мужественный, красивый, невероятно развратный, он добивался и испанской короны, но ее не получил. После смерти «короля-солнца» Людовика XIV в 1715 он, за малолетством короля Людовика XV, сделался регентом Франции.

От брака Филиппа II с Франсуазой Марией (1677–1749) Мадмуазель де Блуа, побочной дочерью Людовика XIV от госпожи Монтеспан, родился Людовик I, новый герцог Орлеанский (1703–1752). Он прославился странным для аристократа занятием – изучал историю и естественные науки.

Ему наследовал сын Луи-Филипп (1725–1785), который намного больше, чем войнами и управлением государством, интересовался театром и медициной. Луи-Филипп прославился тем, что первым во Франции сделал своим детям прививку от оспы.

Его сын Луи-Филипп-Жозеф (1747–1793), известен под именем Филиппа-Эгалите. Эгалите – «равенство» по-французски.

Первый принц крови после смерти отца, Филипп-Эгалите отличался крайне либеральными взглядами. С 1771 году он состоял Великим Магистром масонской ложи «Великий восток Франции». В 1789 году он примкнул к революционерам, в 1792 отказался от титула и наследственных прав, после чего велел именовать себя «гражданин Эгалите» и избрался в Конвент. В Конвенте «гражданин Эгалите» голосовал за казнь своего родственника, одного из добрейших королей Франции, Людовика XVI и его жены.

Его сын Луи-Филипп оказался дальновиднее: в 1793 году участвовал в заговоре Шарля Франсуа Дюмуре (1739–1823). Вообще-то Дюмуре был редкостным авантюристом, много раз перебежавшим из лагеря в лагерь. Был он и человеком чрезвычайно отважным. Во время Семилетней войны, 16 октября 1760 года в бою у прусского города Клостеркампа Дюмуре один бился против нескольких гусар герцога Брауншвейгского, получил 22 раны. Пистолетная пуля застряла в книге, которую Дюмуре носил на груди; левая рука сломана, ее пришлось оперировать. Дюмуре был взят в плен, и лишь в 1761 году получил свободу.

За свои подвиги Дюмуре получил крест святого Людовика и пенсию в 600 ливров. Во время «революционных войн» Дюмуре стал главнокомандующим республиканской армии. Возможно, теперь он разочаровался в революции и ее безумных идеях, но может быть, в очередной раз решил вполне безыдейно рискнуть. Дюмуре активно общался с австрийцами, собиравшимся повести свою армию против Парижа, свергнуть Конвент и восстановить конституционную монархию. Имперский главнокомандующий, герцог Кобургский, конечно же, его поддерживал, но ничем не помог. Армия близ французской границы, у города Конде, отказалась подчиняться Дюмуре, не приняла его прокламацию о восстановлении королевской власти. В апреле 1793 года Дюмуре был вынужден бежать к австрийцам, а Луи-Филипп – в Швейцарию, Дюмуре долго скитался по Европе, в 1800 году предлагал свои услуги Императору Павлу I в России. С 1804 года и до смерти жил в Англии, где правительство назначило ему пенсию в 25 тысяч франков. Но уже никакой роли в политике он никогда не играл.

Филиппа-Эгалите за «измену» сына казнили. Замечу – отца убили вместо сына. До такого даже древние галлы вряд ли додумались бы. Умер Эгалите героически: перед казнью потребовал две бутылки шампанского, а когда знаменитый палач Самсон собирался снять с него сапоги, Филипп произнес: «Оставьте; они лучше снимутся после, а теперь поспешим». Роялисты его ненавидели и презирали, но теперь пустили слоган: «Жил как собака, а умер, как подобает потомку Генриха IV».

Сын Филиппа Эгалите Луи-Филипп I (1773–1850) долго скитался, а с 1800 года жил в Британии на пенсию в 60 000 франков. Он не принимал никакого участия в интригах роялистов эмигрантского «Гентского двора», против революционного правительства. Но выразил протест против казни герцога Энгиенского, Сам по себе Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский (1772–1804) не играл в истории совершенно никакой роли. Единственный сын последнего принца Конде, принц крови мирно жил в Бадене, в эмиграции, на пенсию англичан, не принимал участия решительно ни в чем.

В марте 1804 года темный и подлый негодяй, интриган Талейран рассказал Наполеону, что герцог Энгиенский связан с заговором Кадудалья-Пишегрю, и что именно он был тем принцем, который сопровождал «изменника» Дюморье, делал тайные визиты во Францию. На самом деле спутником и наперстником Дюморье был как раз Луи-Филипп.

Наполеон отдал приказ похитить герцога, а план этой гадости разработал все тот же Талейран. Герцог Энгиенский в это время жил в городке Эттенгейме, где у него была возлюбленная. Агент Наполеона Шульмейстер похитил молодую женщину, и увез ее на территорию Франции, в приграничный город Бельфор. Герцог получил подделанное шпионом письмо, якобы от своей любимой, в котором она умоляла спасти ее из плена. Герцог надеялся подкупить стражников и освободить свою даму. Шульмейстер захватил герцога Энгиенского 15 марта 1804 года – сразу, как он пересек французскую границу.

Несчастливого привезли в Париж, судили военным судом и в ночь на 21 марта 1804 года расстреляли во рву Венсенского замка. Пьяные палачи заставили герцога держать в руках фонарь, чтобы им удобнее было целиться. Да! Возлюбленную герцога сразу же выпустили на свободу. Она даже не подозревала, какую роль сыграла в убийстве своего любимого.

Луи-Филипп протестовал против казни ни в чем не повинного родственника, рассказывал, кто сопровождал Дюморье, а позже подписал «декларацию покорности» законному наследнику престола. Конечно, остальные члены королевского клана ему все равно не доверяли.

Реставрация 1814 года возвела на трон Людовика XVIII (1755–1824), – это последний реально царствовавший король Франции с таким именем. Он вступил на престол в 1814, ровно через 1000 лет после франкского императора Людовика I Благочестивого, с которого вели нумерацию все Людовики.

Людовик XVIII вернул племяннику все его владения, но к реальной власти не допускал. Людовику наследовал брат Карл X (1757–1836). О Карле говорили, что он «большой монархист чем сам король», Крайне непопулярный, он был свергнут революцией 1830 года, и на престол возшел Луи-Филипп I.

О его правлении до революции 1848 года есть много разных оценок. В любом случае это был человек вполне «прогрессивных» взглядов, просвещенный и гуманный. Сам Луи-Филипп вполне соответствовал идеалу короля буржуазии: он был прекрасный семьянин, образцово устраивал свои личные и в особенности имущественные дела; на войне он вел себя отважно, но войны не любил.

Правление Луи-Филиппа сопровождалось стремительным научно-техническим и социальным прогрессом. В эти годы во Франции произошла промышленная революция, ручной труд все больше заменялся техническим, были проведены четыре крупные железнодорожные линии, завершено строительство судоходного канала Рона – Рейн, объединившего север и

юг Франции, отменены телесные наказания в учебных заведениях, заложены основы народного образования (каждая община должна была предоставлять здание для школы и жалование учителю). Значительно ускорилось производство резины, каменного угля, листового железа, чугуна, возросло количество сельскохозяйственной продукции, началось использование паровых машин. В 1847 году вся промышленная продукция Франции оценивалась в 4 миллиарда франков.

Не удивительно, что представитель древнего рода, убежденный сторонник науки и прогресса, Жюль Верн был сторонником именно этой линии Бурбонов: самой просвещенной и культурной. К тому же чрезвычайно «прогрессивной» по убеждениям.

Но главное, конечно, не это, а необходимость бороться за демократию – отсюда и до забора...или отсюда до обеда...Главное – это бороться! Вот Луи-Филиппа и свергли, чтобы ввести во Франции новую, Вторую республику 1848–1852 годов. Темпы промышленного и культурного развития Франции сразу же сильно замедлились.

Луи-Филипп имел 8 детей. Старший сын Фердинанд (1810–1842), после восшествия отца на престол стал герцогом Орлеанским... Наследный принц, он получил хорошее образование; участвовал в 1835–1840 годах в боевых действиях в Алжире. Погиб он неожиданно для всех, трагически: когда лошади его кареты понесли, пытался выпрыгнуть из экипажа. Внезапная смерть популярного в народе принца стала сильным ударом для Орлеанской династии.

От брака с Еленой, принцессой Мекленбургской, Фердинанд имел двух сыновей: Луи-Филиппа (1838–1894), графа Парижского, претендента на Французский престол и Роберта (1840–1910), герцога Шартрского. После смерти графа Парижского главой Орлеанского дома считался его сын Луи-Филипп-Робер, герцог Орлеанский (1869–1926), в 1896 году женившийся на эрцгерцогине австрийской Марии-Доротее. Он умер бездетным и титул главы Орлеанского дома перешел к мужу его сестры Изабеллы – их двоюродному брату Жану (1874–1940), сыну Роберта, герцога Шартрского.

Сегодня главой дома является их правнук – претендент на французский престол принц Жан Орлеанский (родился 1965).

Орлеанскому дому после Луи-Филиппа не судьба была больше сидеть на престоле, но всю жизнь Жюль Верн оставался сторонником этого дома. Он был свидетелем того, как «Республику богатых» 1848–1852 быстро подмял под себя племянник Наполеона I, принц Луи Наполеон Бонапарт. Крайне авторитарный, 2 декабря 1851 года он присвоил себе исключительные полномочия, а ровно через год, 2 декабря 1852 года, провозгласил себя императором под именем Наполеона III.

Вторая империя вызывала у интеллигентных французов такое же отвращение, как и республика крупных буржуев, по совместительству – мелких политических жуликов.

Не будем лишним раз о Парижской коммуне, на краткий миг всплывшей зловонной поганкой. Но ведь и после нее воцарилась политическая система, позже названная «республикой спекулянтов». Она же – Третья республика 1870–1940 годов.

Их всех политических режимов, которые мог наблюдать Жюль Верн, и о которых мог судить по личному опыту, Орлеанская династия оставалась самой легитимной и самой личной. Он был сторонником того прогресса и культа науки, который провозглашала эта династия. Возможно, это была одна из причин прохладности к нему правительства Третьей республики. Не «свой»!

16 Эрцгерцог Иоганн Сальватор (1852–1890, или намного позже) потомок одной из ветвей Габсбургской династии, был младшим сыном великого герцога Леопольда II Тосканского и Марии-Антонии, принцессы Обеих Сицилий.

Судя по всему, судьба этого человека сама по себе – приговор аристократии, пытавшейся в XIX и начале XX века жить так, словно XVII века не закончился, Средневековье продолжается. Родители могли бредить чем угодно, но родился Иоганн Сальватор итальянцем.

Музыкально одаренный, он еще юношей написал либретто к опере «Ассасины» и вальс. Позволить сыну стать композитором?! Нет, как можно!!! Потомок Габсбургов должен блистать в свете, занимать важные должности, играть роль в политике. Настоящее имя композитора умалчивалось, Иоганн Штраус представил публике вальс, как сочинение «Иоганна Траунварта».

В 1878 году Иоганн Сальватор участвовал в Боснийском походе, в 1879 сделался дивизионным командиром. Вот это дело! Нечто достойное для Габсбурга. Только вот славян Иоганн уважал и говорил с ними так, что болгары решили избрать его своим царем. Отношение к солдатам в Австро-Венгерской армии он выразил в брошюре «Дрессировка или воспитание», вышедшее четырьмя изданиями в 1879–1884 годах. Ах! Такой неприличный...

Лишенный командования дивизией, Иоганн вышел в отставку. Он не стал шаркать по паркету при дворе и пытаться наладить отношения с императором Францем-Иосифом. Он изучил мореходное дело, выдержал экзамен на шкипера дальнего плавания и начал вести себя еще более независимо.

Иоганн Сальватор был другом и единомышленником кронпринца Рудольфа: оба молодых Габсбурга весьма критически относились к Австрийскому государственному строю... Рудольф был единственным сыном австрийского императора Франца-Иосифа и его царственной супруги Елизаветы. Наследник трона Австро-Венгерской империи, Рудольф полагал необходимым реформировать Империю, создав примерно то, что сейчас назвали бы Содружеством.

До сих пор доподлинно неизвестно, что произошло в охотничьем домике Майерлинг, в 25 км к юго-западу от Вены, в Венском лесу. Известно, что утром 30 января 1889 года были обнаружены трупы 30-летнего эрцгерцога и его 17-летней любовницы, баронессы Марии Вечера. Официально причиной смерти кронпринца объявлялась его «болезненная неуравновешенность». Есть версии безумия принца, его тяжелой депрессии; есть версия опасных садомазохистских игр; есть версия убийства, а о том, кто убивал – тоже существует несколько версий. О «трагедии в Майерлинге» написаны целые библиотеки, снято не менее 15 фильмов.

Главное – и после этого Австро-Венгерская империя никак не изменилась. Хромая, она добрела до своего естественного и кровавого развала в 1918 году. А Иоганн Сальватор в октябре 1889 года отказался от титула, родовых прав и эрцгерцогского удела, принял фамилию Орт по одному из замков его матери. 26 марта 1890 года он вместе с женой, оперной певицей Милли Штубель, на парусном судне «Санта-Маргерита» отплыл из Гамбурга в Южную Америку.

Официальная версия гласит, что судно утонуло при крушении у берегов Огненной Земли в 1890 году. Но вместе с тем только в 1911 году Сальватор и его жена были официально объявлены погибшими.

Дата 1890 год как время гибели Орта заведомо не соответствует действительности – по крайней мере до Первой мировой войны на острове Огненная Земля жил человек, фотографически похожий на Иоганна Сальватора. На русском языке о нем нет серьезных исследований. Но есть хорошая книга французского моряка Жана Делаборда-младшего и австралийского историка Хельмута Лоофса-Виссова. Позволю себе ее обширно процитировать: «Тогда, в 1890 году, Пунта-Аренас, столица и единственный порт самой южной чилийской провинции с населением около 3000 человек, был лишь скоплением бараков с несколькими протянувшимися в различных направлениях ветхими заборами, пытавшимися обозначить границы подобия улиц. Из жителей только немногие могли дать о себе точные сведения и представить доказательства определенной национальности и честной профессии. Каждый жил своей жизнью, как хотел и как мог.

К этим золотоискателям, случайным пастухам и беглым морякам прибавился еще один – Иоганн Орт; но это был авантюрист, у которого в жизни осталось только две цели: одна – это полный разрыв с прошлым, забвение своего титула и ранга императорского и королевского

высочества, интриг и драм венского двора, и другая – исследование крайнего юга, суровая красота которого сразу захватила его. Все же трудно себе представить большой контраст между прежним образом жизни и средой эрцгерцога и выбранным им существованием на исхлестанном штормами побережье Огненной Земли. Здесь, у пролива Бигль, по которому проплывал в свое время Дарвин, и поселился Иоганн Орт... Позднее он отправляется на северо-запад и в течение ряда лет под непрерывными ливнями блуждает по лабиринту Патагонско-Огнземельского архипелага, посещает самые отдаленные, безлюдные островки, где только на некоторых живут одинокие рыбаки-индейцы. Он проникает в самые глубокие, врезающиеся в Анды фиорды и наконец достигает самих Анд и восхищается их блеском.

У подножия гранитных обледеленных башен Фицроя, которые отражаются в громадных озерах Анд Патагонии, строит примитивное ранчо и называет его Каньядон-Ларго. Принц живет здесь в полном уединении, возле него только лошади и коровы; спит на шкурах, для освещения пользуется светильником из жира. Охотится и изучает мир животных и растений, особенно интересуется ранее почти совершенно неисследованной топографией этой части Анд; бродит в горах по всем направлениям, чтобы отыскать проход на запад, так как не может поверить, чтобы в гигантской стене перед Тихим океаном не было бы где-нибудь прохода... В своей дымной хижине среди шкур гуанако и вонючих светильников Иоганн Орт сохраняет живой ум, неудовлетворенную жажду знаний, манеры, чистоплотность и почти элегантность Иоганна Сальватора фон Габсбурга. Когда один французский путешественник случайно наткнулся на его хижину, то был поражен светской вежливостью ранчеро; они беседовали сначала по-испански, затем на языке гостя, на котором хозяин говорил так же бегло и уверенно, как на испанском или на немецком.

Осыпанный почестями, принц к ним больше не стремился; привыкший к роскоши, он не искал даже комфорта. Он был пресыщен светской жизнью и на краю земли обрел покой. С миром в душе в этом избранном им самим уединении, у подножия гигантского Фицроя, эрцгерцог Иоганн Сальватор фон Габсбург умер в 1910 году. Проход через Анды к Тихому океану, который он надеялся найти, открыть ему не удалось, так как его не существует. Но Иоганн Орт обрел то, чего не знал Иоганн Сальватор фон Габсбург: душевный покой, а это, если вообще выпадает на долю человека, – счастье»¹⁸.

Собственно, примерно ту же историю излагают и многие другие исследователи.

Jean Delaborde, Helmut Loofs-Wissowa. Am Rande der Welt: Patagonien und Feuerland. – 1978.

Peter Wiesflecker. Orth, Johann. In: Neue Deutsche Biographie (NDB). – Band 19, Duncker & Humblot, Berlin, 1999.

Friedrich Weissensteiner. Johann Orth, Ein Aussteiger aus dem Kaiserhaus. Das eskapadenreiche Leben des Erzherzogs Johann Salvator. —?sterreichischer Bundesverlag, Wien, 1985.

Constantin von Wurzbach. Habsburg, Johann Nepomuk. In: Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Band 6. – Verlag L. C. Zamarski, Wien 1860.

К сказанному добавлю два обстоятельства: совершенно не факт, что Иоганн Сальватор скончался в 1910 году. Загадочного обитателя Огненной Земли встречали и в 1914 году, есть сведения и о более поздних встречах. Вполне вероятно, он просто изменил место жительства, построив себе хижину в другом месте. А то стал очень уж известен вдруг найдут? Австрийский двор, сборище призраков прошлого, просто не знал что с ним делать... Двор объявил умершим бывшего принца, не очень вникая – жив ли он.

Очень понятен соблазн Жюль Верна ввести в художественное произведение Орта или человека, который выдавал себя за него. Слишком известная личность.

¹⁸ Делаборд Ж., Лоофс Х. На краю земли. – М.: Мысль, 1969.

17 Штрипка, от немецкого *Strippe* – «петля» – узкая полоска ткани или тесьмы для сохранения натянутой формы брючины. Штрипку, прикрепленную к нижнему краю брюк с двух сторон, продевают под каблук обуви или внутрь ее под пятку.

Штрипки были очень неудобны, часто расстегивались, создавая «неприличные» ситуации. Скрыть штрипки на брюках покроя того времени было невозможно. Но с другой стороны, носить их считалось «приличным»: отсутствие штрипок на брюках мужчины говорило о его бедности или небрежности. В 1880-е годы манжеты вытеснили штрипки.

Огниво – приспособление для получения огня, которое приходилось широко использовать до появления спичек, то есть до конца XVIII – начала XIX веков. Удар кремня по железному кресалу высекал искры, которые воспламеняли трут – сухие стружки, содержимое гриба-трутовика, ветошку.

В дождливую погоду зажечь огонь было сущим мучением.

18 Фосфорные спички изобретены в 1830 году французским химиком-самоучкой Шарлем Сория (1812–1895). Головка их состояла из смеси бертолетовой соли, белого фосфора и клея. Фосфорные спички были крайне огнеопасны, поскольку загорались даже от взаимного трения в коробке и при трении о любую твердую поверхность, – например, о подошву сапога. Часто их так и зажигали.

Фосфорные спички очень ядовиты, их производство погубило немало рабочих. Белым фосфором как ядом пользовались многие самоубийцы. Горела головка очень недолго.

Тем не менее запретили фосфорные спички только в 1910 году, – их вытеснили «шведские» а потом сесквисульфидные спички. Шарль Сория не смог запатентовать изобретение, потому что у него не было 1500 франков, необходимых на патент. Он умер в полной нищете.

Но в сравнении с огнивом фосфорные спички были громадным шагом вперед.

Пристегивающиеся воротнички придумала в 1827 году в Нью-Йорке домохозяйка Ханна Монтегю. Она устала приводить в порядок сорочки мужа. Умная женщина отпорол воротник от рубашки, постирала и пришила обратно. Муж пришел в восторг, и скоро изобретение подхватили все соседки. Сама Ханна Монтегю не получила за свое изобретение ни цента, но в 1897 двадцать пять фирм произвели 106 миллионов съёмных воротников.

19 В 1850-е годы появились известные до нашего времени фасоны пальто: честерфилд и реглан, военные пальто – шинели. В 1870-е появились пальто типа ольстер, а к 1890-м годам – коверкот.

Складывающийся цилиндр, или шапокляк, изобрел французский шляпник Антуан Жибюс в середине 1820-х годов и в 1834 взял патент на «шляпу складного типа в вертикальном направлении». Расположенный внутри цилиндра механизм позволял складывать шапокляк в вертикальном направлении. Чтобы сложить его, достаточно было ударить ладонью по ее верху. В помещении шапокляк держали сложенным и носили под мышкой. Шапокляк можно было не сдавать в гардероб или класть на пол.

Уже к середине 1840-х годов шапокляк стал очень характерной приметой модников.

После Первой мировой войны практически вышел из употребления. «Старуха Шапокляк» у молодежи уже не ассоциируется с цилиндром.

Ботинки на каблучке и со шнуровкой появились в 1840-е – 1850-е годы. Удобные и практичные кожаные ботинки быстро занимают место шелковых туфель.

Метрическая система как всеобщая и международная принята в 1875 году представителями семнадцати государств. Становится всеобщей с подписанием Метрической конвенции, с созданием Международного комитета мер и весов и Международного бюро мер и весов.

20 Джордж Стефенсон (1781–1848) – английский изобретатель, «отец железных дорог», который изобрел паровоз, и кроме того предложил употреблять железные рельсы вместо чугунных, скрепленные деревянными шпалами.

Томас Альва Эдисон (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель, получивший около 3 тысяч патентов. Изобрел фонограф, совершенствовал телеграф, телефон, киноаппаратуру, разработал один из первых коммерчески успешных вариантов электрической лампы накаливания. Именно он предложил использовать в начале телефонного разговора слово «алло».

Жюль Верн в 1830-е годы жил в мире, где последним словом техники были железные дороги, а к концу его жизни последним словом научно-технического прогресса стали изобретения Эдисона.

21 Машина для выпечки тартинок хорошо известна читателю: это электрическая вафельница.

Под «кочующими гостиницами», вероятно, подразумеваются пульмановские вагоны: роскошные вагоны с салонами, ресторанами и купе на 2–4 пассажиров. Очень недемократичные по цене, пульмановские вагоны, порой называемые «гостиницами на колесах», пересекали весь Американский континент от Атлантического до Тихого океанов за 4–5 дней.

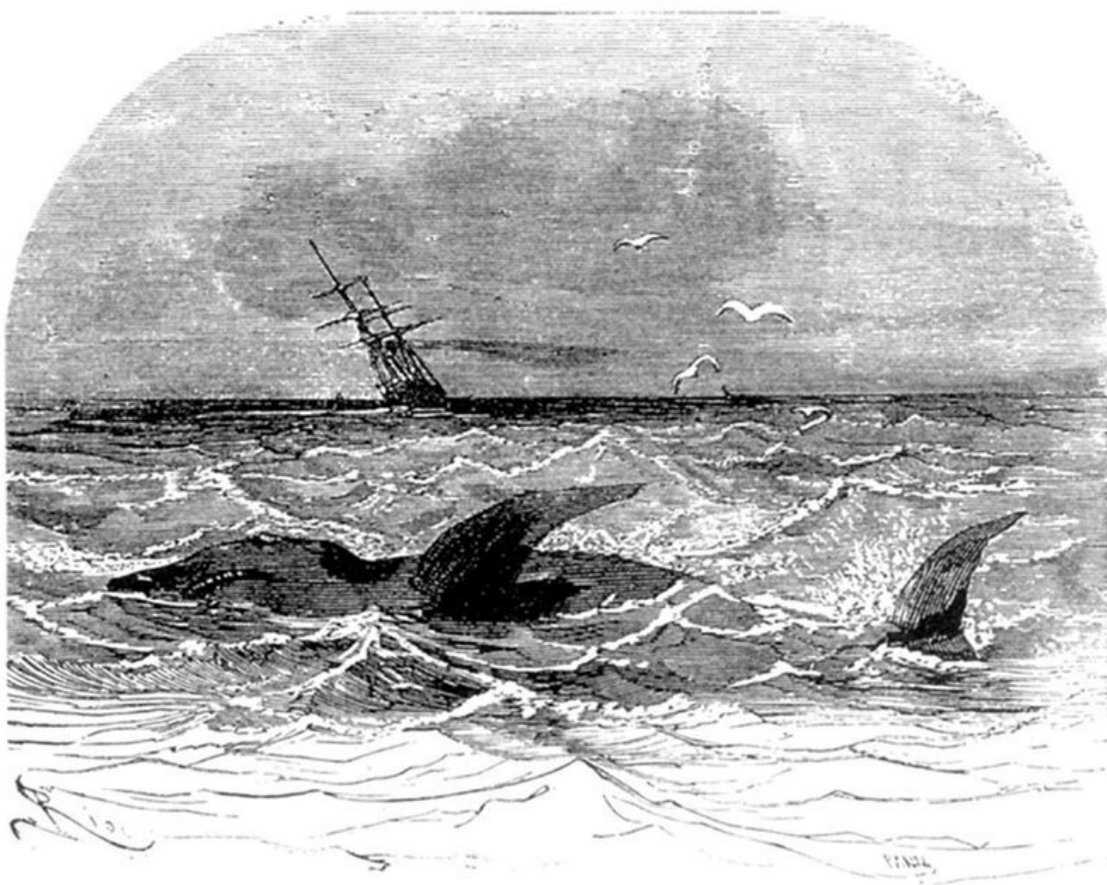
Первоначально спальные вагоны 1850-х годов были разделены на отдельные купе, которые не сообщались друг с другом во время движения. Пульмановский вагон был первым спальным вагоном, у которого было единое внутреннее пространство.

Идея движущихся тротуаров обсуждалась в США в 1880-е годы, но, естественно, никогда широко не применялась. Выпуск «съедобных» газет из слоеного теста предпринимался иногда под Рождество – но конечно, это была не более чем дорогостоящая шутка, не имевшая ни малейшего промышленного значения. Хотя, конечно, «самодвижущиеся» тротуары и съедобные газеты производили сильное впечатление и вызывали ощущение каких-то неведомых громадных возможностей.

Жюль Верн Дети капитана Гранта

Часть первая

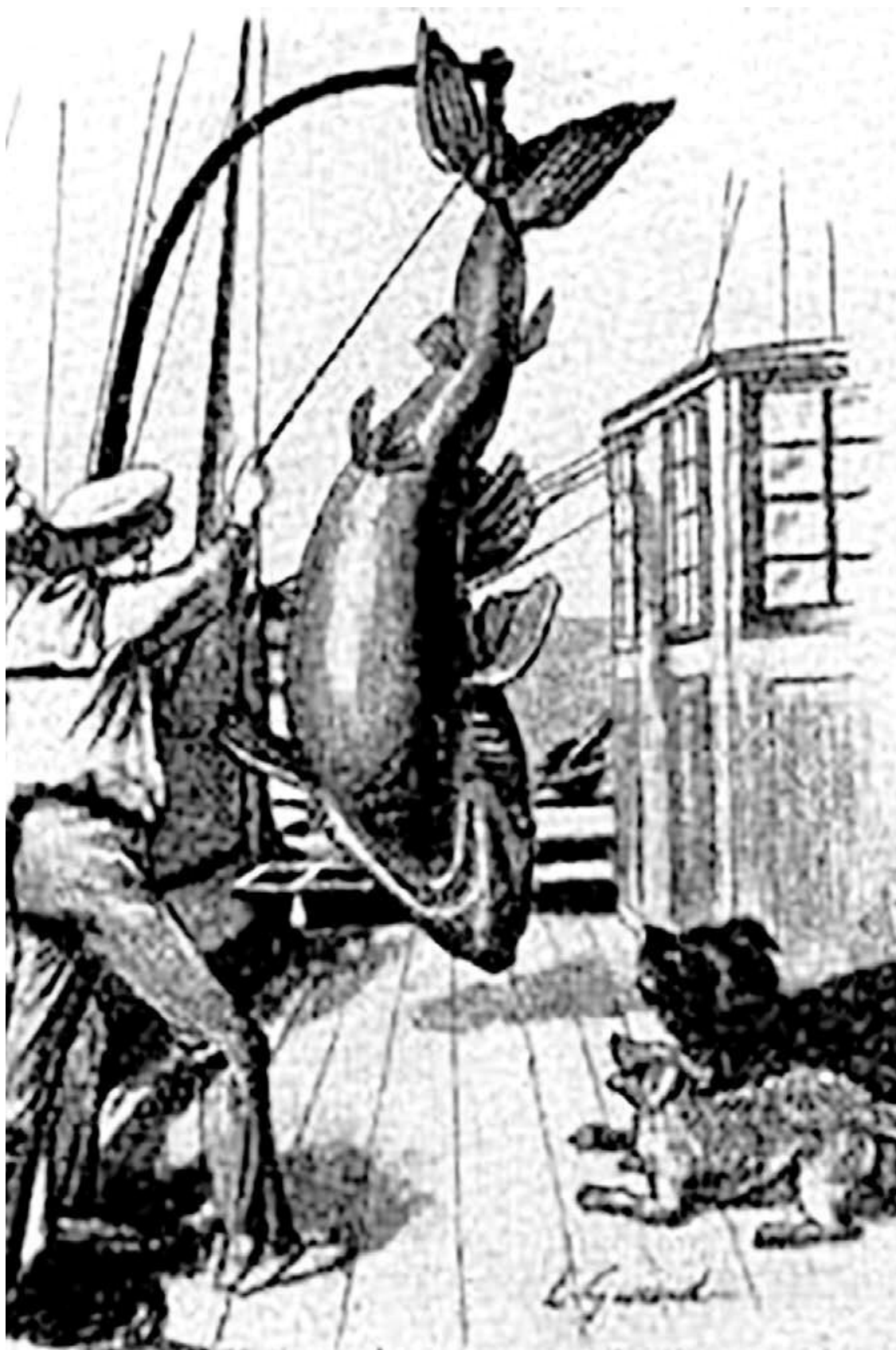
Глава I Рыба-молот

*Акула в море... Она не слишком похожа на акул...
Очень условное изображение¹⁹.*

26 июля 1864 года по волнам Северного канала¹ шла на всех парах² при сильном норд-осте великолепная яхта. На ее фокмач те³ развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты виднелись шитые золотом буквы «Э.» и «Г.». Яхта эта носила название «Дункан» и принадлежала лорду Эдуарду Гленарвану, виднейшему члену известного во всем Соединенном Королевстве Темзинского яхт-клуба.

¹⁹ Здесь и дальше использованы рисунки французского художника Эдуарда Риу (Edouard Riou). Эти иллюстрации интересны вдвойне: показывают, как французы, современники Жюль Верна, видели и самих себя, и мир в котором они живут.

В это же время английский художник очень реалистично изображал акул. Но этот художник участвовал в морской экспедиции на корабле «Челленджер» (1872–1876). Он изображал то, что видел своими глазами. А Эдуард Рио не имел дела с акулами.

На борту «Дункана» находились Гленарван со своей молодой женой леди Элен и его двоюродный брат майор Мак-Наббс.

Недавно в открытом море, в нескольких милях от залива Ферт-оф-Клайд, было произведено испытание этой яхты, и теперь она шла обратно в Глазго.

На горизонте уже вырисовывался остров Арран, когда стоявший на вахте матрос доложил о том, что за кормой «Дункана» плывет какая-то огромная рыба. Капитан Джон Манглс немедленно приказал сообщить об этом лорду Гленарвану, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют.

– Скажите, что это за рыба, по-вашему? – спросил он капитана.

– Я думаю, милорд, что это крупная акула, – ответил Джон Манглс.

– Акула – в здешних водах! – воскликнул лорд Гленарван.

– В этом нет никакого сомнения, – продолжал капитан, – такие акулы встречаются во всех морях и под всеми широтами⁴. Это рыба-молот. Или я сильно ошибаюсь, или мы имеем дело с одной из этих мерзких тварей. Если вы, милорд, согласны и леди Гленарван доставит удовольствие присутствовать при такой любопытной ловле, то мы можем скоро узнать в точности, что это за рыба.

– А вы какого мнения, Мак-Наббс? – обратился Гленарван к майору. – Стоит нам поохотиться?

– Я заранее присоединяюсь к вашему мнению, – невозмутимо ответил майор.

– Вообще следует уничтожать как можно больше этих хищных тварей, – заметил Джон Мангле. – Воспользуемся же случаем, и мы увидим необычайное зрелище и заодно сделаем полезное дело.

– Тогда начнем, Джон, – сказал лорд Гленарван.

Он велел предупредить жену, и леди Элен, очень заинтересованная предстоящей захватывающей охотой, поспешила на ют к мужу.

Море было спокойно, и с капитанского мостика нетрудно было следить за всеми движениями акулы: она то ныряла, то с удивительной силой выскакивала на поверхность воды.

Акула в море... Она не слишком похожа на акул... Очень условное изображение.

Джон Мангле отдал необходимые приказания. Матросы сбросили с правого борта яхты крепкий канат с крюком, на который была насажена приманка – большой кусок свиного сала. Прожорливая акула, хотя она и находилась ярдах²⁰ в пятидесяти от «Дункана», почуяла приманку и стала быстро догонять яхту. Видно было, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, с силой рассекали волны, а хвост помогал ей удерживать безукоризненно прямое направление⁵. По мере того как акула приближалась к яхте, все отчетливее выступали ее большие, горящие алчностью глаза навывкате; когда же она переворачивалась, из разинутой пасти выглядывало четыре ряда зубов. Голова у нее была широкая и напоминала двойной молот, насаженный на рукоятку. Джон Манглс не ошибся – это действительно была самая прожорливая из акул: рыба-молот.

И пассажиры и команда «Дункана» с напряженным вниманием следили за акулой. Вот она уже оказалась совсем близко от крюка, вот перевернулась на спину, чтобы поудобнее схватить его⁶. Миг – и огромная приманка исчезла в ее объемистой пасти. Еще миг – и акула, сильно дернув за канат, сама насадила себя на крюк. Тут матросы, не теряя времени, принялись подтягивать добычу при помощи блоков, прикрепленных к грот-рею.

Акула, чувствуя, что ее вырывают из родной стихии, отчаянно забилась, но с ней быстро справились, накинув на хвост мертвую петлю и тем парализовав ее движения. Еще несколько мгновений – и акула была поднята над бортовыми сетками и сброшена на палубу. Тотчас же

²⁰ В английском ярде – 91 см

один из матросов осторожно при близился к акуле и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.

Охота закончилась. Больше нечего было бояться чудовища. Чувство мести моряков было удовлетворено, но не их любопытство. Надо сказать, что на всех судах принято тщательно осматривать желудок акул. Матросы, зная, до какой степени эта прожорливая рыба неразборчива, обыкновенно ждут от подобного осмотра какого-нибудь сюрприза, и ожидания их не всегда бывают напрасны.

Леди Гленарван не пожелала присутствовать при этой отвратительной операции и перешла в рубку. Акула еще дышала. Она была десяти футов²¹ длины и весила больше шестисот фунтов²². Это обычные размеры и вес для этой породы. Но рыба-молот, пусть не самая крупная из акул, считается одной из наиболее опасных.

Вскоре огромную рыбу без дальнейших церемоний вскрыли ударами топора. Крюк проник в самый желудок, оказавшийся совершенно пустым. Очевидно, акула давно постилась. Разочарованные моряки уже собирались было выбросить акулу в море⁷, как вдруг внимание помощника капитана привлек какой-то грубый предмет, основательно засевший в ее внутренностях.

– Э! Что это такое? – крикнул он.

– Да, верно, кусок скалы, акула его проглотила, чтобы нагрузиться балластом⁸, – ответил один из матросов.

– Рассказывай! – отозвался другой. – Это просто-напросто ядро: оно попало в желудок этой твари и еще не успело там перевариться.

– Помалкивайте, вы! – вмешался в разговор помощник капитана Том Остин. – Не видите разве, что эта тварь была горькой пьяницей и, чтобы ничего не потерять, не только вы лакала все вино, но проглотила еще и бутылку?

– Как! – воскликнул лорд Гленарван. – Бутылка – в брюхе акулы?

– Настоящая бутылка, – подтвердил помощник капитана, – но, как видно, из погреба она вышла давненько.

– Ну тогда, Том, выньте ее, да поосторожнее, – сказал лорд Эдуард, – ведь в бутылках, найденных в море, нередко бывают важные документы. – Вы думаете? – проговорил майор Мак-Наббс.

– По крайней мере, это возможно.

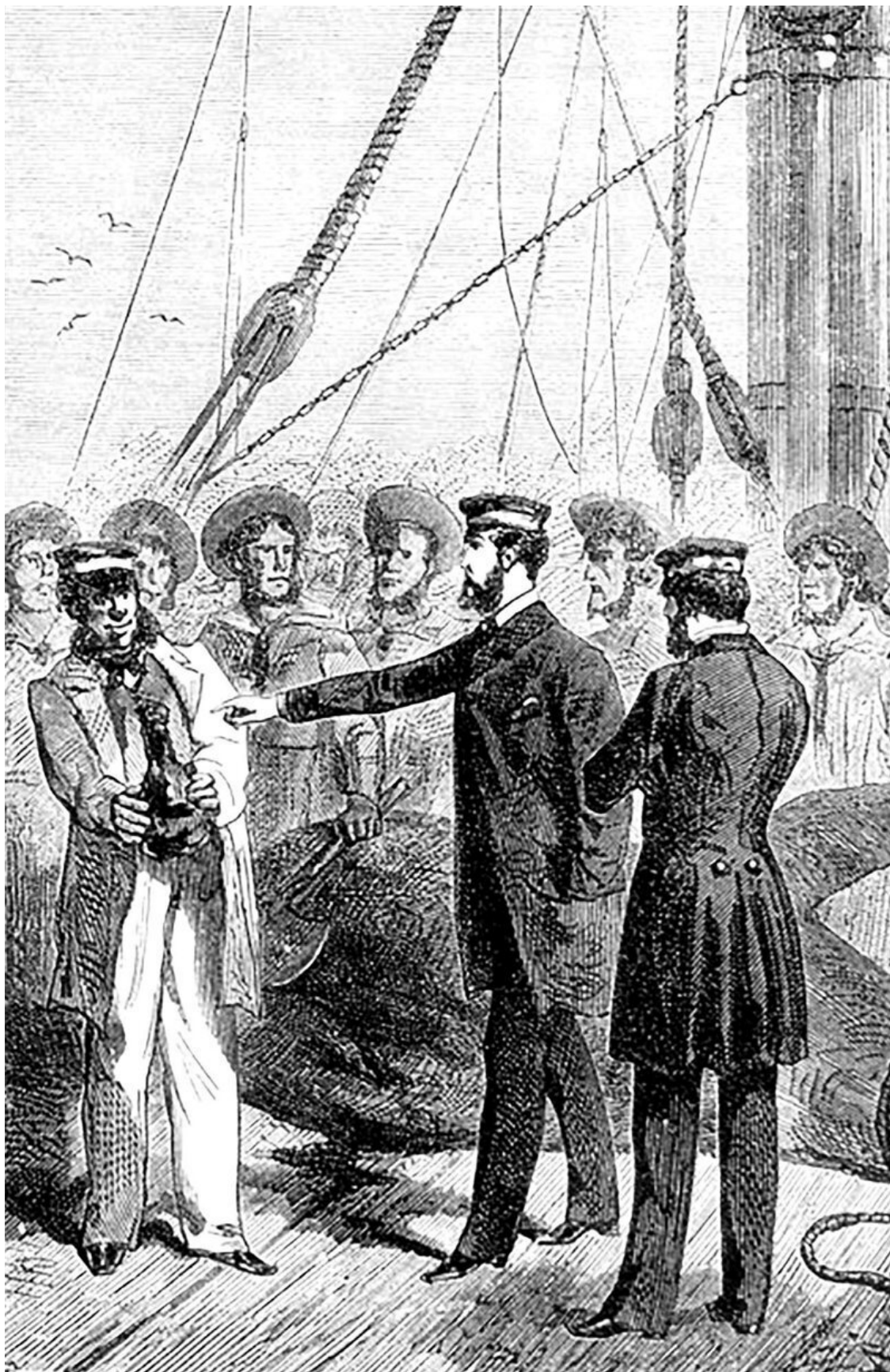
– О, я не спорю с вами, – отозвался майор. – Быть может, в этой бутылке и кроется какая-нибудь тайна.

– Сейчас мы это узнаем, – промолвил Гленарван. – Велите отмыть бутылку от этой мерзости и принести ее в рубку.

Том выполнил приказание, и бутылка, найденная при таких странных обстоятельствах, вскоре стояла на столе в кают-компании. Вокруг стола разместились лорд Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Манглс и леди Элен – недаром говорят, что все женщины любопытны.

²¹ Фут равен 12 дюймов = 30,48 см.

²² Фут составляет 408 граммов

Велите отмыть бутылку от этой мерзости и принести ее в рубку.

В море любая мелочь становится событием. С минуты все молчали. Каждый смотрел на хрупкий сосуд, стараясь угадать, что он в себе содержит: тайну ли какого-нибудь кораблекрушения или просто записку, вверенную волнам праздным мореплавателем.

Но пора было узнать, в чем дело, и лорд Гленарван начал осматривать бутылку, приняв все необходимые в таких случаях меры предосторожности. В эту минуту он напоминал коронера⁹, разбирающего важное преступление. И он, конечно, был прав, относясь к делу так внимательно, ибо часто то, что кажется пустяком, может открыть очень многое.

Прежде чем вскрыть бутылку, Гленарван осмотрел ее снаружи. У нее было удлиненное крепкое горлышко, на котором еще уцелел обрывок проржавленной проволоки. Стенки ее были так плотны, что могли выдержать давление в несколько атмосфер. Это говорило о том, что бутылка из Шампани. Такими именно бутылками виноградари Эпернэ и Аи перешибают спинки стульев, причем на стекле не остается даже самой маленькой трещины. Не удивительно, что и эта бутылка смогла вынести испытания дальних странствований.

– Бутылка фирмы Клико¹⁰, – объявил майор.

И так как Мак-Наббс считался знатоком в этом вопросе, никто не усомнился в его правоте.

– Дорогой майор, – обратилась к нему леди Элен, – не все ли равно, какая это бутылка, если мы не узнаем, откуда она взялась.

– Это мы узнаем, дорогая Элен, – сказал лорд Гленарван. – Да и теперь уже можно сказать, что она приплыла издалека. Обратите внимание на каменный нарост, который ее покрывает. Это минеральные отложения морской воды. Бутылка долго носилась по волнам океана, прежде чем очутилась в брюхе акулы.

– Нельзя не согласиться с вами, – отозвался майор. – Конечно, этот хрупкий сосуд в своей каменной оболочке мог проделать длинное путешествие. – Но откуда он? – спросила леди Гленарван.

– Погодите, погодите, дорогая Элен: здесь необходима выдержка. Или я сильно ошибаюсь, или бутылка сама ответит нам на все вопросы.

С этими словами Гленарван принялся счищать нарост с горлышка бутылки, и вскоре показалась пробка, очень пострадавшая от морской воды.

– Досадно, – заметил Гленарван, – если там какая-нибудь бумага, она должна быть сильно повреждена.

– Боюсь, что так, – согласился майор.

– К тому же, – продолжал Гленарван, – этой плохо закупоренной бутылке грозила опасность пойти ко дну. К счастью, акула вовремя проглотила ее и доставила на борт «Дункана».

– Это верно, – сказал Джон Манглс, – но все же было бы лучше, если бы мы ее выловили в открытом море, под определенной широтой и долготой. Тогда, учтя воздушные и морские течения, было бы возможно установить пройденный этой бутылкой путь, а теперь, с таким вот почтальоном, как акула, плывущая против ветра и течения, в этом будет очень трудно разобраться.

– Посмотрим, – сказал Гленарван и принялся с величайшей осторожностью вытаскивать пробку.

Когда бутылка была откупорена, по кают-компании распространился сильный запах морской соли.

– Ну? – с чисто женской нетерпеливостью спросила леди Элен.

– Да, я был прав, – отозвался Гленарван, – там бумаги.

– Документы! Документы! – воскликнула леди Элен.

– Только, по-видимому, они попорчены сыростью, – заметил Гленарван, – и их невозможно вытащить, до того они прилипли к стенкам бутылки.

– Разобьем ее, – предложил Мак-Наббс.

– Я предпочел бы сохранить бутылку в целости, – ответил Гленарван.
– Я тоже, – согласился майор.
– Несомненно, хорошо бы сохранить бутылку, – вмешалась Элен, – но содержимое ведь более ценно, чем самый сосуд, и потому лучше пожертвовать последним.
– Вам достаточно отбить горлышко, – посоветовал Джон Манглс, – и тогда можно будет вынуть документы, не повредив их.
– Скорее же, дорогой Эдуард! – воскликнула леди Элен. В самом деле, иным способом трудно было бы извлечь бумаги, и лорд Гленарван решился отбить горлышко драгоценной бутылки. Так как каменистый нарост на ней приобрел твердость гранита, пришлось прибегнуть к молотку. Вскоре на стол посыпались осколки, и из бутылки показались слипшиеся клочки бумаги. Гленарван осторожно извлек их и разложил перед собой. Леди Элен, майор и капитан обступили его¹¹.

Глава II

Три документа

Вынутые из бутылки клочки бумаги были наполовину уничтожены морской водой. Из почти стертых строк можно было разобрать лишь немногие слова. Лорд Гленарван стал исследовать эти клочки. Он поворачивал их, смотрел на свет, разглядывал каждую букву, которую пощадило море. Затем он взглянул на своих друзей, не сводивших с него жадных глаз.

– Здесь, – сказал он, – три различных документа, по-видимому копии одного и того же, написанные на трех языках: английском, французском и немецком. Я убедился в этом, сличив уцелевшие слова.

– Но, по крайней мере, в этих-то словах все же можно уловить какой-нибудь смысл? – спросила леди Элен.

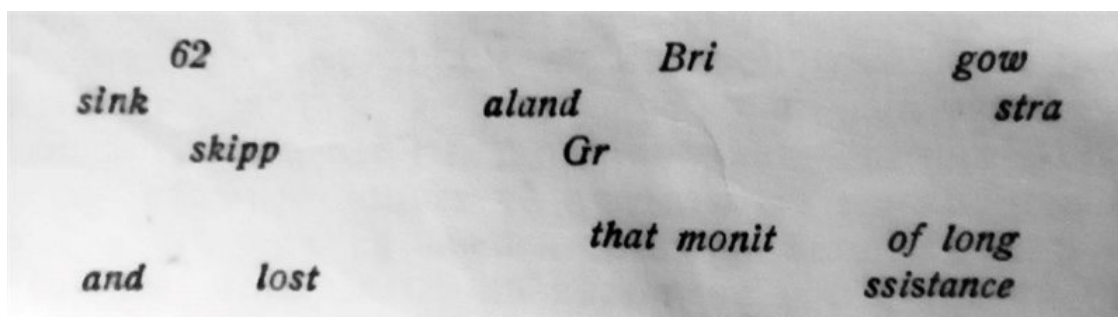
– Трудно сказать что-нибудь определенное на этот счет, дорогая: уцелевших слов очень немного.

– А может быть, они дополняют друг друга? – заметил майор.

– В самом деле, – отозвался Джон Манглс. – Не уничтожила же морская вода в трех документах слова на одних и тех же местах! Соединив уцелевшие обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.

– Этим мы и займемся, – сказал Гленарван, – но будем делать все методически. Начнем с английского документа.

В этом документе строки и слова были расположены следующим образом:

– Да, смысла здесь не много, – с разочарованным видом проговорил майор.

– Как бы то ни было, – заметил капитан, – ясно, что это английский язык.

– В этом нет никакого сомнения, – отозвался лорд Гленарван, – слова sink, aland, that, and, lost уцелели; a skipper, очевидно, значит skipper. Видимо, речь тут идет о каком-то мистере Gr... вероятно капитане потерпевшего крушение судна.

– Добавим еще к этому обрывки слов monition и assistance²³, – сказал Джон Мангис, – смысл их совершенно ясен.

– Ну вот, уже кое-что мы знаем! – сказала леди Элен.

– К несчастью, не хватает целых строк, – заметил майор. – Как узнать название погибшего судна и место его крушения?

– Узнаем и это, – сказал Гленарван.

– Без сомнения, – согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. – Но каким образом?

– Дополняя один документ другим.

– Так примемся же за дело! – воскликнула леди Элен. Второй клочок бумаги пострадал больше, чем предыдущий.

В нем было всего несколько бессвязных слов, расположенных следующим образом:

– Это написано по-немецки, – сказал Джон Мангис, взглянув на бумагу.

– А вы знаете этот язык, Джон? – спросил Гленарван.

– Знаю очень хорошо.

– Тогда скажите нам, что значат эти несколько слов. Капитан внимательно осмотрел документ.

– Прежде всего, – сказал он, – мы можем теперь установить, когда именно произошло кораблекрушение: седьмого Juni, то есть седьмого июня, а сопоставляя это с цифрой «шестьдесят два», стоящей в английском документе, мы получаем точную дату: седьмого июня 1862 года.

– Чудесно! – обрадовалась леди Элен. – Что же дальше, Джон?

– В той же строчке, – продолжал молодой капитан, – я вижу слово Glas; сливая его со словом gow первого документа, получаем Glasgow. Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.

– Я того же мнения, – заявил майор.

– Второй строчки в этом документе совсем нет, – продолжал Джон Мангис, – но в третьей я вижу два очень важных слова: zwei, что значит «два», и atrosen, вернее сказать – Matrosen, в переводе – «матросы».

– Значит, речь здесь как будто идет о капитане и двух матросах, – сказала Элен.

– По-видимому, – согласился Гленарван.

– Я должен признаться, – продолжал капитан, – что следующее слово, graus, ставит меня в тупик – я не знаю, как его перевести. Быть может, это разъяснит нам третий документ. Что же касается двух последних слов, то их легко понять: Bringt ihnen значит «окажите им», а если мы

²³ Английские слова значат: sink – терпеть крушение, aland – на земле, that – этом, and – и, lost – погибший, skipper – капитан, monition – документ, assistance – помощь

связаем их с английским словом *assistance*, которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то сама собой напрашивается фраза: «Окажите им помощь».

– Да! «Окажите им помощь»! – повторил Гленарван. – Но где находятся эти несчастные? До сих пор у нас нет ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа.

– Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, – заметила леди Элен.

– Прочтем же французский документ, – сказал Гленарван, – мы все знаем этот язык, так что это будет нетрудно¹².

Вот точное воспроизведение третьего документа:

– Здесь есть цифры! – воскликнула леди Элен. – Смотрите, господа! Смотрите!

– Будем делать все по порядку, – сказал лорд Гленарван, – и начнем сначала. Разрешите мне восстановить одно за другим все эти неполные, отрывочные слова. С первых же букв я вижу, что речь идет о трехмачтовом судне, название которого благодаря английскому и французскому документам для нас вполне ясно: это «Британия». Из следующих двух слов *gonie* и *austral*²⁴ – только второе для нас всех понятно.

– Вот уже драгоценная подробность, – заявил Джон Мангльс, – значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.

– Это неопределенно, – заметил майор.

– Продолжаю, – сказал Гленарван. – Слово *abor* – корень глагола *aborder*²⁵. Эти несчастные выбрались на какой-то берег. Но где? Что значит *contin*?²⁶ Не материк ли? Затем *cruel*²⁷.

– *Cruel*! – воскликнул Джон Мангльс. – Так вот объяснение немецкого слова *graus*: *grausam* – жестокий!

– Продолжаем! Продолжаем! – сказал Гленарван. Он вчитывался в текст со все более страстным интересом, по мере того как перед ним раскрывался смысл этих незаконченных слов. – *Indi*... Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены? А что значит слово *ongit*? А! *Longitude*²⁸. А вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Наконец-то мы имеем точное указание!

– Да, но нет долготы, – промолвил Мак-Наббс.

– Не все сразу, дорогой майор, – отозвался Гленарван. – Точно знать градус широты – это уже немало. Решительно этот французский документ самый полный из трех. Очевидно, каждый из них является дословным переводом других, ведь количество строк везде одинаковое. В таком случае, надо эти три документа соединить, перевести их на один язык, а затем постараться найти их наиболее правдоподобный, логичный и полный смысл.

– На какой же из трех языков собираетесь вы переводить? – спросил майор.

²⁴ *Austral* – южный

²⁵ *Aborder* – приставать, достигать.

²⁶ *Continent* – материк.

²⁷ *Cruel* – жестокий.

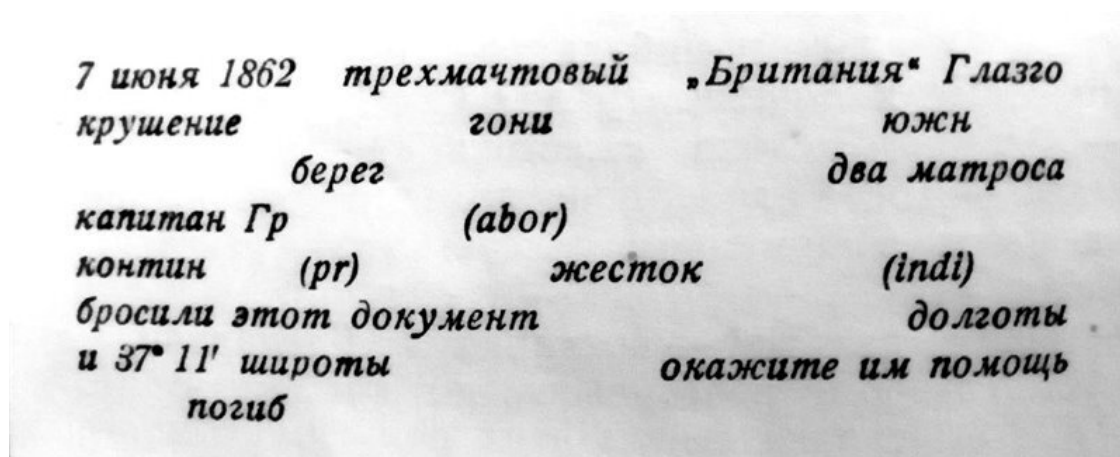
²⁸ *Longitude* – долгота.

– На французский, – ответил Гленарван, – ведь больше всего слов сохранилось во французском документе.

– Вы правы, – согласился Джон Манглс. – К тому же этот язык нам всем хорошо знаком.

– Итак, решено! Я составлю этот документ следующим образом: объединю обрывки слов и фраз, оставляя между ними пробелы, и дополню те слова, смысл которых несомненен. Затем мы их сравним и обсудим.

Гленарван тотчас взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было написано следующее²⁹:

В эту минуту появился матрос. Он доложил капитану, что «Дункан» входит в Ферт-оф-Клайд¹³, и спросил, какие будут приказания.

– Каковы ваши намерения, милорд? – обратился Джон Манглс к Гленарвану.

– Как можно скорее достигнуть Дамбартона. Оттуда леди Элен поедет домой, в Малькольм-Касл, а я отправлюсь в Лондон представить этот документ в адмиралтейство.

Джон Манглс отдал соответствующие распоряжения, и матрос пошел передать их помощнику капитана.

– Теперь, друзья мои, – сказал Гленарван, – будем про должать наше расследование. Мы напали на след катастрофы, и от нас зависит жизнь нескольких человек. Напряжем же все силы нашего ума, чтобы разгадать эту загадку.

– Мы готовы, дорогой Эдуард, – ответила Элен.

– Прежде всего, – продолжал Гленарван, – выделим в документе три части: во-первых, то, что нам уже известно, во-вторых, то, о чем можно догадываться, и, наконец, в-третьих, то, что нам неизвестно. Что мы знаем? Мы знаем, что седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», вышедшее из порта Глазго, потерпело крушение. Затем нам известно, что два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут вот этот документ и что они просят оказать им помощь. – Совершенно верно, – согласился майор.

– О чем мы можем догадываться? – продолжал Гленарван. – Прежде всего о том, что крушение произошло в южных морях, и тут я обращаю ваше внимание на обрывок слова *gonie*. Нет ли в нем указания на название страны? – Патагония! – воскликнула Элен.

– Наверное.

– Но разве через Патагонию проходит тридцать седьмой градус широты? – спросил майор.

²⁹ В переводе составленного Гленарваном текста в скобки взяты обрывки слов, смысл которых остается неясен.

– Это легко проверить, – ответил Джон Манглс, раскрывая карту Южной Америки. – Совершенно верно: тридцать седьмая параллель пересекает Арауканию, проходит через пампасы по северным областям Патагонии, а затем через Атлантический океан.

– Хорошо! Идем дальше в наших догадках. Два матроса и капитан абор... достигли... чего? Contin... материка. Обращаю на это ваше внимание. Они достигли материка, а не острова. Какова же их судьба? К счастью, две буквы *рг* говорят нам о ней. Бедняги! Они *pris onniers*, пленники. Чьи же пленники? *Cruels indiens* – жестоких индейцев. Достаточно ли убедительно это для вас? Разве эти слова не просятся сами собой на пустые места? Разве смысл документа не становится ясен? Разве ваши умы не озаряются светом?

Гленарван говорил с таким убеждением, в глазах его светилась такая абсолютная уверенность, что воодушевление его не вольно передалось слушателям, и они в один голос воскликнули:

– Конечно! Конечно!

После минутного молчания лорд Гленарван продолжал:

– Друзья мои, все эти гипотезы мне кажутся очень правдоподобными. По-моему, катастрофа произошла у берегов Патагонии. Впрочем, я непременно наведу справки в Глазго о том, куда направлялась «Британия». Тогда мы наверняка будем знать, могла ли она очутиться в тех водах.

– О, нам нет нужды ездить так далеко, – заговорил Джон Манглс, – у меня есть комплект «Мореходной газеты», и мы получим из нее самые точные сведения.

– Давайте посмотрим! – сказала леди Гленарван.

Джон Манглс вынул комплект газет 1862 года и стал их бегло просматривать. Поиски его длились недолго, и вскоре он с удовлетворением прочел вслух:

– «Тридцатого мая 1862 года. Перу. Кальяо. Место назначения Глазго, «Британия», капитан Грант».

– Грант! – воскликнул Гленарван. – Не тот ли это отважный шотландец, который собирався основать Новую Шотландию¹⁴ где-то в Тихом океане!

– Да, – ответил Джон Манглс, – это тот самый Грант. В 1861 году он отплыл из Глазго на «Британию», и с тех пор о нем ничего не известно.

– Теперь нет никаких сомнений, никаких! – сказал Гленарван. – Это он! «Британия» вышла из Кальяо тридцатого мая, а седьмого июня, через неделю после отплытия, она потерпела крушение у берегов Патагонии. И вот из этих, казалось бы, непонятных обрывков слов мы узнали всю ее историю. Как видите, друзья мои, мы многое угадали! Теперь неизвестной остается лишь долгота – только ее нам и не хватает.

– Но она нам и не нужна, – заявил Джон Манглс, – раз известна страна и та широта, под которой произошло крушение. Я берусь найти это место.

– Значит, нам известно все? – спросила леди Элен.

– Все, дорогая, и я могу восстановить слова, смытые морской водой, с такой же уверенностью, словно мне их продиктовал сам капитан Грант.

Лорд Гленарван снова взял перо и уверенной рукой написал следующее:

«7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, затонуло у берегов Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант попытаются достигнуть берега, где попадут в плен к жестоким индейцам. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37° 11' широты. Окажите им помощь, иначе их ждет гибель».

– Прекрасно! Прекрасно, дорогой Эдуард! – воскликнула леди Элен.

– И если эти несчастные снова увидят свою родину, то они будут обязаны этим счастьем вам!

– Они увидят родину! – ответил Гленарван. – Этот документ настолько ясен и достоверен, что Англия не может не прийти на помощь трем своим сыновьям, заброшенным на пустынный

морской берег. То, что она сделала когда-то для Франклина¹⁵ и многих других, она делает теперь для потерпевших крушение на «Британии».

– У этих несчастных, – заговорила леди Элен, – конечно, есть семьи, которые их оплакивают. Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...

– Вы правы, дорогая, и я берусь уведомить их о том, что надежда еще не совсем потеряна. А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, так как мы, по-видимому, подходим к порту.

И в самом деле, «Дункан», прибавив ходу, проходил в эту минуту мимо острова Бьюта. Справа виднелся Ротсей. Затем яхта устремилась в узкий фарватер залива, прошла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь в Дамбартоне, у базальтовой скалы, на вершине которой стоит знаменитый замок шотландского героя Уоллеса¹⁶.

У пристани ожидал экипаж, который должен был отвезти леди Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Касл. Лорд Гленарван обнял свою молодую жену и поспешно отправился на вокзал на поезд в Глазго.

Но прежде чем уехать, он прибегнул к самому быстрому способу сообщения, и несколько минут спустя телеграф передал в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл» следующее объявление:

«Относительно судьбы трехмачтового судна «Британия» из Глазго, капитан Грант, обращаться к лорду Гленарвану, Малькольм-Касл, Люсс, графство Дамбартон, Шотландия».

Глава III Малькольм-Касл

Малькольм-Касл – один из самых поэтических замков горной Шотландии. Он расположен вблизи деревни Люсс и возвышается над красивой долиной. Прозрачные воды озера Лох – Ломонд омывают его гранитные стены. С незапамятных времен замок принадлежал роду Гленарванов¹⁷, сохранившему в краю героев Вальтера Скотта – Роб Роя и Фергуса Мак-Грегора¹⁸ – старинное гостеприимство. Во времена революции в Шотландии многие мелкие фермеры, которые не могли заплатить высокую арендную плату бывшим вождям кланов, были изгнаны¹⁹. Одни умерли с голоду, другие стали рыбаками или эмигрировали. И только Гленарваны, считая, что честность обязательна как для бедных, так и для богатых, не предали своих арендаторов. Ни один из них не покинул родного крова и могил предков, все остались на земле клана. Поэтому во времена всеобщей ненависти и раздоров у лорда Гленарвана и в замке и на яхте «Дункан» служили одни шотландцы из старинных кланов Мак – Фарлана, Мак-Наббса, Мак-Ногтона, уроженцы графств Стерлинг и Дамбартон, честные и преданные люди. Некоторые из них еще говорили на древнем гэлльском языке Каледонии²⁰.

Лорд Гленарван был обладателем огромного состояния, которое он тратил на то, чтобы делать добро ближним. А доброта его даже превосходила щедрость, ведь если щедрость неизбежно имеет предел, то доброта безгранична.

Господин Люсса, «лерд» Малькольм был представителем от своего графства в палате лордов. Но английским государственным мужам было не по вкусу то, что он открыто высказывал симпатию к выходцам из Шотландии Стюартам, не заботясь о том, понравится ли это правящей Ганноверской династии²¹, был привержен традициям предков и энергично противился политическому нажиму «этих южан».

Это не значит, однако, что лорд Эдуард Гленарван был отсталым, косным и ограниченным человеком; но, приветствуя в своем графстве все прогрессивное, он оставался в душе шотландцем. И только о славе Шотландии заботился он, принимая участие в соревнованиях Темзинского королевского яхт-клуба.

Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица, но необыкновенно добрыми глазами, настоящий житель поэтической горной Шотландии. Он слыл человеком беззаветно храбрым, деятельным, великодушным, Фергусом XIX столетия. А главное – он был добрее самого святого Мартина²², и, оказавшись на его месте, он не только поделил бы с нищим свой плащ, но отдал бы его весь.

Лорд Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Уильяма Таффнела, принесшего свою жизнь в жертву географической науке и страсти к открытиям.

Мисс Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была шотландкой, что в глазах лорда Гленарвана было выше всякого дворянства, и он избрал подругой жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он познакомился с ней в Кильпатрике, где она, оставшись сиротой, жила в одиночестве и боролась с нуждой. Гленарван оценил стойкость этой девушки и женился на ней. Мисс Элен была двадцати двухлетней блондинкой с глазами голубыми, как воды шотландских озер в прекрасное весеннее утро. Ее любовь к мужу была еще больше, чем благодарность к нему. Она любила его так, как будто это он был одиноким сиротой, а она – наследницей большого состояния. Крестьяне и слуги готовы были умереть за «добрую хозяйку Люсса», как они называли Элен.

Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Касле, среди чудесной дикой природы горной Шотландии. Они гуляли по тенистым дубовым и кленовым аллеям, по берегам озер, спускались в дикие ущелья, где древние развалины повествуют об истории Шотландии. Сегодня они бродили в березовых и хвойных лесах, по просторным лугам с пожелтевшим вереском, а завтра взбирались на крутые вершины или скакали верхом по опустевшим долинам. Они изучали, понимали, любили этот полный поэзии край, называемый до сих пор «краем Роб Роя», и все те знаменитые места, которые так вдохновенно воспел Вальтер Скотт. Вечером, когда на горизонте зажигался «фонарь Мак-Фарлана»²³ – луна, они уходили бродить по старинной галерее, опоясывавшей своими зубчатыми стенами весь замок Малькольм. И там, задумавшись и забыв обо всем на свете, они сидели на каком-нибудь камне, окруженные безмолвием, освещенные бледными лучами луны, а ночной сумрак медленно стучался над вершинами гор. Долго оставались они погруженными в тот возвышенный восторг, в ту духовную близость, тайной которой владеют лишь любящие сердца...

Так прошли первые месяцы их супружества. Но лорд Гленарван не забывал, что его жена – дочь известного путешественника. Ему казалось, что у леди Элен должны были быть такие же стремления, как и у ее отца, и он не ошибался в этом. Был построен «Дункан». Ему предстояло перенести лорда и леди Гленарван в самые прекрасные уголки мира, к островам Эгейского моря, в Средиземное море. Можно представить себе радость Элен, когда муж передал «Дункан» в полное ее распоряжение. В самом деле, что может быть лучше для молодых супругов, чем путешествие к пленительным берегам Греции, медовый месяц в волшебных восточных краях!

И вот лорд Гленарван уехал в Лондон. Но ведь речь шла о спасении несчастных, потерпевших крушение, и потому внезапный отъезд мужа не опечалил Элен. Она только с большим нетерпением ждала его. Полученная на следующий день телеграмма обещала скорое его возвращение. Вечером же пришло письмо, сообщавшее, что лорд Гленарван задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших в его деле осложнений. На третий день было получено новое письмо, в котором лорд Гленарван уже не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

В этот день леди Элен начала уже беспокоиться. Вечером, когда она сидела одна в своей комнате, появился управляющий замком, Халберт, и спросил, будет ли ей угодно принять молодую девушку и мальчика, желающих поговорить с лордом Гленарваном.

– Они местные жители? – спросила Элен.

– Нет, миледи, – ответил управляющий, – я их не знаю.

Они приехали по железной дороге в Баллох²⁴, а оттуда пришли в Люсс пешком.

– Попросите их сюда, Халберт, – сказала леди Гленарван. Управляющий вышел. Через несколько минут в комнату леди Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра. Сходство между ними было так велико, что в этом невозможно было усомниться. Сестре было лет шестнадцать. Ее хорошенькое, немного утомленное личико, глаза, уже, видимо, пролившие немало слез, скромное и в то же время мужественное выражение лица, бедная, но опрятная одежда – все это располагало в ее пользу. Она держала за руку мальчика лет двенадцати. У него был очень решительный вид. Казалось, он считает себя покровителем сестры. Да! Несомненно, каждому, кто осмелился бы отнестись без должного уважения к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом. Сестра, очутившись перед леди Элен, несколько смутилась, но та поспешила заговорить с ней.

– Вы желали поговорить со мной? – спросила она, ободряюще глядя на девушку.

– Нет, не с вами, – решительным тоном заявил мальчик, – а с самим лордом Гленарваном.

– Извините его, сударыня, – проговорила девушка, бросая укоризненный взгляд на брата.

– Лорда Гленарвана нет в замке, – пояснила леди Элен, – но я его жена, и если я могу заменить...

– Вы леди Гленарван? – спросила девушка.

– Да, мисс.

– Жена того самого лорда Гленарвана из Малькольм-Касла, который поместил в газете «Таймс» объявление, касающееся крушения «Британии»?

– Да, да! – поспешила ответить леди Элен. – А вы?..

Дети капитана Гранта у Элен Гленарван.

– Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.

– Мисс Грант! Мисс Грант! – воскликнула леди Элен и тут же порывисто обняла девушку и расцеловала мальчугана.

– Сударыня, – взволнованно сказала девушка, – что вам известно о кораблекрушении, которое потерпел мой отец? Жив ли он? Увидим ли мы его когда-нибудь? Говорите, умоляю вас!

– Милая девочка! Я не хочу легкомысленно внушать вам призрачные надежды...

– Говорите, сударыня, говорите! Я умею переносить горе и в силах все выслушать.

– Милое дитя, – ответила леди Элен, – хотя надежда на это очень слаба, но все же возможно, что настанет день, когда вы снова увидите вашего отца.

– Боже мой, боже мой!.. – воскликнула мисс Грант и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

А ее брат, Роберт, горячо целовал в это время руки леди Гленарван.

Когда прошел первый порыв этой горестной радости, девушка засыпала леди Элен бесчисленными вопросами, и та ей рассказала историю документа, рассказала о том, как «Британия» потерпела крушение у берегов Патагонии, о том, как капитан и два матроса, уцелевшие после катастрофы, по-видимому, достигли материка, и, наконец, о том, как в документе, составленном на трех языках и брошенном на волю океана, они взывали о помощи ко всему миру.

Во время этого рассказа Роберт Грант смотрел на леди Элен так, как будто вся его жизнь зависела от ее слов. Детское воображение мальчика рисовало ему ужасные минуты, пережитые отцом: он видел его на палубе «Британии», видел его в волнах, вместе с ним цеплялся за прибрежные утесы, полз, задыхаясь, по песку, настигаемый волнами. Несколько раз во время рассказа у мальчика вырывалось:

– О папа, мой бедный папа! – и он еще крепче прижимался к сестре.

Что же касается мисс Грант, она слушала, сложив руки, не проронив ни слова.

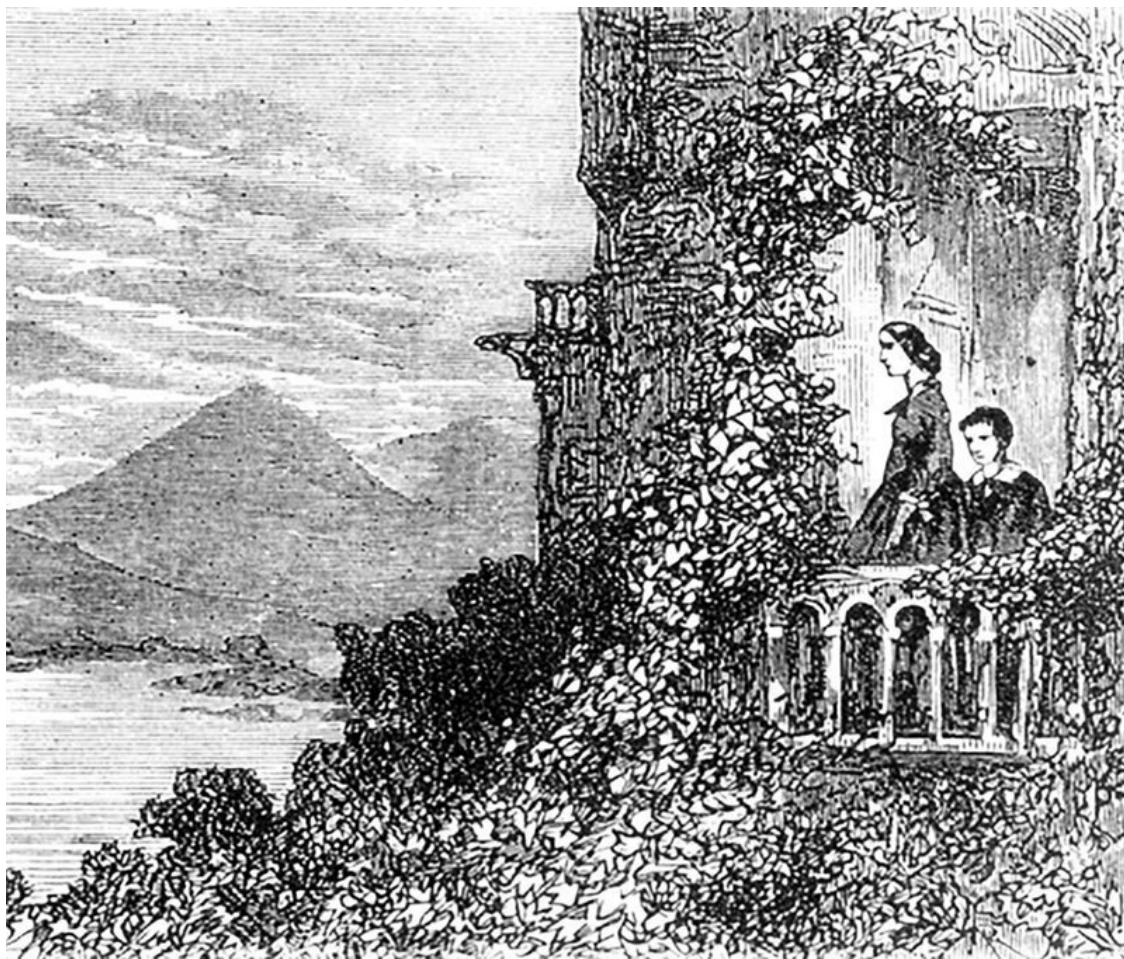
– А документ, где документ, сударыня?! – воскликнула девушка, как только Элен окончила свой рассказ.

– У меня уже нет его, милая девочка, – ответила та.

– Уже нет?

– Да, в интересах вашего отца лорду Гленарвану пришлось отвезти этот документ в Лондон. Но я ведь дословно передала вам его содержание и то, каким образом нам удалось разобраться в нем. Среди этих обрывков почти стертых фраз волны пощадили несколько цифр. К несчастью, долгота...

– Можно обойтись и без нее! – крикнул мальчуган.

Дети капитана Гранта в Малькольм-Кастле.

– Конечно, мистер Роберт, – согласилась Элен, невольно улыбаясь такой решительности юного Гранта. – Как видите, мисс Грант, – снова обратилась она к девушке, – теперь малейшие подробности документа так же хорошо известны вам, как и мне самой.

– Да, сударыня, – ответила девушка, – но мне хотелось бы увидеть почерк отца!

– Ну что ж, быть может, завтра лорд Гленарван возвратится домой. Имея в руках неоспоримый документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

– Возможно ли это! – воскликнула девушка. – Неужели вы это сделали для нас?

– Да, мисс, и я с минуты на минуту жду лорда Гленарвана.

– Сударыня, – с глубокой признательностью и верой произнесла девушка, – да благословит бог вас и лорда Гленарвана!

– Милая девочка, – ответила Элен, – мы не заслуживаем никакой благодарности: каждый на нашем месте сделал бы то же самое.

Только бы оправдались надежды, которые я заронила в ваше сердце! А до возвращения мужа вы, конечно, останетесь в замке...

– Сударыня, мне не хотелось бы злоупотреблять вашим сочувствием к нам, чужим для вас людям.

– Чужим! Нет, милое дитя, ни ваш брат, ни вы не чужие в этом доме, и я непременно хочу, чтобы мой муж, вернувшись домой, сообщил детям капитана Гранта, что будет сделано для спасения их отца.

Невозможно было отказаться от приглашения, сделанного так сердечно. Мисс Грант с братом остались в Малькольм – Касле ожидать возвращения лорда Гленарвана.

Глава IV

Предложение леди Гленарван

Говоря с детьми капитана Гранта, леди Элен умолчала об опасениях, высказанных в письме лордом Гленарваном относительно ответа адмиралтейства на его просьбу. Также не проронила она ни слова и о том, что капитан Грант, вероятно, попал в плен к южноамериканским индейцам. К чему было еще больше огорчать этих бедных детей и омрачать только что засиявшую перед ними надежду! А дела это совершенно не меняло. И леди Элен, ответив на все вопросы мисс Грант, в свою очередь принялась расспрашивать девушку о том, как она живет, как растит одна брата. Простой и трогательный рассказ девушки еще больше увеличил симпатию к ней леди Гленарван.

Мери и Роберт были единственными детьми капитана Гранта. Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта. На время своих дальних плаваний он поручал заботу о своих детях доброй старой двоюродной сестре. Капитан Грант был отважным моряком, соединявшим качества мореплавателя и коммерсанта, что так ценно для капитана торгового флота. Жил он в Шотландии, в городе Данди графства Перт²⁵, и был коренной шотландец. Его отец, священник церкви Сент-Катрин, дал ему хорошее образование, считая, что оно никому не вредит и пригодится даже капитану дальнего плавания.

Во время первых заморских плаваний Гарри Гранта, сначала в качестве помощника капитана, а затем и капитана, дела его шли удачно, и несколько лет спустя после рождения сына он обладал уже некоторым состоянием.

Вот тогда-то и появилась у него мысль, сделавшая его популярнейшим человеком во всей Шотландии. Подобно Гленарванам и некоторым другим знатым шотландским семействам, он в душе не признавал власть Англии. По его убеждению, интересы его родины не могли совпадать с интересами англосаксов, и он решил основать большую шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он о независимости для своей будущей колонии, по примеру Соединенных Штатов Америки? Возможно. Быть может, он как-нибудь и выдал свои тайные надежды. Во всяком случае, правительство отказалось прийти на помощь в осуществлении его проекта. Больше того: оно создавало капитану Гранту всяческие препятствия, которые в другой стране погубили бы его. Но Гарри Грант не сломился: он воззвал к патриотическим чувствам своих земляков, пожертвовал своим состоянием, а на вырученные средства построил судно «Британия» и, набрав отличную команду, отплыл с ней исследовать большие острова Тихого океана²⁶. Детей же своих он оставил на попечении старой двоюродной сестры. Было это в 1861 году. В течение года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но со времени его отплытия из Калья, в июне 1862 года, никто больше не слыхал о «Британии», и «Мореходная газета» упорно молчала об участии капитана Гранта.

Старая родственница Гарри Гранта неожиданно умерла, и его дети остались одни на свете. Мери Грант было всего четырнадцать лет, но отважная девочка, очутившись в таком тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя брату, совсем еще ребенку. Его надо было воспитывать, учить. Экономная, осторожная, предусмотрительная девочка, работая день и ночь, отказывая себе во всем ради брата, воспитывала его и стойко выполняла материнские обязанности.

Двое детей жили в Данди, упорно борясь с нуждой. Мери думала только о брате и мечтала о счастливой будущности для него. Бедная девочка была убеждена, что «Британия» погибла и отца нет в живых. Не поддается описанию волнение Мери, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в «Таймсе» вдруг вывело ее из того отчаяния, в котором она жила.

Она решилась действовать без промедления. Если б она узнала, что тело капитана Гранта найдено на каком-нибудь пустынном берегу среди обломков потерпевшего крушение судна, то даже и это было бы лучше, чем непрестанное сомнение, вечная пытка неизвестности.

Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели на пертский поезд, а вечером были уже в Малькольм-Касле, и здесь, после стольких душевных мук, Мери вновь обрела надежду.

Вот какую грустную историю поведала Мери Грант леди Гленарван. Она рассказала все очень просто, далекая от мысли что в эти долгие годы испытаний вела себя как героиня. Но для Элен это было очевидно, и, слушая Мери, она, не стыдясь, плакала и обнимала обоих детей капитана Гранта.

Роберту же казалось, что он узнал все это только сейчас. Слушая рассказ сестры, мальчик широко раскрывал глаза. Он впервые стал отдавать себе отчет в том, сколько она для него сделала, сколько выстрадала, и наконец, не в силах больше сдерживаться, он бросился к сестре и крепко обнял ее.

– Мамочка, дорогая моя мамочка! – воскликнул он, глубоко растроганный.

Пока продолжались эти разговоры, наступила ночь. Леди Элен, понимая, что дети устали, решила прервать беседу.

Мери и Роберта Грант отвели в предназначенные для них комнаты, и они заснули с надеждой на будущее.

После их ухода леди Элен велела попросить к себе майора и рассказала ему обо всем, что произошло в этот вечер.

– Славная девушка эта Мери Грант, – заметил Мак-Наббс, выслушав рассказ леди Элен.

– Только бы мужу удалось то дело, за которое он взялся, – промолвила леди Элен, – иначе положение этих детей будет ужасным!

– Лорд Гленарван добьется своего, – отозвался Мак-Наббс. – Не каменные же сердца у этих лордов адмиралтейства.

Но, несмотря на уверенность майора, леди Элен провела очень беспокойную, бессонную ночь.

На следующий день, когда Мери и Роберт, поднявшись на заре, прогуливались по обширному двору замка, послышался шум подъезжающего экипажа. Это возвращался в Малькольм – Касл лорд Гленарван. Лошади неслись во всю прыть.

Почти одновременно с коляской во дворе появилась в сопровождении майора леди Элен и бросилась навстречу мужу.

Вид у него был разочарованный. Он молча обнял жену. – Ну что, Эдуард? – воскликнула леди Элен.

– У этих людей нет сердца, дорогая! – ответил лорд Гленарван.

– Они отказали?

– Да, они отказали в моей просьбе послать судно. Они говорили о миллионах, напрасно потраченных на розыски Франклина, они заявили, что документ темен, непонятен; говорили, что катастрофа с этими несчастными произошла два года назад и теперь очень мало шансов найти их; уверяли, что потерпевшие крушение, попав в плен к индейцам, конечно, были уведены ими внутрь страны и что нельзя же обыскать всю Патагонию, чтобы найти трех человек – трех шотландцев! – что эти рискованные, напрасные поиски погубят больше людей, нежели спасут. Словом, они приводили все возможные доводы, заранее решив отказать. Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!

– Бедный мой отец! – воскликнула Мери Грант, падая на колени перед Гленарваном.

– Ваш отец? – спросил лорд Гленарван, с удивлением глядя на склонившуюся к его ногам девушку. – Неужели, мисс...

– Да, Эдуард, – вмешалась леди Элен, – мисс Мери и ее брат Роберт – дети капитана Гранта. Это их лорды адмиралтейства только что обрекли на сиротство.

– Ах, мисс, – сказал лорд Гленарван, поднимая девушку, – если б я знал, что вы здесь...

Он не закончил фразы. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, воцарилось во дворе замка. Никто не проронил ни слова: ни лорд Гленарван, ни леди Элен, ни майор, ни безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев слуги. Видно было, что все эти шотландцы негодовали на английское правительство.

Мэри Грант падает на колени перед лордом Гленарваном.

Через несколько минут майор спросил лорда Гленарвана:

– Итак, у вас нет никакой надежды? – Никакой!

– Ну что ж! В таком случае, я отправлюсь к этим господам! – крикнул юный Роберт. – И мы посмотрим...

Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана выдал его отнюдь не миролюбивые намерения.

– Нет, Роберт, нет! – проговорила Мери Грант. – Поблагодарим милых хозяев этого замка за все, что они для нас сделали – мы никогда в жизни этого не забудем, – а затем удалимся. – Мери! – крикнула леди Элен.

– Что же вы собираетесь делать? – спросил лорд Гленарван девушку.

– Я хочу броситься к ногам королевы, – ответила девушка, – и посмотрим, останется ли она глуха к словам двух детей, молящих спасти их отца.

Лорд Гленарван покачал головой: не потому даже, что он сомневался в добром сердце королевы, а потому, что знал, что Мери Грант не сможет до нее добраться.

Мольбы слишком редко доходят до ступеней трона, и на дверях дворцов как будто начертаны те слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: «Passangers are requested not to speak to the man at the wheel»³⁰.

Леди Элен поняла мысль мужа. Она знала, что попытка девушки должна кончиться ничем. Для нее было ясно, что отныне жизнь этих двух детей будет полна отчаяния. И тут ее осенила великая, благородная мысль...

– Мери Грант! – воскликнула она. – Подождите, не уходите, мое дитя. Выслушайте меня. Девушка держала руку брата, собираясь уходить. Она остановилась.

Леди Элен, взволнованная, со слезами на глазах, обратилась к мужу.

– Эдуард! – сказала она твердым голосом. – Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

– Что вы хотите сказать, Элен? – спросил лорд Гленарван.

Все вокруг молчали.

– Я хочу сказать, – продолжала леди Элен, – что начать супружескую жизнь добрым делом – великое счастье! Вот вы, дорогой Эдуард, чтобы порадовать меня, задумали увеселительное путешествие. Но можно ли испытать большую радость, можно ли принести больше пользы, чем спасая несчастных, которым отказалась помочь их родина?

– Элен! – воскликнул Гленарван.

– Да! Вы поняли меня, Эдуард. «Дункан» – доброе, надежное судно. Оно смело может плыть в южные моря, может совершить кругосветное путешествие, и оно совершит его, если это понадобится! В путь же, Эдуард! Плыдем на поиски капитана Гранта!

Услышав эти решительные слова своей юной жены, лорд Гленарван обнял ее и, улыбаясь, прижал к сердцу, в то время как Мери и Роберт осыпали ее руки поцелуями, а слуги замка, растроганные и восхищенные этой сценой, от всего сердца кричали:

– Ура! Да здравствует хозяйка Люсса! Трижды ура лорду и леди Гленарван!

Глава V Отплытие «Дункана»

Мы уже говорили, что леди Элен была женщина великодушная и сильная духом. Ее поступок был бесспорным тому доказательством. Лорд Гленарван действительно мог гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку. Уже в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самому отправиться на поиски капитана Гранта, и если он не опередил Элен, то только потому, что не мог примириться

³⁰ *Пассажиры просят не разговаривать с рулевым.*

с мыслью о разлуке с ней. Но, если Элен сама стремилась отправиться на эти поиски, никаким колебаниям уже не могло быть места. Слуги восторженно приветствовали это предложение – ведь речь шла о спасении таких же шотландцев, как они сами. И Гленарван от всего сердца присоединился к их крикам «ура» в честь молодой хозяйки Малькольм-Касла.

Раз отплытие было решено, не приходилось терять ни одного часа. В тот же день лорд Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и сделать все нужные приготовления для плавания в южных морях, – плавания, которое могло стать и кругосветным. Надо сказать, что леди Элен, предлагая «Дункан» для экспедиции, не ошиблась в оценке его мореходных качеств. Это замечательно прочное и быстроходное судно могло не бояться дальнего плавания.

То была превосходная паровая яхта водоизмещением в двести десять тонн, а ведь первые суда, достигавшие Америки, – суда Колумба, Пинсона, Веспуччи, Магеллана – все были гораздо меньших размеров²⁷.

Две мачты «Дункана»: фок и грот – несли по два прямых паруса, кроме того, на яхте были косые паруса: кливера и стаксели. Вообще парусность «Дункана» была совершенно достаточной для того, чтобы он ходил как обыкновенный клипер²⁸. Но, конечно, больше всего можно было рассчитывать на его механическую силу – паровую машину, построенную по новейшей системе. Это был двигатель высокого давления в сто шестьдесят лошадиных сил, приводящий в движение двойной винт. Идя на всех парах, «Дункан» развивал небывалую скорость. В самом деле, во время пробного плавания в заливе Ферт-оф-Клайд патент-лаг отметил скорость, достигающую до семнадцати морских миль в час²⁹.

«Дункан», конечно, мог смело отправиться даже и в кругосветное плавание.

Джону Манглсу оставалось лишь позаботиться о внутреннем переоборудовании судна.

Прежде всего он занялся расширением угольных ям, чтобы погрузить побольше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива.

Готовятся к плаванию.

С не меньшим вниманием отнесся Джон Манглс и к пополнению камбуза. Он умудрился запастись съестными припасами на целых два года. Правда, недостатка в деньгах у него не было; ему их хватило даже на то, чтобы приобрести небольшую пушку, которая и была установлена на шканцах¹ яхты. Кто знает, что может случиться в пути!

Надо сказать, что Джон Манглс был знаток своего дела, и хотя в данное время он командовал лишь яхтой, но вообще считался одним из лучших шкиперов Глазго. Ему было тридцать лет. В чертах его лица, немного суровых, сквозили мужество и доброта. Ребенком он был взят в Малькольм-Касл. Семья Гленарван дала ему образование и сделала из него прекрасного моряка. Во время нескольких совершенных им дальних плаваний Джон Манглс не раз проявлял свое искусство, энергию и хладнокровие. Когда Гленарван предложил ему взять на себя командование «Дунканом», он охотно на это согласился, ибо любил хозяина Малькольм-Касла, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.

Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старый моряк, заслуживавший полного доверия. Судовая команда «Дункана», включая капитана с его помощником, состояла из двадцати пяти человек. Все они, испытанные моряки, были уроженцами графства Дамбартон³⁰, сыновьями арендаторов Гленарванов. Они и на яхте как бы представляли собой клан бравых шотландцев³¹. Среди них даже был традиционный *pipe-bag*³². Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных ему, отважных, горячо любящих свое дело, опытных моряков, умеющих владеть оружием и пригодных для самых рискованных экспедиций. Когда команде «Дункана» стало известно, куда ей предстоит отправиться, моряки не в силах были сдерживать свою радость и огласили громким «ура» скалы Дамбартона³³.

Джон Манглс, усердно занимаясь погрузкой на «Дункан» топлива и провианта, не забывал о необходимости приспособить для дальнего плавания помещения лорда и леди Гленарван. Ему также надо было приготовить каюты для детей капитана Гранта – ведь леди Элен не могла не внять просьбе Мери взять ее с собой на борт «Дункана». А юный Роберт, конечно, скорее спрятался бы в трюме, чем остался на берегу. Он был готов плыть на «Дункане» юнгой, как в свое время Нельсон и Франклин³⁴. Разве можно было отказать такому мальчугану! Даже и не пытались. Пришлось согласиться и с тем, что он будет считаться не пассажиром, а членом команды. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.

– Прекрасно! – заявил Роберт, – Пусть капитан не щадит меня и угостит кнутом, если я сделаю что-нибудь не так, как надо.

– Будь спокоен на этот счет, мой мальчик, – серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что кошки-девятихвостки³⁵ на «Дункане» не применялись, да в них и не было нужды.

Чтобы дополнить список пассажиров яхты, надо еще упомянуть о майоре Мак-Наббсе. Это был человек лет пятидесяти, с правильным, спокойным лицом, с прекрасным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный. Мак-Наббс всегда шел туда, куда ему указывали, всегда во всем со всеми соглашался. Он никогда ни о чем не спорил, ни с кем не препирался, никогда не выходил из себя. Так же спокойно, как по лестнице в свою спальню, взбирался он на откос разбитой траншеи: ничто не могло его взволновать или отклонить от его пути, даже бомба; и, вероятно, он так и умрет, не найдя случая рассердиться. Мак-Наббс был не только храбрым воякой, смельчаком, какими бывают все физически сильные люди, но, что гораздо ценнее, у него было и нравственное мужество – сила духа. Единственной его слабостью было то, что он был шотландцем с головы до ног, настоящим сыном Каледонии, и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины. Поэтому он никогда не хотел служить Англии, а свой майорский чин получил в 42-м полку конной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами³⁶. Как близкий родственник Гленарвана, Мак-Наббс жил в Малькольм-Касле, а как офицер, майор счел совершенно естественным отправиться в плавание на «Дункане».

Таковы были пассажиры яхты, которой по непредвиденным обстоятельствам суждено было совершить одно из самых изумительных путешествий новейших времен.

С момента своего появления у паровой пристани Глазго «Дункан» стал возбуждать любопытство публики. Ежедневно его осматривало множество народа; только им и интересовались, только о нем и говорили. Это не очень-то нравилось другим капитанам, в том числе и капитану Бертону, который командовал великолепным пароходом «Шотландия», стоявшим у пристани бок о бок с «Дунканом» и готовившимся плыть в Калькутту. Капитан этого громадного парохода действительно был вправе смотреть свысока на своего крошку-соседа, «Дункан». Однако всеобщий интерес, притом со дня на день возрастающий, сосредоточивался на яхте Гленарвана.

Время отплытия «Дункана» приближалось. Джон Манглс показал себя капитаном умелым и энергичным. Через месяц со дня испытания яхты в заливе Ферт-оф-Клайд, снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания «Дункан» уже был готов выйти в море. Отплытие было назначено на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны.

Когда проект лорда Гленарвана получил известность, ему пришлось выслушать много замечаний об утомительности и опасности подобного путешествия, но он не обратил на них ни малейшего внимания и готовился отбыть из Малькольм-Касла. Многие порицавшие шотландского лорда в то же время втайне восхищались им. В конце концов, общественное мнение открыто стало на его сторону, и вся печать, за исключением правительственных органов, единодушно осудила поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, лорд Гленарван был так же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, — он делал то, что считал своим долгом, а остальное его не волновало.

24 августа Гленарван, леди Элен, майор Мак-Наббс, Мери и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард¹ яхты, и его жена, миссис Олбинет, служанка леди Гленарван, покинули Малькольм-Касл. Преданные семье Гленарван слуги устроили им самые сердечные проводы.

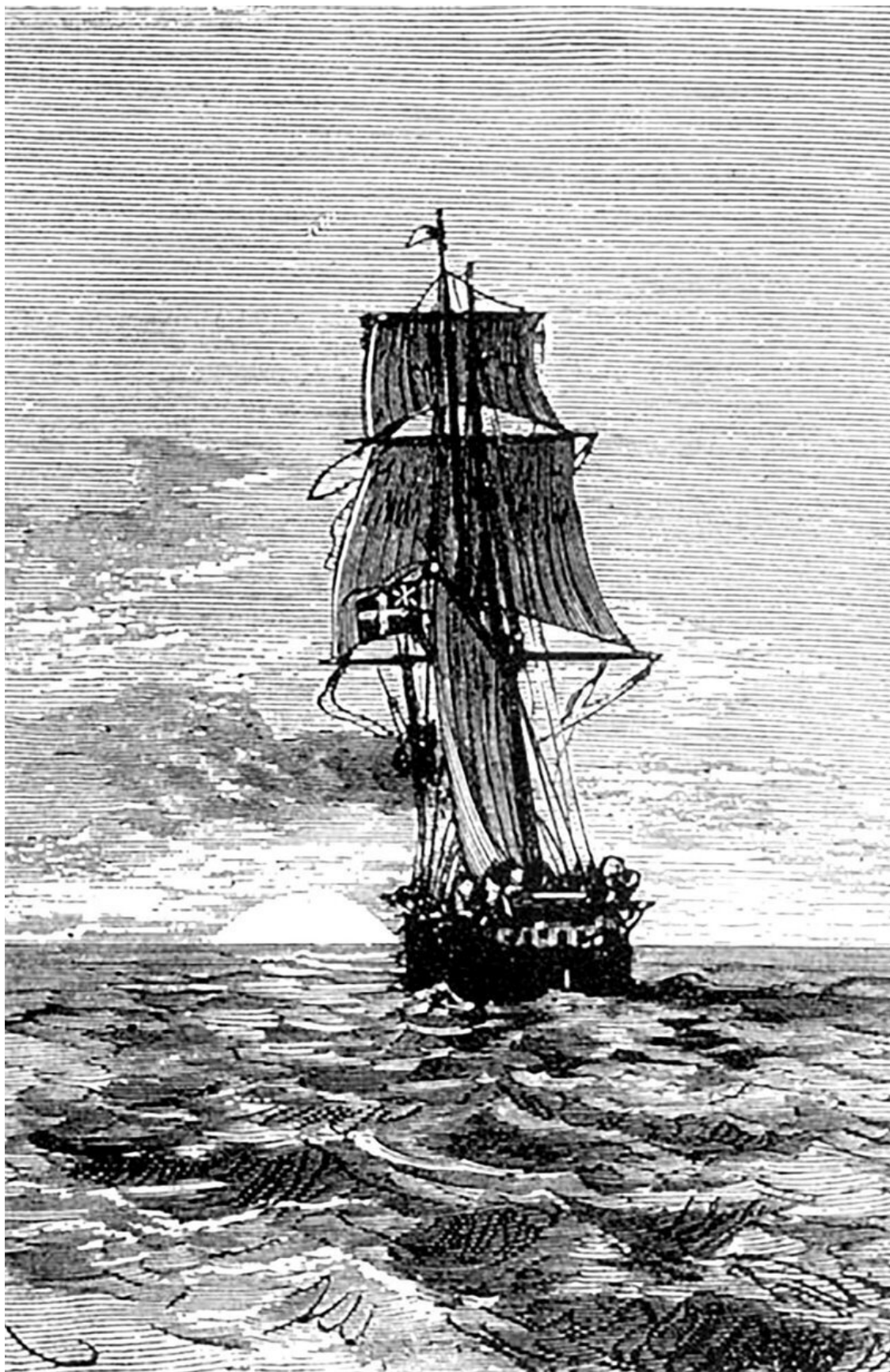
Через несколько часов путешественники уже были на борту «Дункана». Население Глазго с большой симпатией приветствовало леди Элен, эту юную отважную женщину, которая, отказавшись от роскошной жизни с ее спокойными удовольствиями, спешила на помощь потерпевшим кораблекрушение.

Помещения лорда Гленарвана и его жены находились на юте «Дункана» и состояли из двух спален, гостиной и двух небольших ванных комнат. Затем имелась общая кают-компания, куда выходили шесть кают, из которых пять были заняты Мери и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты и выходили на палубу. Команда же была размещена в межпалубном помещении, и размещена с удобствами, ибо яхта не имела другого груза, кроме угля, провианта и оружия.

Таким образом, капитан умело всех устроил, пользуясь тем, что на яхте было много свободного места.

«Дункан» должен был выйти в море 25 августа, около трех часов утра, с началом отлива, но до отплытия яхты жители Глазго стали свидетелями трогательного зрелища. В восемь часов вечера лорд Гленарван, его семья и гости, вся команда, от кочегара до капитана, все участники предстоящей экспедиции отбыли с яхты и направились в Сен-Мунго, старинный собор в Глазго³⁷, так живо описанный Вальтером Скоттом. Этот собор, уцелевший среди опустошений, произведенных еще во времена Реформации, принял под свои величественные своды пассажиров и моряков «Дункана». В обширном нефе со множеством надгробных плит преподобный Мортон призвал благословение божье на путешественников, молясь о даровании им благополучного плавания. И вот в древней церкви зазвучал голос Мери Грант. Девушка пела и в молитве возносила благодарность своим благодетелям и богу.

В одиннадцать часов вечера все были на борту. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводить пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса – они не могли быть использованы, так как дул юго-западный ветер, – были тщательно покрыты холщовыми чехлами для предохранения их от копоти.

«Дункан в открытом море.»

В два часа ночи на «Дункане» стали чувствоваться толчки от дрожания паровых котлов: манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырывался из-под клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало рассветать, и уже можно было разглядеть фарватер реки Клайд, его бакены с потускневшими при свете зари фонарями. Надо было отплывать. Джон Манглс приказал известить об этом лорда Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу.

Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие свистки «Дункана», были отданы концы, яхта отвалила от пристани. Заработал винт, и «Дункан» двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лопмана: ему прекрасно был знаком фарватер реки Клайд, и никто не смог бы лучше вывести судно в открытое море. Яхта послушно двигалась по его воле. Молча и уверенно управлял он правой рукой машиной, а левой – рулем. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились виллами, возвышавшимися по прибрежным холмам. Городской шум замер вдали.

Час спустя «Дункан» пронесся мимо скал Дамбартона, а через два часа был в заливе Ферт-оф-Клайд. В шесть часов утра яхта уже плыла в открытом океане.

Глава VI

Пассажир каюты номер шесть

В первый день плавания «Дункана» море было довольно беспокойно, и к вечеру ветер посвежел. «Дункан» сильно качало. Поэтому женщины не выходили на палубу. Они лежали в каютах на койках.

На следующий день ветер несколько изменил направление. Капитан Джон Манглс приказал поднять паруса. Благодаря этому «Дункан» стал устойчивее – меньше чувствовалась боковая и килевая качка. Леди Элен и Мери Грант смогли рано утром подняться на палубу, где уже стояли лорд Гленарван, майор и капитан.

Восход солнца был великолепен. Дневное светило, напоминавшее позолоченный металлический диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. «Дункан» скользил в потоках света, и казалось, что не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса.

Пассажиры яхты молча созерцали появление сияющего светила.

– Что за чудное зрелище! – проговорила наконец леди Элен. – Такой восход предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменялся и оставался попутным!

– Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, – отозвался лорд Гленарван, – и нам не приходится жаловаться на такое начало нашего путешествия.

– А скажите, дорогой Эдуард, сколько времени может продлиться наше путешествие?

– На это нам может ответить только капитан Джон... – сказал Гленарван. – Как мы идем, Джон? Довольны ли вы своим судном?

– Чрезвычайно доволен, милорд. Это чудесное судно – моряку приятно ступать по его палубе. И машина и корпус как нельзя лучше соответствуют друг другу. Вот почему яхта, как видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Идем мы со скоростью семнадцать морских миль в час, и если скорость эта не понизится, то мы дней через десять пересечем экватор, а меньше чем через пять недель обогнем мыс Горн³⁸.

– Слышите, Мери? Меньше чем через пять недель! – обратилась к девушке леди Элен.

– Слышу, сударыня, – ответила Мери. – Мое сердце забилося при этих словах капитана.

– Как вы переносите плавание, мисс Мери? – спросил лорд Гленарван.

– Неплохо, милорд. А скоро я и совсем освоюсь с морем.

– А наш юный Роберт?

– О, Роберт!.. – вмешался Джон Манглс. – Если его нет в машинном отделении, значит, он уже взобрался на мачту. Этот мальчуган просто насмехается над морской болезнью... Да вот, сами полюбуйтесь. Видите, где он?

Взоры всех устремились туда, куда указывал капитан, – на фок-мачту: там, футах в ста от палубы, на канатах брам – стены³⁹ висел Роберт. Мери невольно вздрогнула.

– О, успокойтесь, мисс! – сказал Джон Манглс. – Я отвечаю за него. Обещаю вам, что в недалеком будущем представлю капитану Гранту лихого молодца, – ведь мы, несомненно, разыщем этого достойного капитана!

– Да услышит вас небо, мистер Джон! – ответила девушка.

– Милая мисс Мери, будем надеяться, – заговорил Гленарван. – Все предвещает нам удачу. Взгляните на этих славных малых, взявшихся за осуществление нашей высокой цели. С ними мы не только добьемся успеха, но добьемся его без особенного труда. Я обещал Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу свое слово.

– Эдуард, вы лучший из людей! – воскликнула леди Элен Гленарван.

– Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне... Разве вы не восхищаетесь нашим «Дунканом», мисс Мери?

– Конечно, восхищаюсь, милорд, – ответила девушка, – и восхищаюсь как настоящий знаток.

– Вот как!

– Я еще ребенком играла на кораблях отца. Он должен был сделать из меня моряка. Но и теперь, если бы понадобилось, я, пожалуй, смогла бы взять на рифы парус.

– Что вы говорите, мисс! – воскликнул Джон Манглс.

– Если так, – сказал лорд Гленарван, – то в лице капитана Джона вы, несомненно, будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше всякой другой на свете. Даже для женщины он не представляет себе ничего лучшего. Не правда ли, Джон?

– Совершенно верно, милорд, – ответил молодой капитан. – Я, конечно, должен признаться, что мисс Грант более пристало находится в рубке, чем ставить брамсель¹. Тем не менее мне были очень приятны ее слова.

– Особенно когда она так восхищалась «Дунканом»... – добавил лорд Гленарван.

– ...который этого вполне заслуживает, – ответил Джон Манглс.

– Право, вы так гордитесь вашей яхтой, – сказала леди Элен, – что мне захотелось осмотреть ее всю до самого трюма, а также поглядеть, как наши славные матросы устроились в кубрике.

– Устроились превосходно, – ответил Джон Манглс, – совсем как дома.

– И они действительно дома, дорогая Элен, – сказал лорд Гленарван. – Ведь эта яхта – часть нашей древней Каледонии, уголок графства Дамбартон, плывущий по волнам океана. И мы вовсе не покинули нашей родины: «Дункан» – это Малькольм – Касл, а океан – озеро Лох-Ломонд.

– Ну тогда, дорогой Эдуард, покажите же нам ваш замок, – шутливо сказала леди Элен.

– К вашим услугам! – ответил лорд Гленарван. – Но раньше позвольте мне сказать несколько слов Олбинету.

Стюард «Дункана» Олбинет был превосходный метрдотель, усердно и умно исполнявший свои обязанности. Он немедленно явился на зов хозяина.

– Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, – сказал лорд Гленарван таким тоном, словно речь шла о прогулке в окрестностях замка. – Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет на столе.

Олбинет важно отвесил поклон.

– Идете вы с нами, майор? – спросила Мак-Наббса леди Элен.

– Если прикажете, – ответил он.

– О, майор поглощен дымом своей сигары, – вмешался лорд Гленарван, – не будем же отрывать его. Знаете, мисс Мери, он у нас заядлый курильщик – даже и во сне не вы пускает изо рта сигару.

Майор кивнул головой в знак согласия. Остальные спустились в кубрик.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по своей всегдашней привычке, стал мирно беседовать сам с собой, окружая себя еще более густыми облаками дыма. Он стоял неподвижно и глядел на пенистый след за кормой яхты. После нескольких минут молчаливого созерцания он обернулся и увидел перед собой новое лицо. Если бы вообще что-нибудь могло удивить майора, то он, пожалуй, был бы удивлен этой встречей, ибо этот пассажир был ему совершенно незнаком.

Этому высокому, сухощавому человеку могло быть лет сорок. Он напоминал длинный гвоздь с большой шляпкой. Голова у него была круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый. Глаза скрывались за огромными круглыми очками, и особенная неопределенность во взгляде говорила о никталопии¹. Лицо у него было умное и веселое. В нем не было той неприветливости, какую напускают на себя некоторые для важности. Такие люди из принципа никогда не смеются, пряча под маской серьезности свое ничтожество. Напротив, непринужденность и милая бесперемонность этого незнакомца ясно показывали, что он умеет видеть в людях и вещах только хорошее. Хоть он еще не открывал рта, чувствовалось, что он любит поговорить. Было ясно также, что он из тех страшно рассеянных людей, которые смотрят и не видят, слушают и не слышат. Незнакомец был в дорожной фуражке, обут в грубые желтые ботинки и кожаные гетры. На нем были бархатные коричневые панталоны и такая же куртка с бесчисленными туго набитыми карманами, откуда торчали записные книжки, блокноты, бумажники, вообще масса столь же ненужных, сколь и обременительных предметов. Через плечо у него висела на ремне подзорная труба.

На палубе появляется Паганель.

Суетливость незнакомца составляла полную противоположность невозмутимому спокойствию майора. Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его, кидал на него вопросы-

тельные взгляды, но тот и не думал поинтересоваться тем, откуда взялся этот господин, куда он направляется и почему он на борту «Дункана».

Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки общения разбиваются о равнодушные майора, он схватил свою подозрную трубу – раздвинутая во всю длину, она достигала четырех футов – и, расставив ноги, неподвижный, как дорожный столб, направил ее на линию горизонта, где вода сливалась с небом. Понаблюдав так минут пять, он поставил свою подозрную трубу на палубу и оперся на нее, как на трость; но тут труба сложилась, части ее вошли одна в другую, и новый пассажир, внезапно потеряв точку опоры, едва не растянулся у грот-мачты.

Всякий другой на месте майора хотя бы улыбнулся, но он даже бровью не повел. Тогда незнакомец смирился наконец с его безразличием.

– Стюард! – крикнул он с иностранным акцентом и стал ждать.

Никто не появлялся.

– Стюард! – позвал он уже громче.

Мистер Олбинет проходил в эту минуту в камбуз, находившийся под шканцами. Каково же было его удивление, когда он услышал, что его так бесцеремонно окликают какой-то долговязый незнакомец!

«Откуда он взялся? – подумал Олбинет. – Какой-нибудь друг лорда Гленарвана? Невозможно!» Однако он подошел к незнакомцу.

– Вы стюард этого судна? – спросил тот.

– Да, сэр, но я не имею чести...

– Я пассажир каюты номер шесть, – не дал ему договорить незнакомец.

– Каюты номер шесть? – повторил Олбинет.

– Ну да. А как ваше имя?

– Олбинет.

– Ну так вот, друг мой Олбинет, – сказал незнакомец из каюты номер шесть, – нужно подумать о завтраке, да не откладывая. Уже тридцать шесть часов, как я ничего не брал в рот, вернее сказать, я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, который без остановок примчался из Парижа в Глазго. Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтрак?

– В девять, – машинально ответил Олбинет. Незнакомец пожелал взглянуть на часы, но это заняло немало времени, так как часы он нашел только в девятом кармане.

– Да, но ведь еще нет и восьми часов! Ну тогда, Олбинет, принесите-ка мне пока печенья и стакан черри: я падаю от истощения.

Паганель схватил свою подзорную трубу.

Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец говорил без-умолку, с необыкновенной – быстротой перескакивая с пред мета на предмет.

– Ну, а где же капитан? Еще не встал? А его помощник? Он что, тоже спит? – трещал незнакомец. – К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.

Как раз в ту минуту, когда он это говорил, на лестнице юта показался Джон Манглс.

– Вот и капитан, – объявил Олбинет.

– Ах, я очень рад! – воскликнул незнакомец. – Очень рад познакомиться с вами, капитан Бертон!

Удивление Джона Манглса не имело границ, и не столько потому, что его называли капитаном Бертоном, сколько потому, что он увидел незнакомца на борту своего судна.

Тот продолжал рассыпаться в любезностях.

– Позвольте пожать вам руку, – сказал он. – Если я этого не сделал третьего дня вечером, то только потому, что в момент отплытия не следует никого беспокоить. Но сегодня, капитан, я счастлив познакомиться с вами.

Джон Манглс, широко открыв глаза, с удивлением смотрел то на Олбинета, то на незнакомца.

– Теперь мы познакомились с вами, дорогой капитан, – продолжал незнакомец, – и стали старыми друзьями. Ну, давайте поболтаем. Скажите, довольны ли вы своей «Шотландией»?

– О какой «Шотландии» вы говорите? – наконец спросил Джон Манглс.

– О «Шотландии», на которой мы с вами находимся. Это прекрасное судно. Мне расхвалили его качества и достоинства его командира, славного капитана Бертона. А кстати, не родственник ли вы великого африканского путешественника Бертона⁴⁰, этого отважного человека? В таком случае примите мои горячие поздравления.

– Сэр, я не только не родственник путешественника Бертона, но даже и не капитан Бертон, – ответил Джон Манглс.

– А-а... – протянул незнакомец. – Значит, я говорю с помощником капитана Бертона, мистером Берднессом?

– Мистер Берднесс? – переспросил Джон Манглс.

Он уже начал догадываться, в чем тут дело, только еще не мог разобраться, кто перед ним: сумасшедший или чудак. Молодой капитан уже собирался без дальних околичностей это выяснить, но на палубе появились лорд Гленарван, его жена и мисс Грант.

Увидев их, незнакомец закричал:

– А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно! Надеюсь, мистер Берднесс, вы будете так добры представить меня...

Но тут же, не ожидая посредничества Джона Манглса, он непринужденно выступил вперед.

– Миссис... – сказал он мисс Грант. – Мисс... – сказал он леди Элен. – Сэр... – прибавил он, обращаясь к лорду Гленарвану.

– Лорд Гленарван, – пояснил Джон Манглс.

– Милорд, – продолжал незнакомец, – я прошу извинить меня за то, что сам представляюсь вам, но в море, мне кажется, можно несколько отступить от светского этикета. Надеюсь, мы быстро познакомимся, и в обществе этих дам путешествие на «Шотландии» покажется нам и коротким и приятным.

Ни леди Элен, ни мисс Грант не нашлись, что на это ответить. Они никак не могли понять, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе «Дункана».

– Сэр, – обратился к нему лорд Гленарван, – с кем я имею честь говорить?

– С Жаком-Элиасеном-Франсуа-Мари Паганелем, секретарем Парижского географического общества, членом-корреспондентом географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, а также почетным членом Коро-

левского географического и этнографического института Восточной Индии. Вы видите перед собой человека, который двадцать лет изучал географию, не выходя из кабинета, и наконец, решив заняться ею практически, направляется теперь в Индию, чтобы связать там в одно целое труды великих путешественников.

Глава VII

Откуда появился и куда направлялся Жак Паганель

Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано им чрезвычайно мило. Впрочем, теперь лорд Гленарван прекрасно знал, с кем имеет дело: ему были хорошо известны имя и заслуги Жака Паганеля. Его труды по географии, доклады о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях общества, переписка его чуть ли не со всем светом – все это сделало Паганеля одним из самых видных ученых Франции. Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему неожиданному гостю.

– А теперь, когда мы представились друг другу, – сказал он, – вы позволите мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?

– Хоть двадцать, милорд, – ответил Жак Паганель, – разговор с вами всегда будет для меня удовольствием.

– Вы поднялись на борт этого судна третьего дня вечером?

– Да, милорд, третьего дня в восемь часов вечера. Прямо из вагона я бросился в кеб, а из кеба – на «Шотландию», где я еще из Парижа заказал каюту номер шесть. Было темно. Я никого не заметил на палубе.

А так как я был утомлен тридцатичасовой дорогой⁴¹ и к тому же знал, что во избежание морской болезни полезно немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать с нее в первые дни плавания, то я сейчас же лег и самым добросовестным образом, смею вас уверить, проспал целых тридцать шесть часов!

Теперь для слушателей Жака Паганеля стало ясно, каким образом он очутился на яхте. Французский путешественник, перепутав суда, сел на «Дункан» в то время, когда все были в церкви Сен-Мунго. Все объяснилось. Но что скажет ученый – географ, узнав название и место назначения судна, на которое он попал?

– Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом вашей экспедиции? – спросил лорд Гленарван.

– Да, милорд. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию. И вот наконец-то эта заветная мечта осуществится, я попаду на родину слонов.

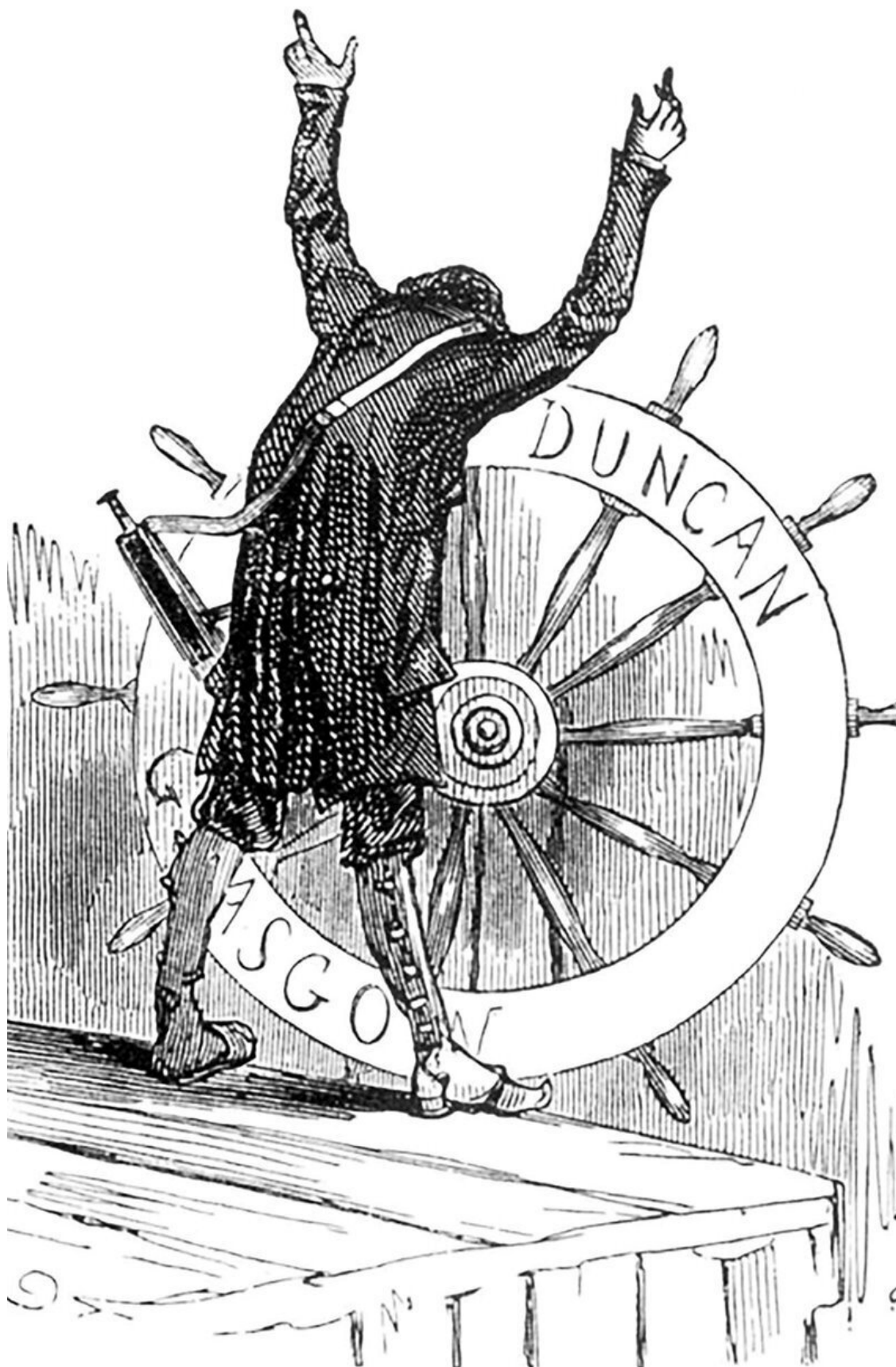
– Значит, господин Паганель, для вас было бы не безразлично, если бы вам пришлось посетить не эту, а какую-нибудь другую страну?

– Мне было бы это, милорд, не только не безразлично, а даже очень неприятно, так как у меня имеются рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, да к тому же мне дано Географическим обществом поручение, которое я должен выполнить.

– А! Вам дано поручение?

– Да, мне поручено осуществить одно полезное и любопытное путешествие, план которого был разработан моим ученым другом и коллегой, господином Вивьеном де Сен-Марте-ном. По этому плану мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинтвейт, полковника Во Уэбба, Ходжсона, миссионеров Гю и Габе, Муркрофта, Жюля Реми и многих других известных путешественников. Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в 1846 году миссионеру Крику, то есть обследовать течение реки Цангпо⁴², которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров орошает Тибет. Мне хотелось бы, наконец, выяснить, не сливается ли эта река на северо-востоке области Ассама с рекой

Брахмапутрой⁴³. А уж тому путешественнику, которому удастся осветить этот важнейший для географии Индии вопрос, будет, конечно, обеспечена золотая медаль.

Паганель убеждается, что плывет на «Дункане».

Паганель был восхитителен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он так и несся на быстрых крыльях фантазии. Остановить его было бы так же невозможно, как воды Рейнского водопада.

– Господин Жак Паганель, – начал лорд Гленарван, когда знаменитый ученый сделал минутную передышку, – это, бесспорно, прекрасное путешествие, и наука будет вам за него признательна. Но я не хочу держать вас дольше в заблуждении и потому должен сказать, что, по крайней мере, на ближайшее время вам придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.

– Отказаться? Почему?

– Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную полуострову Индостан.

– Как! Капитан Бертон...

– Я не капитан Бертон, – отозвался Джон Мангис.

– Но «Шотландия»...

– Это судно – не «Шотландия»!

Удивление Паганеля не поддается описанию. Он посмотрел по очереди на лорда Гленарвана, сохранявшего совершенную серьезность, на леди Элен и Мери Грант, лица которых выражали огорчение и сочувствие, на улыбавшегося Джона Мангиса, на невозмутимого майора, а затем, пожав плечами, опустив очки со лба на нос, воскликнул:

– Что за шутка!

Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, и он прочел надпись: «Дункан». Глазго».

– «Дункан»! «Дункан»! – крикнул Паганель в отчаянии, а затем, сбежав с лестницы, устремился в свою каюту.

Как только злосчастный ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы. Поехать не в ту сторону по железной дороге, ну хотя бы сесть в дамбартонский поезд вместо эдинбургского – еще куда ни шло, но перепутать судно и плыть в Чили, когда собрался в Индию, – это уже верх рассеянности!

– Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, – заметил лорд Гленарван. – Он ведь известен подобными злоключениями. Однажды он издал прекрасную карту Америки, куда умудрился втиснуть Японию. Но все это не мешает ему быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.

– Что же мы будем делать с этим беднягой? – проговорила леди Элен. – Не можем же мы увезти его с собой в Патагонию!

– А почему нет? – веско сказал Мак-Наббс. – Разве мы отвечаем за его рассеянность? Допустим, он сел бы не в тот поезд, – разве он мог бы его остановить?

– Не мог бы, но он сошел бы на ближайшей станции, – возразила леди Элен.

– Ну, так это он сможет сделать, если пожелает, в первой же гавани, где мы остановимся, – заметил лорд Гленарван.

В это время Паганель, убедившись, что багаж его находится на том же судне, снова поднялся на палубу. Удрученный и пристыженный, он все твердил злополучное слово: «Дункан»! «Дункан»! Других слов у него не находилось. Он ходил взад и вперед, рассматривая мачты яхты, вопрошая безмолвный горизонт открытого моря. Наконец он снова подошел к лорду Гленарвану.

– А куда идет этот «Дункан»? – спросил он. – В Америку, господин Паганель.

– Куда именно?

– В Консепсьон.

– В Чили! В Чили! – закричал несчастный ученый. – А моя экспедиция – в Индию! Что скажет господин Катрфаж, президент Центральной комиссии! А господин Авезак! А господин Кортамбер! А господин Вивьен де Сен-Мартен! Как я теперь покажусь на заседании Географического общества!

– Не отчаивайтесь, господин Паганель, – стал успокаивать его Гленарван, – все это может кончиться для вас сравнительно небольшой потерей времени. А река Цангпо пока подождет вас в горах Тибета. Скоро мы зайдем на остров Мадейра, и там вы сядете на судно, которое доставит вас обратно в Европу.

– Благодарю вас, милорд. Видно, уж придется примириться с этим. Но надо сказать, приключение удивительное! Только со мной подобная вещь и могла случиться. А моя каюта, заказанная на «Шотландии»!..

– Ну, о «Шотландии» вам лучше позабыть.

– Но мне кажется, – снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, – «Дункан» – прогулочная яхта.

– Да, сэр, – отозвался Джон Манглс, – и принадлежит она лорду Гленарвану...

– ...который просит вас без стеснения пользоваться его гостеприимством, – закончил Гленарван.

– Бесконечно благодарен вам, милорд, – ответил Паганель. – Глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне высказать вам такое простое соображение: Индия – прекрасная страна, полная чудесных неожиданностей для путешественников. Наверно, дамы не бывали там... И стоит рулевому повернуть руль, как «Дункан» так же свободно направится к Калькутте, как и к Консепсьону, а раз это увеселительное путешествие...

Но тут, видя, что Гленарван отрицательно качает головой, Паганель умолк.

– Господин Паганель, – сказала леди Элен, – если бы это было увеселительное путешествие, то я, не задумываясь, ответила бы вам: «Давайте все вместе отправимся в Индию», и лорд Гленарван, я уверена, не был бы против. Но дело в том, что «Дункан» плывет в Америку, чтобы привезти оттуда на родину потерпевших крушение у патагонских берегов, и он не может отказаться от такой гуманной цели.

Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела. Не без волнения услышал он о чудесной находке документа, об истории капитана Гранта и о великом душном предложении леди Элен.

– Сударыня, – обратился он к ней, – позвольте мне выразить безграничное восхищение, которое внушает мне ваш поступок. Пусть ваша яхта продолжает свой путь! Я не про стил бы себе, если бы задержал ее хоть на один день.

– Так вы хотите присоединиться к нашей экспедиции? – спросила леди Элен.

– Для меня это невозможно: я должен выполнить данное мне поручение. Я высажусь на первой же вашей стоянке.

– Значит, на Мадейре, – заметил Джон Манглс.

– Пусть на Мадейре. Я буду там всего в ста восьмидесяти милях от Лиссабона и подожду какого-нибудь судна.

– Ну что ж, господин Паганель, – сказал Гленарван, – так и будет сделано. Что касается меня, я рад возможности видеть вас несколько дней гостем на моей яхте. Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!

– О, – воскликнул ученый, – это еще счастье, милорд, что я ошибся судном так удачно! Тем не менее нельзя не признать, что человек, который собрался в Индию, а плывет в Америку, попал в довольно-таки смешное положение.

Как ни печально, но Паганелю пришлось примириться с задержкой, которую он не был в силах предотвратить. Он оказался человеком очень милым, веселым, конечно, рассеянным и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. Не прошло и дня, как Паганель со

всеми подружился. Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго и тщательно изучал его. Истолкование документа не вызывало у него ни каких сомнений. Он отнесся с живым участием к Мери Грант и ее брату и старался внушить им твердую надежду на встречу с отцом. Он так уверовал в успех экспедиции «Дункана», так радужно смотрел на все, что, слушая его, Мери не могла не улыбаться. Право, если бы не его поручение, он тоже бросился бы на поиски капитана Гранта.

Когда же Паганель узнал, что леди Элен – дочь известного путешественника Уильяма Таффнела, он разразился восторженными восклицаниями. Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Уильям Таффнел стал членом-корреспондентом Парижского географического общества! И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Таффнела в члены общества!.. Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать с дочерью Уильяма Таффнела!

В заключение географ попросил у леди Элен разрешения поцеловать ее. И леди Гленарван согласилась, хотя, может быть, это и было несколько «improper»³¹.

Глава VIII

На «Дункане» стало одним хорошим человеком больше

Между тем яхта, благодаря попутным течениям у берегов Северной Африки, быстро приближалась к экватору. 30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, верный обещанию, сказал своему гостю, что можно остановиться и высадить его на берег.

– Дорогой лорд, – ответил Паганель, – я буду говорить с вами попросту. Скажите, намеревались ли вы до моего появления сделать остановку у Мадейры?

– Нет, – сказал Гленарван.

– Тогда разрешите мне использовать мою злосчастную рассеянность. Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет никакого интереса для географа. Все о нем уже сказано и написано; к тому же когда-то знаменитое тамошнее виноделие теперь в полнейшем упадке. Подумайте только: на Мадейре больше нет виноградников! В 1813 году там добывалось двадцать две тысячи пип⁴⁴ вина, а в 1845 году уже всего две тысячи шестьсот шестьдесят девять пип. Прискорбное явление! Если вам безразлично, нельзя ли сделать остановку у Канарских островов...

– Сделаем остановку у Канарских островов, – ответил Гленарван, – они у нас на пути.

– Я это знаю, дорогой лорд. А Канарские острова интереснее: они состоят из трех групп, не говоря уже о пике на острове Тенерифе – мне всегда хотелось его увидеть. Вот как раз удобный случай! Им я воспользуюсь и в ожидании судна, которое доставит меня в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.

– Как вам будет угодно, дорогой Паганель, – невольно улыбаясь, ответил Гленарван.

И он улыбался не зря.

Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях – расстояние незначительное для такой быстроходной яхты, как «Дункан».

31 августа в два часа дня Джон Манглс и Паганель разгуливали по палубе. Француз забрасывал капитана вопросами о Чили.

– Господин Паганель! – вдруг прервал его Джон, указывая на какую-то точку на южной стороне горизонта.

– Что такое, дорогой капитан? – отозвался ученый.

– Соболаговолите посмотреть вон в ту сторону. Вы ничего там не видите?

³¹ Трудно сказать в какой степени был ироничен Жюль Верн, вставляя в текст английские словечки. В данном случае *Improper* – неприлично

– Ничего.

– Вы не туда смотрите. Это не у горизонта, но повыше, среди облаков.

– Среди облаков? Сколько я ни смотрю...

– Ну вот, теперь взгляните по направлению бушприта³².

– Ничего не вижу.

– Да вы просто не хотите видеть! Но поверьте мне, что, хотя мы еще и в сорока милях от Тенерифского пика, его остроконечная вершина уже вырисовывается над горизонтом.

Но через несколько часов только слепой мог ничего не видеть, и Паганель волей-неволей сдался. – Наконец-то вы ее видите, – сказал ему капитан.

– Да, да, вижу совершенно ясно. Вот это и есть так называемый Тенерифский пик? – пренебрежительно прибавил географ. – Он самый. – Мне кажется, он не так уж высок.

– Однако он возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.

– Но ему, во всяком случае, далеко до Монблана.

– Возможно, но когда дело дойдет до подъема на эту гору, пожалуй, вы найдете, что она достаточно высока.

– Подниматься? Подниматься на Тенерифский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и описал ее так, что уже ничего не прибавишь. Он тогда же установил вертикальную смену растительных поясов: пояс виноградников, пояс лавровых лесов, пояс сосен, пояс горной пустыни с дроком и, наконец, каменистые осыпи, где совершенно отсутствует растительность. Гумбольдт добрался до самой высшей точки Тенерифского пика – там негде было даже сесть. Перед его глазами расстилась лось пространство, равное четвертой части Испании. Затем он спустился до самого кратера этого вулкана. Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после великого человека?⁴⁵

– Действительно, после него вам ничего не открыть, – со гласился Джон Манглс. – А жаль, вам будет ужасно скучно ждать в порту Санта-Крус-де-Тенерифе прихода судна. Развлечений там мало, вряд ли вам удастся рассеяться.

– Моя рассеянность всегда при мне, – смеясь, заметил Паганель. – Но скажите, дорогой Манглс, разве нет крупных портов на островах Зеленого Мыса?

– Конечно, есть. И для вас, например, было бы очень легко сесть в Прая на пароход, идущий в Европу.

– Не говоря уж об одном немалом преимуществе, – заметил Паганель, – ведь острова Зеленого Мыса недалеко от Сенегала, где я найду земляков. Конечно, мне прекрасно известно, что эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый.

³² Бушприт – рей, выставленный вперед с носа корабля.

«Дункан» у берегов островов Зеленого мыса.

Но для глаз географа все любопытно: уметь видеть – это наука. Есть люди, которые не умеют видеть и путешествуют так же «умно», как какие-нибудь ракообразные. Но поверьте, у меня другая школа.

– Как вам будет угодно, господин Паганель, – ответил Джон Манглс. – Я уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географическую науку. А мы как раз должны туда зайти, чтобы запастись углем, и ваша высадка нас несколько не задержит.

Сказав это, капитан взял курс на запад от Канарских островов. Знаменитый Тенерифский пик остался за кормой. Продолжая идти таким же быстрым ходом, «Дункан» пересек 2 сентября, в пять часов утра, тропик Рака⁴⁶. Погода стала меняться. Воздух сделался тяжелым и влажным, как всегда в период дождей. Время это испанцы зовут «Le tiempo das aguas»³³. Оно очень тягостно для путешественников, но полезно для жителей африканских островов, страдающих от недостатка растительности, а значит, и от недостатка влаги. Бурное море не позволяло пассажирам яхты оставаться на палубе, но разговоры в кают-компании не стали от этого менее оживленными.

3 сентября Паганель, готовясь высадиться на берег, принялся укладывать свои вещи. «Дункан» уже лавировал между островами Зеленого Мыса. Он прошел мимо острова Сал, бесплодного и унылого, как песчаная могила, прошел вдоль обширных коралловых рифов, а затем, оставив в стороне остров Сен-Жак, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, вошел в бухту Прая и стал на якорь у самого города. Погода была ужасная, и бушевал прибой, несмотря на то, что бухта была защищена от морских ветров. Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было разглядеть город. Расположен он был на плоской горной террасе, упирающейся в отроги мощных скал вулканического происхождения, вышиной триста футов. Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.

Леди Элен не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. В то время как море и небо в каком-то смятении смешивали свои воды, пассажирам не оставалось ничего другого, как сидеть в кают-компании. Естественно, злободневной темой разговоров на яхте была погода. Каждый сказал что-нибудь по этому поводу. Один майор не проронил ни слова; он, кажется, с полным равнодушием присутствовал бы и при всемирном потопе.

Паганель ходил взад-вперед, качая головой. – Все как нарочно! – повторял он. – Да, стихии против вас, – отозвался Гленарван.

– А я все-таки восторжествую над ними.

– Не можете же вы покинуть яхту в такую погоду, – сказала леди Элен.

– Я лично, сударыня, прекрасно мог бы и опасаясь только за свой багаж и инструменты: ведь все пропадет.

– Опасен только момент высадки, – заметил Гленарван, – а как только вы попадете в Прая, вы там устроитесь не так уж плохо. Правда, относительно чистоты можно пожелать большего: придется жить с обезьянами и свиньями, а соседство с ними далеко не всегда приятно. Но путешественник не должен обращать внимание на такие мелочи. К тому же надо надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся сесть на судно, идущее в Европу.

– Через семь-восемь месяцев! – воскликнул Паганель.

– Да, и это самое меньшее: ведь в период дождей суда не так уж часто заходят на острова Зеленого Мыса. Но вы сможете с пользой употребить свое время. Этот архипелаг еще мало известен. Здесь есть над чем поработать в области топографии и климатологии, этнографии и гипсометрии³⁴.

– Вы сможете заняться обследованием рек, – заметила леди Элен.

³³ По-испански «Водяной сезон».

³⁴ Гипсометрия – измерение рельефа местности.

- Таковых там не имеется, – ответил Паганель.
- Ну, займитесь речками.
- Их также нет.
- Тогда какими-нибудь потоками, ручьями...
- И их не существует.
- В таком случае, вам придется обратить свое внимание на леса, – промолвил майор.
- Для лесов необходимы деревья, а они здесь отсутствуют.
- Приятный край, нечего сказать! – отозвался майор.
- Утешьтесь, дорогой Паганель, – сказал Гленарван, – ведь вам все же остаются горы.
- О, милорд! Горы эти и невысоки и неинтересны. Да к тому же они уже изучены.
- Изучены? – удивился Гленарван.
- Да. Как всегда, мне не везет. На Канарских островах все было уже сделано Гумбольдтом, а здесь меня опередил один геолог, господин Шарль Сент-Клер-Девиль⁴⁷.
- Неужели?
- Увы, это так! – жалобно ответил Паганель. – Этот ученый был на борту французского корвета «Решительный», когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. И вот Сент-Клер воспользовался своим пребыванием здесь, чтобы подняться на самую интересную из вершин архипелага, а именно – на вулкан острова Фогу.⁴⁸ Скажите же на милость, что мне остается делать после него?
- Это действительно прискорбно, – сказала леди Элен. – Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?
- Паганель несколько минут молчал.
- Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там и нет больше вина, – заметил Гленарван.
- Ученый секретарь Парижского географического общества по-прежнему молчал.
- Я бы подождал еще, – сказал майор, но он так же равнодушно мог бы посоветовать обратное.
- Дорогой Гленарван, – прервал наконец молчание Паганель, – где вы думаете сделать следующую остановку? – О, не раньше чем в Консепсьоне.
- Черт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!
- Да нет же: как только вы обогнете мыс Горн, вы начнете к ней приближаться... – Это-то я знаю.
- К тому же, – продолжал Гленарван самым серьезным тоном, – не все ли равно, попадете ли вы в Ост – или Вест-Индию? – Как не все ли равно?!
- Ну да, ведь между индейцами Патагонии и индийцами Пенджаба разница всего в одной букве!
- А знаете, милорд, – воскликнул Паганель, – ведь этот довод никогда не пришел бы мне в голову!
- А что касается золотой медали, дорогой Паганель, – продолжал Гленарван, – то ее можно заслужить в любой стране. Можно работать, производить изыскания, делать открытия и в Кордильерах и на Тибете. – Но как же мои исследования реки Цангпо?
- Ну что ж, вы ее замените Рио-Колорадо. Река большая, почти не изученная. Географы наносят ее на карту, как им заблагорассудится.
- Я знаю, дорогой лорд. Встречаются ошибки в несколько градусов. Я нисколько не сомневаюсь в том, что, обратись я к Географическому обществу с просьбой послать меня в Патагонию, оно так же охотно командировало бы меня туда, как и в Индию. Но я как-то не думал об этом. – По вашей обычной рассеянности...
- А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? – спросила ученого леди Элен самым любезным тоном. – Сударыня, а мое поручение?..

– Предупреждаю вас, что мы пройдем Магеллановым проливом, – объявил Гленарван. – Милорд, вы искуситель!

– Добавлю, что мы побываем в Голодном Порту.

– Голодный Порт! – воскликнул атакованный со всех сторон француз. – Да ведь это же порт, знаменитый во всех географических летописях!⁴⁹

– Примите еще во внимание, господин Паганель, – продолжала леди Элен, – что в вашем лице Франция разделила бы с Шотландией честь участвовать в экспедиции.

– Да, конечно!

– Географ был бы очень полезен нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу людям!

– Вот это хорошо сказано!

– Поверьте мне: положитесь, как это сделали мы, на волю случая или, вернее, провидения! Оно послало нам этот документ, и мы двинулись в путь. Оно же привело вас на борт «Дункана» – не покидайте его.

– Хотите знать, друзья мои, что я думаю? – сказал Паганель. – Так вот: вам очень хочется, чтобы я остался.

– Вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, – парировал Гленарван.

– Чертовски! – воскликнул ученый-географ. – Но я боялся быть навязчивым.

Глава IX Магелланов пролив

Все на яхте пришли в восторг, узнав о решении Паганеля. Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.

– Бойкий мальчуган! – сказал Паганель. – Я обучу его географии.

А так как Джон Манглс брался учить Роберта морскому делу, Гленарван – быть мужественным, майор – хладнокровным, леди Элен – добрым и великодушным, а Мери Грант – благодарным таким учителям, то, очевидно, юный Грант должен был стать безукоризненным джентльменом.

«Дункан», быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места. Уклонившись к западу, он попал в течение, проходившее у берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и очутился в Южном полушарии.

Все шло прекрасно. Все верили в успех экспедиции. Казалось, каждый день прибавлял шансы найти капитана Гранта. Едва ли не больше всех верил в успех сам капитан «Дункана». Впрочем, его вера была внушена главным образом горячим желанием, чтобы мисс Мери утешилась и была счастлива. Джон Манглс питал к этой девушке особые чувства, которые он так плохо скрывал, что все на «Дункане», кроме Мери Грант и его самого, их заметили. Что же касается ученого-географа, то, вероятно, он был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии. По целым дням изучал он географические карты, разложенные на столе в кают-компании. Из-за этого у него происходили ежедневные споры с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол. И надо сказать, что в этих спорах на стороне Паганеля были все пассажиры яхты, за исключением майора – тот относился к географии с обычным своим равнодушием, в особенности же в обеденное время. Кроме того, Паганель раскопал у помощника капитана целый ворох раз рознесенных книг и, найдя среди них несколько испанских, решил изучать язык Сервантеса, которого, надо заметить, никто на яхте не знал. Знание этого языка должно было облегчить географу изучение чилийского побережья. Полагаясь на свои лингвистические способности, Паганель надеялся к прибытию в Консепсьон свободно

говорить по-испански. Итак, он с жаром взялся за занятия и беспрестанно бормотал непонятные слова.

В свободное время он еще умудрялся заниматься с Робертом: рассказывал ему о земле, к которой «Дункан» так быстро приближался.

10 сентября, когда яхта находилась под 5° 37' широты и 31° 15' долготы, Гленарван узнал то, чего, вероятно, не знают многие и более образованные люди. Паганель излагал новым друзьям историю Америки. Говоря о великих мореплавателях, по пути которых следовал «Дункан», он упомянул Христофора Колумба и закончил утверждением, что великий генуэзец так и умер, не подозревая, что он открыл Новый Свет.

Слушатели запротестовали, но Паганель стоял на своем.

– Это совершенно достоверно, – объявил он. – Я отнюдь не хочу умалять славу Колумба, но факт остается фактом. В конце пятнадцатого века все помыслы людей были направлены к тому, чтобы облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним словом, стремились найти кратчайший путь в «страну прятностей». Это и пытался осуществить Колумб. Он совершил четыре путешествия, приставал к Америке у берегов Гондураса, Никарагуа, Верагуа³⁵ и Коста-Рики, причем все эти земли считал японскими и китайскими. И он умер, не подозревая о существовании огромного материка, увы, даже не унаследовавшего его имени.

– Я готов поверить вам, дорогой Паганель, – отозвался Гленарван. – Но позвольте мне выразить удивление и задать вам вопрос: кто же из мореплавателей правильно понял открытие Колумба?

– Его последователи, начиная с Охеды, который сопровождал Колумба в его путешествиях, затем Винсент Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабрал, Солис, Бальбоа. Эти мореплаватели проплыли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте их границы: триста шестьдесят лет назад их несло к югу то самое течение, которое теперь несет и нас с вами. Представьте, друзья мои, мы пересекли экватор как раз в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, и мы приближаемся к тому самому восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон высадился тогда у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабрал спустился южнее – до Порту-Сегуру. Затем Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в 1502 году, продвинулся еще дальше на юг. В 1508 году Винсент Пинсон и Солис соединились для совместного обследования американских берегов, и в 1516 году Солис открыл устье реки Ла-Платы, но там его съели туземцы. Честь же первым обогнуть новый материк выпала Магеллану. Этот великий мореплаватель в 1520 году направился к Америке с пятью судами. Он проплыл вдоль берегов Патагонии, открыл порт Десеадо, а также бухту Сан-Хулиан, где долго простоял. Затем, открыв за пятьдесят вторым градусом широты пролив Онз-Миль-Вьерж, который впоследствии получил его имя, Магеллан вышел в Тихий океан. Ах, какую радость он должен был почувствовать, как забилося от волнения его сердце, когда перед его глазами, сверкая под лучами солнца, раскинулось новое море!³⁶

– Как бы мне хотелось быть там! – воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа.

– Мне тоже, мой мальчик, и, конечно, я не упустил бы такого случая, родился я на триста лет раньше.

– Но это было бы печально для нас, господин Паганель, – отозвалась леди Элен, – ведь в этом случае вас не было бы с нами на палубе «Дункана» и мы не слышали бы всего того, что вы сейчас рассказали нам.

³⁵ Старое испанское название Панамы

³⁶ Паганель очень удачно оказалась на борту «Дункана». Обычно Жюль Верн прерывал художественный текст, чтобы на нескольких страницах рассказать о странах, континентах, течениях и физических явлениях. Тут у него есть Паганель, который и рассказывает ... на этот раз об истории открытия Америки.

– Другой бы рассказал вам об этом вместо меня, сударыня, и он еще прибавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти искатели приключений основа ли здесь много городов. Куско, Кито, Лима, Сантьяго, Вильяррика, Вальпараисо и Консепсьон, куда направляется наш «Дункан», обязаны им своим существованием. Открытия братьев Писарро дополнили открытия Магеллана, и очертания американских берегов были, к большому удовлетворению ученых Старого Света, занесены на карту.

– Ну, я не удовлетворился бы этим, – заявил Роберт.

– Почему же? – спросила Мери, глядя на своего юного брата, увлеченного рассказом обо всех этих открытиях.

– В самом деле, мой мальчик, почему? – с ободряющей улыбкой спросил и лорд Гленарван.

– Да потому, что я захотел бы узнать, есть ли еще что-нибудь за Магеллановым проливом.

– Браво, друг мой! – воскликнул Паганель. – Я тоже захотел бы узнать, простирается ли материк до Южного полюса или там открытое море, как предполагал Дрейк, один из ваших соотечественников. Итак, несомненно, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они непременно отправились бы вслед за двумя голландцами – Схаутеном и Ле Мером, стремясь, как и они, отгадать эту географическую загадку.

– Это были ученые? – спросила леди Элен.

– Нет, просто смелые купцы, которых мало заботила научная сторона открытий. В то время существовала голландская Ост-Индская компания, которая одна имела право провозить товары через Магелланов пролив. А так как тогда не знали другого пути в Азию, кроме этого пролива, такая привилегия была просто грабительской. И вот несколько купцов решили уничтожить эту монополию, открыв другой пролив. В их числе был некий Исаак Ле Мер, человек умный и образованный. Он снарядил на свои средства экспедицию, во главе которой были поставлены его племянник Якоб Ле Мер и Схаутен, опытный моряк родом из Горна. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне 1615 года, почти через сто лет после Магеллана. Они открыли новый пролив между Землей Штатов и Огненной Землей, названный проливом Ле Мера, а в феврале 1616 года обогнули столь известный теперь мыс Горн, который еще больше чем его собрат, мыс Доброй Надежды, заслуживает названия мыса Бурь⁵⁰.

«Дункан» в Магеллановом проливе.

– О, я в самом деле хотел бы быть там! – воскликнул Роберт.

– И ты, мой мальчик, испытал бы ни с чем не сравнимое счастье! – с воодушевлением сказал Паганель. – В самом деле, есть ли большее удовлетворение, большая радость, чем те, которые испытывает мореплаватель, нанося на судовую карту свои открытия! Его взору медленно открываются новые земли, они как бы всплывают из морских волн, остров за островом, мыс за мысом. Сначала контуры этих земель на карте прерывисты: тут – отдельный мыс, там – одинокая бухта, дальше – затерянный в пространстве пролив. Но со временем открытия дополняют друг друга, отрезки соединяются, точки сливаются, и вот наконец новый материк с его озерами, реками, речками, горами, долинами, равнинами, деревнями, городами, столицами появляется на глобусе во всем своем великолепии. Ах, друзья мои, человек, открывающий новые земли, – тот же изобретатель! Он переживает те же волнения, те же неожиданности. Но теперь эта золотая жила оскудела: все видели, все обследовали, все, что можно было открыть, открыли, и нам, современным географам, больше нечего делать.

– Нет, дорогой Паганель, еще есть что делать, – возразил Гленарван.

– А что же? – Да то, что мы делаем.

Между тем «Дункан» с изумительной быстротой неся по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября он пересек тропик Козерога⁵¹ и взял курс к знаменитому проливу. Несколько раз едва заметной полоской на горизонте показывались низкие берега Патагонии. До них было больше десяти миль, и Паганель, даже смотря в свою знаменитую подзорную трубу, мог получить об американском побережье лишь весьма неясное представление.

25 сентября «Дункан» был уже у Магелланова пролива и уверенно вошел в него. Пароходы, направляющиеся в Тихий океан, обычно предпочитают этот путь. Точная длина Магелланова пролива составляет всего триста семьдесят шесть миль. Он настолько глубок, что по нему даже у самых берегов могут проходить суда большого водоизмещения. По берегам много источников пресной воды, рек, изобилующих рыбой, лесов, богатых дичью, сколько угодно легкодоступных мест для стоянок. Словом, здесь множество преимуществ, которых нет ни в проливе Ле Мера, ни у мыса Горн с его грозными скалами, где непрестанно свирепствуют ураганы и штормы.

В первые часы, то есть на протяжении шестидесяти – восьмидесяти миль, до самого мыса Грегори, «Дункан» плыл вдоль низких песчаных берегов. Жак Паганель старался не упустить ни одного уголка берега, ни одной детали пролива. Яхта должна была пройти пролив меньше чем за двое суток, и подвижная панорама берегов, залитая сверкающим южным солнцем, конечно, заслуживала такого неотступного наблюдения. На северном берегу не видно было жителей, только по обнаженным скалам Огненной Земли бродили несколько туземцев.

Паганелю оставалось лишь сожалеть о том, что он не видит ни одного патагонца; это вызывало в нем сильнейшую досаду, что очень забавляло его спутников.

– Что за Патагония без патагонцев! – с раздражением повторял он.

– Потерпите, почтенный географ, мы еще увидим патагонцев, – утешал его Гленарван.

– Далеко не уверен в этом.

– Но ведь они существуют, – заметила леди Элен.

– Сомневаюсь в этом, сударыня, раз я не вижу ни одного.

– Но ведь кого-то же называли «патагонцами», что по-испански значит «большие ноги».

– Э, название ничего не значит! – воскликнул Паганель, упрямо стоявший на своем, чтобы разжечь спор. – А к тому же, сказать по правде, неизвестно еще, как они называются.

– Не может быть! – удивился Гленарван. – Вы знали это, майор?

– Нет, – ответил Мак-Наббс, – и не дал бы и одного шотландского фунта за то, чтобы узнать⁵².

– И все-таки вы сейчас услышите кое-что об этом, равнодушный человек! – заявил Паганель. – Правда, Магеллан назвал здешних туземцев патагонцами, но арауканы зовут их теуэльче, у Бугенвиля они известны под именем чайхи. Сами же они себя зовут общим именем

инакен⁵³. Вот и скажите теперь, как тут разобраться и вообще может ли существовать народ, у которого столько названий.

– Вот это довод! – воскликнула леди Элен.

– Ну, хорошо, – сказал Гленарван, – но наш друг Паганель, наверное, согласится с тем, что если существуют сомнения относительно названия патагонцев, то, по крайней мере, известно, какого они роста.

– Никогда не соглашусь с таким чудовищным утверждением! – воскликнул Паганель.

– Они высокого роста, – настаивал Гленарван.

– Не знаю.

– Низкого? – спросила леди Элен.

– Никто не может утверждать и этого.

– Так среднего роста? – проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.

– И это мне не известно.

– Ну, это уж слишком! – воскликнул Гленарван. – Путешественники, которые их видели...

– Путешественники, которые их видели, – перебил его Паганель, – противоречат друг другу. Так, Магеллан говорит, что его голова едва доходила им до пояса...

– Ну, вот видите!

– Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше ростом самого высокого патагонца.

– Ну, англичане... – презрительно заметил майор. – Вот если бы там были шотландцы...

– Кавендиш уверял, что патагонцы – народ крепкий и рослый, – продолжал Паганель. –

По словам Гаукинса, это просто великаны. Ле Мер и Схаутен приписывают им рост в одиннадцать футов...

– Прекрасно! Эти люди заслуживают доверия, – заметил Гленарван.

– Да, но такого же доверия заслуживают и Вуд, и Нарборо, и Фолкнер, а по их мнению – патагонцы среднего роста. Правда, Байрон Ла Жироде, Бугенвиль, Уэлс и Картере утверждают, что средний рост патагонцев – шесть футов шесть дюймов, а господин д'Орбиньи, лучший знаток этих мест, считает, что он равен только пяти футам четырем дюймам.

– Но какое же из этих противоречивых показаний верно? – спросила леди Элен.

– Верно, сударыня, что у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: в них шесть футов, когда они сидят, и только пять, когда стоят.

– Браво, милейший ученый! – воскликнул Гленарван. – Вот это хорошо сказано!

– Ну, а если патагонцев вообще не существует, тогда отпадают и все разногласия, – продолжал Паганель. – А теперь, друзья мои, замечу в утешение, что Магелланов пролив великолепен и без патагонцев.

В это время «Дункан», плывя вдоль живописных берегов, огибал полуостров Брансуик. Было пройдено уже семьдесят миль от мыса Грегори, по правому борту осталась исправительная тюрьма в Пунта-Аренас. Среди деревьев промелькнул чилийский флаг и колокольня церкви. Пролив катил свои воды среди величественных гранитных массивов. Подножия гор скрывались в огромных лесах, а вершины их, покрытые вечным снегом, терялись в облаках. На юго-западе поднималась гора Тарн в шесть тысяч пятьсот футов вышиной.

После продолжительных сумерек наступила темнота. Дневной свет постепенно угас, и на землю легли мягкие тени. Небо загорелось яркими звездами. Созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу. В этой сияющей ночи, при свете звезд, заменявших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала свой путь, не бросая якоря ни в одной из удобных бухт, которых здесь так много. Часто реи задевали за ветки южных буков, склонявшихся к волнам, часто винт взбивал воды в устьях больших рек, поднимая диких гусей, уток, куликов, чирков и вообще все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались какие-то раз валины и оползни. Ночь придавала им величественный

вид. Это были печальные остатки покинутой колонии, имя которой – вечное свидетельство того, что местность эта вовсе не так плодородна, а леса не так богаты дичью, как говорят. «Дункан» проходил мимо Голодного Порта.

На этом месте поселился в 1584 году испанец Сармьенто во главе четырехсот эмигрантов. Здесь он основал город Сан – Филипп. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов. Голод прикончил тех, кого пощадила зима. И в 1587 году корсар Кавендиш нашел последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах этого города, существовавшего три года, но пережившего, казалось, шесть веков.

«Дункан» проплыл вдоль этих пустынных берегов. На рассвете он снова плыл по тесному проливу между буковыми, ясеневыми и березовыми лесами⁵⁴. Время от времени показывались зеленые пригорки, поросшие остролистом холмы, вершины гор. Там, высоко, был виден обелиск Бугенвиля.

Яхта прошла мимо устья бухты Сан-Николас. Некогда Бугенвиль назвал ее Французским заливом. Вдали резвились тюлени и киты, о величине которых можно было судить по выбрасываемым ими мощным фонтанам воды, видимым на расстоянии четырех миль. Наконец «Дункан» обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый кое-где зимним льдом. По другую сторону пролива, на Огненной Земле, поднималась на шесть тысяч футов в небо гора Сармьенто – гигантское нагромождение утесов и скал, между которыми проползали облака, образуя как бы воздушный архипелаг.

В сущности, мысом Фроуорд и заканчивается Америка, ибо мыс Горн – не что иное, как утес, затерявшийся в океане под 56° южной широты.

После мыса Фроуорд, между полуостровом Брансуик и островом Десоласьон, пролив суживается. Этот длинный остров вытянулся среди множества мелких островков, напоминая колоссального кита, выброшенного на усеянный валунами берег. Как не похож этот изрезанный конец Американского материка на ровные, правильные оконечности Африки, Австралии и Индии! Какая неведомая катастрофа искрошила этот огромный мыс, брошенный между двух океанов!

Далее вместо плодородного побережья протянулись пустынные, дикие берега, изрезанные запутанным лабиринтом узких протоков.

«Дункан» неуклонно и безошибочно шел этими капризными извилинами, смешивая столбы дыма из своих труб с туманом, сквозь который порой проглядывали скалы. Не замедляя хода, яхта прошла мимо нескольких испанских факторий, обосновавшихся на этих безлюдных берегах. Затем пролив снова расширяется. «Дункан», обойдя крутые берега островов Нарборо, приблизился к южному побережью. Наконец, через тридцать шесть часов после входа в пролив, на «Дункане» увидели скалу мыса Пилар на самой окраине острова Десоласьон. Огромное, просторное, сверкающее море простиралось перед форштевнем «Дункана». И Жак Паганель, приветствуя море восторженным жестом, был взволнован не менее, чем сам Магеллан, когда его корабль «Тринидад» накренился под ветром Тихого океана.

Глава X

Тридцать седьмая параллель

Через неделю после того, как «Дункан» обогнул мыс Пилар, он на всех парах вошел в бухту Талькауано – великолепную гавань длиной в двенадцать и шириной в девять миль. Погода была прекрасная. В этом краю с ноября по март на небе не видно ни одной тучки, и вдоль берегов, защищенных Кордильерами, неизменно дует южный ветер. По приказанию лорда Гленарвана Джон Мангис вел яхту вблизи берегов архипелага Чилоэ и других бесчисленных осколков этой части Американского материка. Здесь какой-нибудь обломок, сломанная мачта, кусок дерева, обработанный человеческой рукой, могли навести «Дункан» на след

крушения «Британии». Но ничего такого не было видно. Яхта продолжала свой путь и, наконец, через сорок два дня после того, как покинула туманные воды Ферт-оф-Клайд, бросила якорь в порту Талькауано.

Тотчас же Гленарван велел спустить на воду шлюпку, сел в нее вместе с Паганелем, и вскоре они высадились на берег у бревенчатого мола. Ученый-географ хотел было применить на практике свой испанский язык, над изучением которого он так добросовестно потрудились, но, к его крайнему удивлению, туземцы его не понимали.

– Очевидно, у меня плохое произношение, – сказал он.

– Отправимся в таможню, – сказал Гленарван.

В таможне с помощью нескольких английских слов и выразительных жестов ему дали понять, что английский консул живет в Консепсьоне, на расстоянии часа езды. Гленарван легко нашел двух хороших верховых лошадей, и вскоре они с Паганелем уже въезжали в этот большой город, обязанный своим существованием предприимчивому Вальдивия, спутнику братьев Писарро.

Но в какой упадок пришел некогда великолепный город! Подвергающийся набегам индейцев, пострадавший от пожара в 1819 году, со стенами, еще черными от огня, опустошенный, разоренный, он насчитывал теперь едва восемь тысяч жителей, уступая по значению соседнему городу – Талькауано. Жители Консепсьона были до того ленивы, что улицы его зарастали травой, как луга. Никакой торговли, никакой деятельности, никаких дел. С каждого балкона неслись звуки мандолины, а из-за решетчатых ставен слышалось томное пение. Консепсьон, бывший когда-то городом мужчин, стал селением женщин и детей.

Гленарван не выказал большого желания углубляться в причины такого упадка, хотя Паганель и порывался заговорить на эту тему. Не теряя ни минуты, Гленарван отправился к консулу ее величества британской королевы Дж. Р. Бентоку, эсквайру, который принял его очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, взялся навести справки по всему побережью.

Консул Бенток ничего не знал относительно того, было ли выброшено у тридцать седьмой параллели, на чилийском или арауканском побережье, трехмачтовое судно «Британия». Ни каких подобных сведений не поступило ни к нему, ни к его коллегам, консулам других стран. Гленарвана это, однако, не обескуражило. Он вернулся в Талькауано и, не жалея ни хлопот, ни денег, разослал по всему побережью людей на разведку. Тщетно: самые подробные опросы прибрежного населения ничего не дали. Из этого следовало, что после крушения «Британии» от нее не осталось никаких следов.

Гленарван уведомил своих спутников о безрезультатности предпринятых им розысков. Мери Грант и ее брат не смогли скрыть горя. Прошло уже шесть дней со времени прибытия «Дункана» в Талькауано. Его пассажиры собрались на юте. Леди Элен старалась утешить – конечно, не словами (что могла она сказать!), а ласками – детей капитана. Жак Паганель снова взялся за документ: он с глубочайшим вниманием рассматривал его, словно стремясь выпытать у него нечто новое. Уже целый час географ разглядывал документ, когда Гленарван вдруг обратился к нему:

– Паганель! Я полагаюсь на вашу проницательность. Не ошибочно ли наше толкование этого документа? Логичны ли дополненные нами слова?

Паганель ничего не ответил: он размышлял.

– Быть может, мы неверно определили предположительное место катастрофы? – продолжал Гленарван. – Разве слово «Патагония» не бросается в глаза даже самому недогадливому человеку? Паганель продолжал молчать.

– Наконец, слово «индеец» не говорит ли за то, что мы правы? – прибавил Гленарван.

– Несомненно, – отозвался Мак-Наббс.

– А если так, разве не очевидно, что потерпевшим крушение в ту минуту, когда они писали эти строки, грозила опасность попасть в плен к индейцам?..

– Тут я остановлю вас, дорогой Гленарван, – заговорил наконец Паганель. – Если ваши первые выводы верны, то последний, во всяком случае, мне не кажется правильным.

– Что вы хотите сказать? – спросила леди Элен. Все взоры устремились на географа.

– Я хочу сказать, что капитан Грант в настоящее время в плену у индейцев, – раздельно произнес Паганель, – и добавлю, что документ не оставляет никаких сомнений на этот счет.

– Объясните, господин Паганель, – попросила мисс Грант.

– Нет ничего легче, дорогая Мери: вместо того чтобы читать «станут пленниками», нужно читать «стали пленниками», и тогда все становится ясно.

Лорд Гленарван и Паганель в городе Консепсьон.

– Но это невозможно! – воскликнул Гленарван.

– Невозможно? А почему, мой уважаемый друг? – спросил, улыбаясь, Паганель.

– Да потому, что бутылка могла быть брошена только в тот момент, когда судно разбилось о скалы. Отсюда и вывод, что градусы широты и долготы, означенные в документе, указывают место крушения.

– Это не доказано! – с живостью возразил Паганель. – Не вижу, почему потерпевшие крушение не могли бы попытаться дать знать с помощью этой бутылки, где они находятся, уже после того, как индейцы увели их вглубь материка.

– По одной простой причине, дорогой Паганель: для того чтобы бросить в море бутылку, надо, во всяком случае, быть у моря.

– Или, за отсутствием моря, у рек, впадающих в него. Удивленное молчание встретило этот ответ – неожиданный, но вполне приемлемый. По заблестевшим глазам слушателей Паганель мог понять, что в сердце каждого из них снова затеплилась надежда. Первой прервала молчание леди Элен. – Какая мысль! – воскликнула она. – И какая хорошая мысль! – наивно добавил географ. – Так вы думаете... – начал Гленарван.

– Я думаю, что надо найти место пересечения Американского материка тридцать седьмой параллелью и затем следовать вдоль нее, не уклоняясь ни на полградуса, до той точки, где эта параллель уходит в Атлантический океан. Двигаясь по этому маршруту, нам, быть может, и удастся найти потерпевших крушение на «Британии».

– Слабая надежда, – заметил майор.

– Хоть и слабая, но нельзя пренебрегать и такой, – возразил Паганель. – Если предположение мое верно и бутылка была действительно принесена в океан водами одной из рек этого материка, мы непременно нападем на следы пленников. Смотрите, друзья мои, смотрите на карту этой страны: я все докажу вам с полной очевидностью!

Говоря это, Паганель разложил на столе карту Чили и аргентинских провинций.

– Смотрите же, – повторил он, – и следуйте за мной в этой прогулке по Американскому матерiku. Переберемся через узкую полосу Чили. Перевалим через Андские хребты⁵⁵. Спустимся к пампасам. Разве в этой местности мало рек, речек, горных потоков? Наоборот. Вот Рио-Негро, вот Рио-Колорадо, вот их притоки; все они пересечены тридцать седьмой параллелью, и все они свободно могли унести в море бутылку с документом. Быть может, там, среди какого-нибудь оседлого племени индейцев, на берегу одной из этих малоизвестных рек, в каком-нибудь горном ущелье те, кого я вправе назвать нашими друзьями, ждут, томясь в плену, чудесного избавления. Можем ли мы обмануть их надежды? Разве вы не согласны, что нам на до неуклонно придерживаться линии, которую мой палец про водит сейчас по карте? А если, вопреки моим предположениям, я и на этот раз ошибаюсь, разве долг не велит нам двигаться по тридцать седьмой параллели, и если это понадобится для разыскания потерпевших крушение, то и совершить по ней кругосветное путешествие?

Эти великодушные слова, произнесенные Паганелем с таким воодушевлением, произвели глубокое впечатление на слушателей. Все встали и стали пожимать ему руку.

– Да, мой отец там! – крикнул Роберт, жадно глядя на карту.

– И мы найдем его, где бы он ни был, мой мальчик, – заявил Гленарван. – Действительно, ничего не может быть логичнее толкования документа, сделанного нашим другом Паганелем, и надо без всяких колебаний идти по указанному им пути. Капитан Грант мог попасть в плен к многочисленному племени или к племени небольшому. В последнем случае мы сами его освободим. В первом же – разузнав о положении капитана, мы возвращаемся на восточное побережье, садимся на «Дункан» и достигаем Буэнос-Айреса. Здесь майор Мак-Наббс организует такой отряд, который справится со всеми индейцами аргентинских провинций.

– Правильно, правильно, милорд! – воскликнул Джон Манглс. – А я еще добавлю, что этот переход через материк безопасен.

– Безопасен и неустоимителен, – подтвердил Паганель. – Сколько людей совершили этот переход, не располагая нашими возможностями и не имея перед собой, как мы, великой цели, их воодушевляющей! Разве некий Базилио Вильярмо не прошел в 1782 году от Кармен-де-Патагонес до Анд? А чилиец, судья из провинции Консепсьон, дон Луис де ла Крус, выйдя в 1806 году из Антуко и перевалив через Анды, не добрался ли через сорок дней до Буэнос-Айреса, следуя по той же тридцать седьмой параллели? Наконец, полковник Гарсиа, г-н Альсид д'Орбиньи и мой почтенный коллега доктор Мартин де Мусси – разве они не изъездили этот край во всех направлениях, совершив во имя науки то, что мы собираемся совершить во имя человеколюбия!

– Господин Паганель! Господин Паганель! – воскликнула Мери Грант дрожащим от волнения голосом. – Как отблагодарить вас за самоотверженность, которая подвергнет вас стольким опасностям!

– Опасностям? – воскликнул Паганель. – Кто произнес здесь слово «опасность»?

– Не я! – отозвался Роберт.

Глаза мальчугана сверкали и были полны решимости.

– Опасности! – продолжал Паганель. – Да разве они есть? И вообще, о чем говорить? Путешествие всего в каких-нибудь тысячу четыреста километров – ведь мы будем двигаться по прямой линии; путешествие, которое будет совершаться под широтами, соответствующими широтам Испании, Сицилии, Греции в Северном полушарии, значит, почти в таком же климате! наконец, путешествие, которое продлится не больше месяца. Да это прогулка!

– Господин Паганель, – обратилась к нему леди Элен, – значит, вы думаете, что если потерпевшие крушение попали в руки индейцев, им пощадили жизнь?

– Думаю ли я, сударыня? Но эти индейцы не людоеды! Отнюдь! Один мой соотечественник, знакомый мне по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампасах в плену у индейцев. Правда, он перенес там немало страданий, с ним плохо обращались, но в конце концов он вышел победителем из этого испытания. В этих краях европейца считают полезным. Индейцы знают ему цену и заботятся о нем, как о самом полезном животном.

– Итак, решено! – заявил Гленарван. – Нужно отправляться, и немедленно. Каким будет наш путь?

– Нетрудным и приятным, – ответил Паганель. – Вначале горы, потом отлогий восточный склон Кордильер, а дальше – гладкая равнина с травкой и песочком: настоящий сад.

– Посмотрим по карте, – предложил майор.

– Вот, дорогой Мак-Наббс. Мы выступим из той точки чилийского побережья между мысом Румена и заливом Карнеро, где тридцать седьмая параллель вступает на Американский материк. Миновав столицу Араукании, мы горным проходом Антуко перевалим через Береговые Кордильеры, причем вулкан останется в стороне, на юге. Затем спустимся по пологим склонам гор, переберемся через Рио-Колорадо и двинемся через пампасы к озеру Салина-Гранде, к реке Гуамини, к Сьерра – Тапальке. В этом месте проходит граница провинции Буэнос – Айрес. Перейдя ее, мы поднимемся на Сьерра-дель-Тандиль и продолжим наши поиски до мыса Меданос на побережье Атлантического океана.

Описывая маршрут предстоящей экспедиции, Паганель даже не потрудился взглянуть на лежавшую перед его глазами карту: он не нуждался в ней. Его четкая память, хранившая труды Фрезье, Молина, Гумбольдта, Мьерса, д'Орбиньи, не могла ни ошибиться, ни запутаться. Покончив с этой географической номенклатурой, Паганель прибавил:

– Итак, друзья мои, путь наш прям. В месяц мы его за кончим и будем на восточном побережье даже раньше «Дункана», если его хоть немного задержит в пути западный ветер.

– Стало быть, «Дункану» придется крейсировать между мысами Корьентес и Сан-Антонио? – спросил Джон Манглс.

– Именно так.

– А какой вы наметили бы состав нашей экспедиции? – спросил Гленарван.

– Самый малый. Ведь наша цель – разузнать, что с капитаном Грантом. Мы же не собираемся сразу вступать в бой с индейцами. Я думаю, пойдет лорд Гленарван – он, разумеется, будет нашим предводителем; майор, который, конечно, никому не согласился бы уступить свое место; ваш покорный слуга Жак Паганель...

– И я! – крикнул юный Грант.

– Роберт! Роберт! – остановила его сестра.

– А почему бы и нет? – возразил Паганель. – Юноши закаляются в путешествиях. Итак, мы четверо и трое матросов с «Дункана»...

– Как, – спросил Джон Манглс Гленарвана, – а меня вы не берете?

– Дорогой Джон, мы ведь оставляем на борту яхты наших пассажиров, то есть самое драгоценное для нас на свете. Кто лучше может о них позаботиться, чем преданный капитан «Дункана»!

– Так, значит, мы не сможем пойти с вами? – сказала леди Элен. Взор ее затуманился грустью.

– Дорогая Элен, – ответил Гленарван, – наше путешествие должно совершиться в кратчайший срок. Мы расстаемся ненадолго, и...

– Да, друг мой, я понимаю вас, – промолвила леди Элен. – Поезжайте, горячо желаю вам успеха!

– К тому же это даже не путешествие, – заявил Паганель.

– Что же это такое? – спросила леди Элен.

– Да просто переход. Мы совершим его, как совершают путь земной все честные люди, творя добро по мере сил. *Transire Benefaciendo*¹ – вот наш девиз.

Этими словами Паганеля спор закончился, если спором можно назвать разговор, все участники которого держатся одного мнения. В тот же день начались приготовления к экспедиции. Решено было держать их в строжайшей тайне, чтобы не привлечь внимания индейцев.

Отъезд назначили на 14 октября. Когда речь зашла о том, кто из матросов отправится, все они предложили свои услуги. Гленарван не знал, кого выбрать, и, не желая обидеть никого из этих славных малых, решил бросить жребий. Так и было сделано. Повезло помощнику капитана Тому Остину, силачу Вильсону и Мюльреди, который, пожалуй, мог бы состязаться в боксе с самим Томом Сайерсом⁵⁶.

Гленарван проявил исключительную энергию в этих приготовлениях. Он желал завершить их в назначенный день и добился этого. Не менее энергично, чем Гленарван, действовал Джон Манглс. Он спешил запастись углем, чтобы немедленно выйти снова в море. Джону хотелось прибыть на аргентинское побережье раньше путешественников. И вот между Гленарваном и молодым капитаном возникло настоящее соперничество, и оно, конечно, послужило на пользу дела.

14 октября в назначенный час все были готовы. В момент отплытия пассажиры яхты собрались в кают-компании. «Дункан» уже снимался с якоря, и лопасти его винта будоражили прозрачные воды бухты Талькауано. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт Грант, Том Остин, Вильсон и Мюльреди, вооруженные карабинами и кольтами, готовились покинуть яхту. Проводники и мулы ждали их у конца бревенчатого мола.

Остин, Вильсон и Мюльреди

– Пора, – вымолвил наконец лорд Гленарван.

– Ну, отправляйтесь, друг мой, – стараясь сдержать волнение, ответила леди Элен.

Лорд Гленарван прижал ее к груди. Роберт бросился на шею сестре.

– А теперь, дорогие друзья, – воскликнул Паганель, – покрепче пожмем на прощанье друг другу руки, чтобы это рукопожатие чувствовалось до самой нашей встречи на берегах Атлантического океана!

Это, конечно, было невозможно. Однако некоторые обнимались так горячо, что пожелание почтенного ученого могло, пожалуй, и осуществиться.

Все, кто оставался, снова поднялись на палубу, а семеро путешественников покинули «Дункан». Вскоре они высадились у набережной. Маневрировавшая в это время яхта подошла к ней ближе чем на полкабельтова⁵⁷.

– Счастливого пути и успеха, друзья мои! – крикнула в последний раз леди Элен с юта.

– Вперед! – скомандовал Джон Манглс машинисту.

– В путь! – как бы переключаясь с капитаном, крикнул лорд Гленарван.

И в тот момент, когда наши всадники понеслись по прибрежной дороге, «Дункан» на всех парах направился в открытое море.

Глава XI Переход через Чили

Гленарван взял с собой четырех проводников-туземцев: трех мужчин и одного мальчика. Во главе их стоял англичанин, проживший в этой стране более двадцати лет. Занимался он тем, что отдавал внаем мулов путешественникам и был про водником через Кордильеры. Перевалив через горы, он обыкновенно передавал своих путешественников «бакеано» – аргентинскому проводнику, хорошо знакомому с дорогами в пампасах. Англичанин еще не совсем забыл в обществе индейцев и мулов свой родной язык и мог разговаривать с нашими путешественниками. Гленарван был очень рад, что благодаря этому индейцы понимали и выполняли его приказы, ведь Жаку Паганелю никак не удавалось объясниться с ними. При проводнике (туземцы называли его «катапац»¹) было два подручных пеона и двенадцатилетний мальчуган. Пеоны погоняли мулов, нагруженных багажом экспедиции, а мальчик вел «мадрину» – невысокую кобылу с бубенчиками. Мадрина шла впереди, десять мулов следовали за ней. На семи из них ехали наши путешественники, на восьмом – катапац. Остальные два мула были нагружены съестными припасами и рулонами ткани, которые должны были задобрить кациков⁵⁸. Пеоны шли, как они привыкли, пешком. Переход через Южную Америку обещал быть быстрым и безопасным.

Перевалить через Анды не так-то легко. Сделать это можно, только имея в своем распоряжении выносливых мулов, из которых наиболее ценятся аргентинские. У этих превосходных животных выработались свойства, какими порода их первоначально не обладала. Они неприхотливы в пище, пьют раз в день, легко проходят сорок километров за восемь часов и свободно несут груз в четырнадцать арробов⁵⁹.

На всем пути от одного океана до другого нет ни одного постоянного двора. Обычно путешественники питаются в дороге сушеным мясом, рисом, приправленным перцем, и дичью, которую удастся подстрелить. В горах пьют из потоков, на равнине – из ручьев. К воде прибавляют несколько капель рома, хранящегося у каждого путешественника в бычьем роге – шифле. Впрочем, в тех краях лучше пить поменьше спиртного, ибо нервы и без того в очень возбужденном состоянии. А все постельные принадлежности заменяет туземное седло – рекадо. Оно сделано из пелионов – бараньих шкур, дубленных с одной стороны и покрытых шерстью с другой, – и укрепляется на муле широкими, роскошно вышитыми подпругами. Ночью путешественник, завернувшись в эти теплые пелионы, спокойно спит: ему нипочем никакая сырость.

Гленарван, бывалый путешественник, умеющий принаравливаться к местным обычаям, оделся сам и одел своих спутников в чилийские одежды. Паганель и Роберт – большое дитя и малое – пришли в невыразимый восторг, когда просунули головы в чилийское пончо – широкий плащ с отверстием посередине, а на ноги натянули сапоги из лошадиной кожи. И надо было видеть, какой вид имели их мулы в богатой сбруе, с арабскими удилами во рту, с длинными плетеными поводьями, служившими в то же время и кнутом, с металлическими украшениями на уздечке, с яркими альфорхас – двойными холщовыми мешками с дневным запасом продуктов. Пока рассеянный Паганель взбирался на такого великолепного мула, животное три или четыре раза чуть не лягнуло его. Усевшись же в седло, с неразлучной подзорной трубой через плечо, и оперевшись ногами в стремяна, наш ученый всецело положился на опытность своего мула, и надо сказать, что ему не пришлось в этом раскаиваться. Роберт же проявил замечательные способности к верховой езде.

Двинулись в путь. Погода была чудесная. Хотя на небе не было ни облачка, но зноя не чувствовалось – дул свежий ветер с моря. Маленький отряд быстро продвигался по извилистым берегам бухты Талькауано, стремясь выйти в тридцати милях к югу на тридцать седьмую параллель. Целый день быстро ехали среди камышей пересохших болот, но говорили мало: слишком живо было впечатление от прощания с оставшимися на яхте. Еще виднелся дым «Дункана», уже исчезавшего за горизонтом. Все молчали, за исключением Паганеля: усердный географ задавал себе вопросы по-испански и отвечал сам себе на том же языке.

Глава проводников – катапац – был человеком довольно молчаливым; к тому же и его профессия не очень располагала к болтовне. Он почти не разговаривал с пеонами. Те прекрасно знали свое дело. Когда какой-нибудь из мулов останавливался, они подгоняли его гортанным криком, а если это не помогало, то преодолевали упрямство животного, метко швыряя в него камнями. Когда, случалось, ослабевала подпруга или сваливалась уздечка, пеон сбрасывал свой плащ и, покрыв им голову мула, приводил все в порядок, после чего животное снова пускалось в путь.

Погонщики мулов имеют обыкновение начинать дневной переход после завтрака, в восемь часов утра, и останавливаться на ночлег в четыре часа пополудни. Гленарван сообразовался с этим обычаем. Когда катапац подал сигнал к остановке, путешественники, ехавшие весь день у пенистых волн океана, приближались к городу Арауко, расположенному в самой южной части бухты. Отсюда до места, где начинается тридцать седьмая параллель, – до залива Карнеро – надо было проехать к западу еще миль двадцать. Но нанятые Гленарваном люди уже осмотрели всю эту часть побережья и не нашли никаких следов крушения. Новое обследование было бы излишним. Поэтому решили, что из Арауко экспедиция направится по прямой линии на восток.

Маленький отряд остановился на ночь в городе, расположившись прямо во дворе одного трактира, благоустроенность которого оставляла желать лучшего.

Арауко – столица Араукании, крошечного государства, занимающего площадь всего в каких-нибудь сто пятьдесят лье в длину и тридцать в ширину. Населяют Арауканию молуче – эти первородные сыны Чили. Гордое и сильное племя молуче – единственное из племен Америки, которое никогда не подпадало под иноземное владычество. Правда, некогда город Арауко был захвачен испанцами, но население Араукании не подчинилось им. Оно оказывало им такое же сопротивление, какое теперь оказывает захватническим попыткам Чили. И по ныне государственный флаг его – белая звезда на лазурном фоне, – развеваясь на укрепленном холме, защищающем столицу, гордо говорит о независимости Араукании⁶⁰.

Герб королевства Араукании и Патагонии.

Как видно, до Европы достигали несколько искаженные сведения.

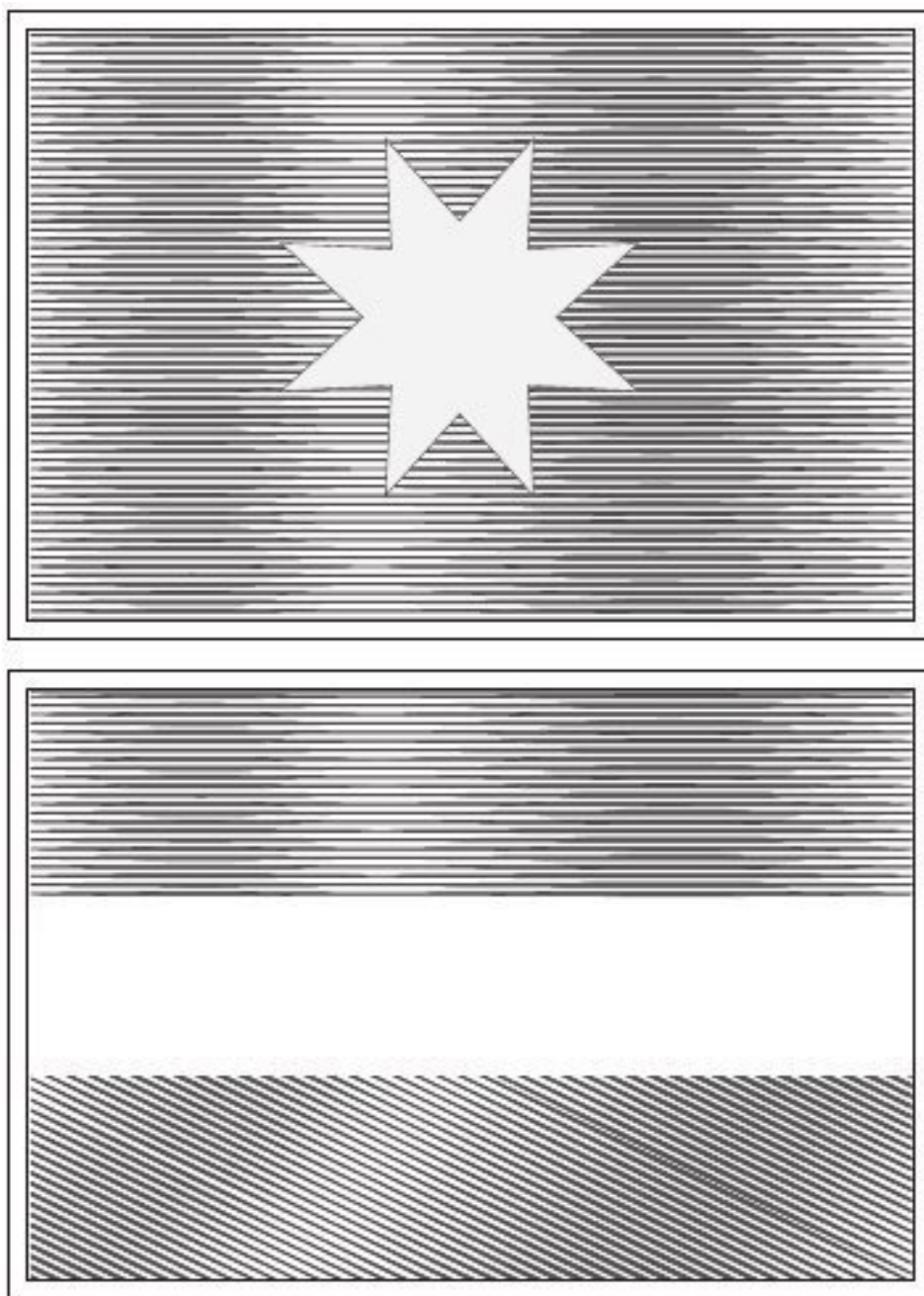
Пока готовили ужин, Гленарван, Паганель и катапац прогуливались по городу, между домами с соломенными крышами. В Арауко, кроме церкви и развалин францисканского монастыря, не было ничего достопримечательного. Гленарван попытался разузнать что-нибудь о «Британии», но безуспешно. Несмотря на все старания Паганеля, никто из местных жителей не понимал его. Но раз родным языком их было, как и повсюду здесь, до самого Магелланова пролива, арауканское наречие, то, конечно, испанский язык мог пригодиться ему не больше древнееврейского. Но географ тешил если не слух, то глаз: разглядывая различные типы молуче, он как ученый испытывал истинную радость.

Мужчины были рослые, с плоскими лицами медно – красного цвета, крупными головами с копной черных волос, все безбородые: у них было в обычае выщипывать себе бороду. Во взгляде их сквозило недоверие.

Казалось, они предавались безделью, – безделью воинов, не знающих, чем заняться в мирное время. Их несчастные и отважные женщины несли на себе всю тяжелую работу по домашнему хозяйству, чистили лошадей и оружие, ходили за плугом, охотились за дичью вместо своих повелителей – мужчин. При всем этом женщины молuche умудрялись еще выделять пончо – национальные плащи бирюзового цвета. Каждое из этих пончо требовало двух лет работы и стоило не меньше ста долларов. В общем, молuche – народ малоинтересный, с довольно-таки дикими нравами. Им свойственны почти все человеческие пороки, но только одна доблесть – любовь к независимости⁶¹.

– Настоящие спартанцы! – повторял Паганель после прогулки за ужином.

Конечно, почтенный ученый преувеличивал, но он еще больше удивил своих собеседников, прибавив, что его французское сердце громко билось во время прогулки по городу Арауко. На вопрос майора, что же могло вызвать это внезапное сердцебиение, Паганель ответил, что волнение его было совершенно естественным, ибо еще не так давно один из его соотечественников занимал престол Араукании. Майор попросил географа сообщить имя этого монарха. Жак Паганель с гордостью назвал господина де Тоннена, бывшего адвоката из Периге, доблестного человека, обладателя пышной бороды, который претерпел в Араукании то, что лишившиеся трона короли охотно называют «неблагодарностью своих подданных». Так как майор, услышав о бывшем адвокате, изгнанном с престола, насмешливо улыбнулся, то Паганель с полной серьезностью заметил, что, пожалуй, легче адвокату стать хорошим королем, чем королю хорошим адвокатом. Эти слова вызвали всеобщий смех. И тут же все выпили несколько глотков маисовой водки за здоровье бывшего короля Араукании – Орелия Антония I.⁶²

Паганель и Жюль Верн немного ошибаются: Белая звезда на лазурном поле – знамя племени молуче. Знамя Араукании состоит из трех полос. Синяя символизирует небо, белая – свободу и снежные вершины Анд, а зеленая – плодородие и процветание.

Через несколько минут путешественники, завернувшись в свои пончо, уже спали крепким сном.

На следующее утро, в восемь часов, маленький отряд двинулся вдоль тридцать седьмой параллели на восток. Шли в том же порядке: впереди – мадрина, сзади – мулы. Дорога проходила по плодородной земле Араукании, богатой виноградниками и пастбищами. Но мало-помалу местность делалась все пустынее. Изредка встречались то хижина «растреадорес» – индейских объездчиков диких лошадей, известных по всей Америке, то какая-нибудь заброшенная почтовая станция, служившая теперь приютом бродяге-туземцу. Две реки преградили за этот день путь отряду: Раке и Тубал, но в обоих случаях катапац нашел брод.

У горизонта тянулась горная цепь Анд, постепенно повышаясь и вырисовываясь все более частыми пиками по направлению к северу. Но это еще были только нижние позвонки огромного хребта, поддерживающего могучее туловище Нового Света.

В четыре часа пополудни, после перехода в тридцать пять миль, путешественники, встретив среди равнины рощицу из гигантских миртов, сделали здесь привал. Мулов разнуздали и расседлали, и они принялись щипать густую луговую траву. Из ярких двойных мешков – альфорхас – достали неизменное сухое мясо и рис. После ужина путешественники улеглись на землю и, закутавшись в бараньи пелионы, положив под голову седла – рекадо, погрузились в глубокий целительный сон. Катапац и пеоны бодрствовали поочередно всю ночь.

Погода была благоприятной, и все участники экспедиции, не исключая и Роберта, хорошо себя чувствовали. Раз путешествие начиналось при таких счастливых предзнаменованиях, надо было этим пользоваться и «оседлать удачу», как делают это игроки. Таково было общее мнение.

На следующий день двигались быстро, благополучно переправились через пороги реки Бель, и, когда вечером расположились лагерем на берегу Био-Био, протекавшей на границе между Чили испанским и Чили независимым, Гленарван отметил, что экспедицией пройдено еще тридцать пять миль. Местность не менялась. Край был плодородный, кругом росли во множестве амариллис, фиалковое дерево, дурман и кактусы с золотистыми цветами. В чаще прятались какие-то звери; среди них оцелот – дикая кошка. Птиц было немного: иногда только мелькали цапля, чомга, одинокая сова или спасающиеся от когтей сокола дрозды. Туземцев почти не встречалось. Лишь изредка, словно тени, проносились галопом «гуасо» – вырождающиеся потомки индейцев и испанцев; бока их лошадей были исколоты огромной шпорой, привязанной к голой ноге всадника⁶³. По дороге не попадалось никого, кто мог бы что-нибудь сообщить путешественникам. Но Гленарван уже примирился с этим. Он старался убедить себя, что индейцы, захватив в плен капитана Гранта, должны были увести его по ту сторону Анд – следовательно, поиски могли дать какие-либо результаты только в пампасах, а не по эту сторону гор. Значит, пока надо было запастись терпением и быстро двигаться вперед.

17-го тронулись в путь в обычное время и в установленном порядке. Соблюдать этот порядок Роберту было нелегко. Горячий мальчуган, к отчаянию своего мула, все порывался опередить мадрину, и только строгий окрик Гленарвана мог вернуть его на место.

Местность становилась менее ровной. Появившиеся холмы и бурно катившиеся многочисленные рио – речки – указывали на близость гор. Паганель часто заглядывал в карту, и если какая-нибудь из речек там не значилась, а это бывало нередко, кровь географа закипала, и он очень забавно сердился.

– Речка без названия – это все равно что человек без паспорта, – с возмущением говорил ученый. – Для географического закона она не существует.

На этом основании наш ученый, не стеснясь, давал этим безыменным речкам самые звучные испанские названия и тут же заносил их на свою карту.

– Что за язык! – повторял Паганель. – Какой он звучный и гармоничный! Он будто вылит из металла! Я уверен, что в нем семьдесят восемь частей меди и двадцать две части олова – как в той бронзе, из которой льют колокола.

– Делаете вы успехи в испанском языке? – спросил его Гленарван.

– Конечно! Если бы только не это проклятое произношение! И Паганель, не унывая, громогласно боролся с трудностями испанского произношения, что, впрочем, не мешало ему делать и географические наблюдения. В этой-то области он был удивительно силен, и тут уж, конечно, превзойти его никто не мог. Когда Гленарвану случалось обратиться к катапацу с вопросом относительно какой-нибудь особенности данного края, географ всегда опережал проводника. Катапац с великим изумлением смотрел на ученого.

В этот самый день, около двух часов дня, путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у катапаца ее название, и, естественно, ему ответил Жак Паганель:

– Это дорога из Юмбея в Лос-Анхелес. Гленарван посмотрел на катапаца.

– Совершенно верно, – подтвердил тот, а затем, обращаясь к географу, спросил: – Вы, значит, проезжали в этих краях?

– Разумеется! – серьезным тоном ответил Паганель.

– На муле?

– Нет, в кресле.

Катапац, очевидно, не понял его, так как, пожав плечами, вернулся на свое обычное место во главе отряда.

В пять часов вечера сделали привал в неглубоком ущелье, в нескольких милях от города Лаха. Эту ночь путешественники провели у подножия сьерры – первых ступеней Анд.

Глава XII

На высоте двенадцати тысяч футов

Переход через Чили совершался до сих пор без значительных происшествий. Но теперь должны были возникнуть все те препятствия и опасности, с которыми сопряжено путешествие в горах. Начиналась борьба с суровой природой.

Прежде чем пуститься в путь, нужно было решить один важный вопрос: какой перевал через Кордильеры выбрать, чтобы не отклониться от намеченного пути. Спросили мнение катапаца.

– В этой части Кордильер, – ответил тот, – я знаю лишь два перевала, удобных для езды.

– Вы, без сомнения, имеете в виду перевал Арика, открытый Вальдивия Мендосой? – спросил Паганель.

– Да.

– А второй, не правда ли, перевал Вильяррика?

– Правильно.

– Но, друг мой, оба эти перевала нам не подходят, потому что один из них лежит далеко к северу, а другой – далеко к югу от нашего пути.

– А вы можете предложить нам еще какой-нибудь проход? – обратился к географу майор.

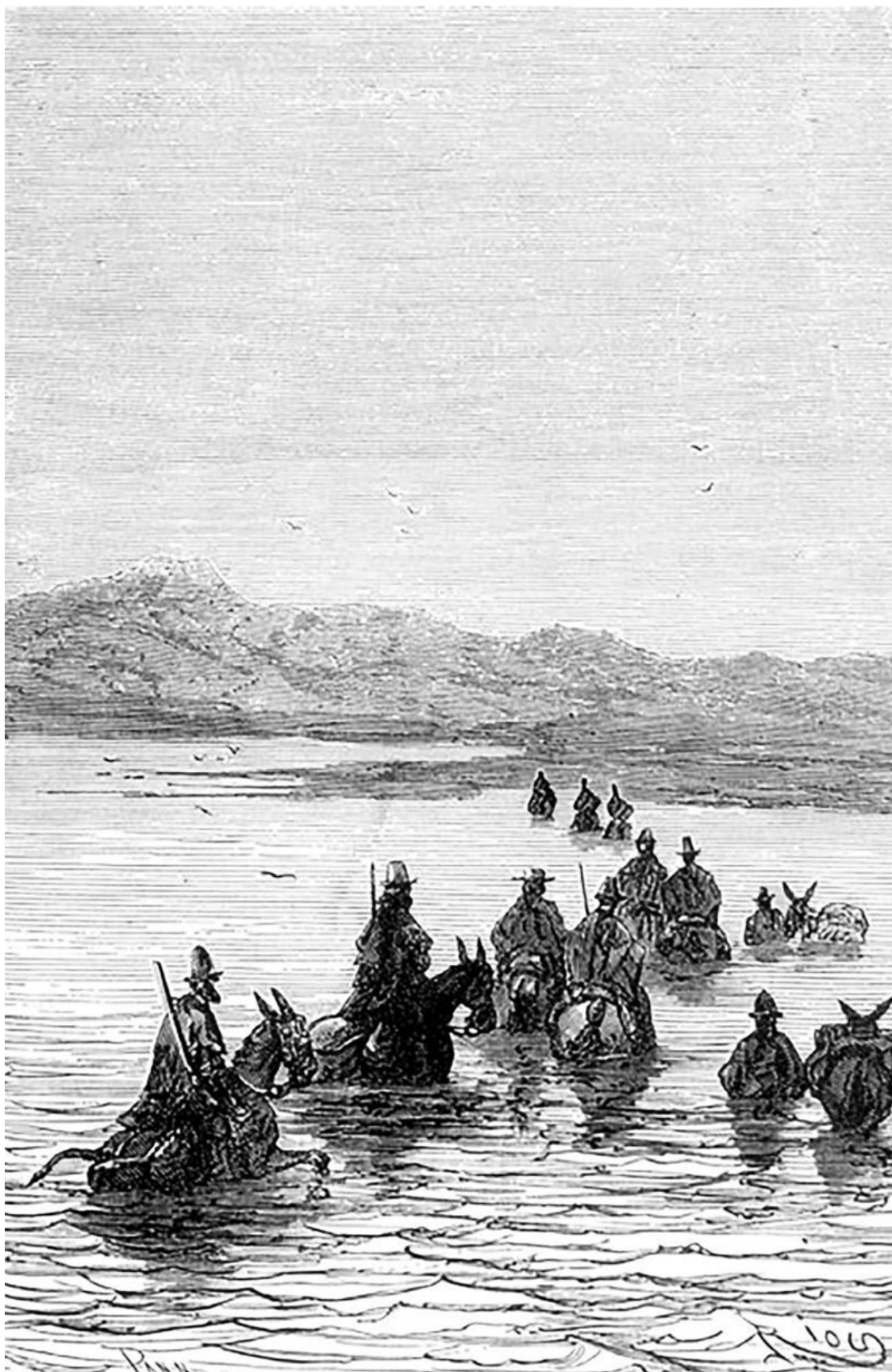
– Могу, – ответил Паганель, – я имею в виду проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом тридцатью тремя минутами южной широты, то есть приблизительно в полуградусе от нашего пути, на высоте всего шести тысяч футов.

– Прекрасно! – сказал Гленарван. – Ну а вы, катапац, знаете этот перевал?

– Да, милорд, мне случалось проходить им, а не упомянул я о нем только потому, что это скорее горная тропа, по которой гонят свой скот пастухи-индейцы с восточных склонов.

– Ну что ж, друг мой, – сказал Гленарван, – там, где проходят стада лошадей, баранов и быков, сумеем пройти и мы. А раз этот проход ведет нас по прямой линии, пойдем через него!

Немедленно был дан сигнал к отправлению, и отряд углу бился в лежащую меж больших известковых скал долину Лас-Лahas. Подъем был едва замечен. Около одиннадцати часов утра пришлось обогнуть небольшое озеро. Этот естественный водоем был живописным местом встречи всех соседних речек: журча, стекались они сюда и безмолвно сливались в прозрачной глади. Над озером поднимались «льянос» – обширные, по росшие дикими злаками склоны, где пасся скот индейцев. Вскоре отряд наткнулся на болото, тянувшееся к югу и к северу. Только благодаря инстинкту мулов путешественники выбрались оттуда благополучно.

Трудно сказать, изобразил ли Риу болото или озеро.

В час пополудни показался форт Бальенаре; он возвышался на утесе, как бы увенчивая его остроконечную вершину своими полуразвалившимися стенами. Отряд проехал мимо.

Дорога становилась круче и каменистее; камни шумным каскадом скатывались из-под ног мулов. Около трех часов появились живописные развалины другого форта, разрушенного во время восстания 1770 года.

– Как будто горы, – сказал Паганель, – недостаточная преграда для людей, и нужны еще укрепления!

Начиная отсюда, дорога стала не только трудной, но даже и опасной. Подъемы сделались более крутыми, пропасти – угрожающе глубокими, тропинки по их краю становились все уже и уже. Мулы шли вперед осторожно, нагнув голову, обнюхивая дорогу. Ехали гуськом. Случалось, что на каком-нибудь крутом повороте мадрина вдруг исчезала из виду, и тогда маленький караван шел на отдаленное позвякивание ее колокольчика. Нередко извилистая тропа раздвигалась, отряд двигался по параллельным тропинкам, и катапац переговаривался со своими пеонами через непроходимую пропасть шириной всего в каких-нибудь двадцать футов, но глубиной в две тысячи.

Здесь трава еще боролась с камнями, пробиваясь между ними, но уже чувствовалось, что царство минералов побеждает царство растений. О близости вулкана Антуко говорили застывшие потоки лавы цвета железа, испещренные иглообразными желтыми кристаллами. Нагроможденные друг на друга утесы, казалось, должны были вот-вот обрушиться и удерживались на своем месте вопреки всем законам равновесия. Вероятно, их очертания легко менялись во время землетрясений. И при взгляде на все эти склонившиеся набок остроконечные вершины, покосившиеся купола, бугры было ясно, что для этой горной местности час окончательного формирования еще не пробил.

В таких условиях дорогу не так-то легко разыскать. Почти непрекращающиеся сотрясения костяка Анд часто меняют трассу, ориентиры исчезают. Поэтому катапац часто останавливался, разглядывал скалы, старался найти среди легко крошившихся камней следы индейцев. Но не оставалось никаких примет.

Гленарван шаг за шагом следовал за проводником. Он все понимал и чувствовал, как замешательство катапаца возрастало с трудностями пути. Он не решался задавать ему вопросы, считая, быть может не без основания, что не только у мулов, но и у их погонщиков есть инстинкт, на который и следует полагаться.

Так – можно сказать, наудачу – катапац брел еще с час, все поднимаясь, однако, в гору. Наконец он принужден был остановиться. Отряд находился в одном из узких ущелий, называемых индейцами «кебрадас». Дорогу преградила отвесная скала из порфира. После тщетных поисков какого-нибудь прохода катапац слез с мула и, скрестив на груди руки, остановился в выжидательной позе. Гленарван подошел к нему.

Отряд поднимается в Анды

– Вы заблудились? – спросил он.
– Нет, милорд, – ответил катапац.

- Однако мы ведь не в проходе Антуко?
- Мы в нем.
- Вы не ошибаетесь?
- Не ошибаюсь. Вот зола костра, который разводили здесь индейцы, а вон следы, оставленные стадами лошадей и овец.
- Так, значит, по этой дороге можно пройти?
- Теперь уже нельзя: последнее землетрясение сделало ее непроходимой.
- Для мулов, но не для людей, – отозвался майор.
- Ну, это ваша забота, – ответил катапац, – я сделал все, что мог. Если вам угодно, мы с моими мулами готовы вернуться назад и искать других проходов через Анды.
- И на сколько это задержит нас?
- Дня на три, не меньше.

Гленарван задумался. Разумеется, катапац не отступал от условий, его мулы не могли идти дальше.

Но когда он предложил вернуться назад, Гленарван, обернувшись к своим спутникам, спросил их:

- Может быть, попробуем все-таки пройти?
- Мы пойдем за вами, – ответил Том Остин.
- И даже впереди вас, – добавил Паганель. – В чем, собственно говоря, дело? Надо перевалить через горную цепь, противоположный склон которой несравненно более отлог, чем тот, где мы сейчас находимся. Спустившись же по тому склону, мы раздобудем себе и аргентинских проводников – бакеанос, и быстроногих коней, привыкших скакать по равнинам. Вперед, и без колебаний!
- Вперед! – подхватили спутники Гленарвана.
- А вы не отправитесь с нами? – спросил катапаца Гленарван.
- Я погонщик мулов, – ответил тот.
- Как хотите.
- И без него обойдемся, – сказал Паганель. – Ведь по ту сторону этой скалы мы снова очутимся на тропинках прохода Антуко, и я ручаюсь, что не хуже лучшего местного проводника выведу вас самым прямым путем к подножию Кордильер.

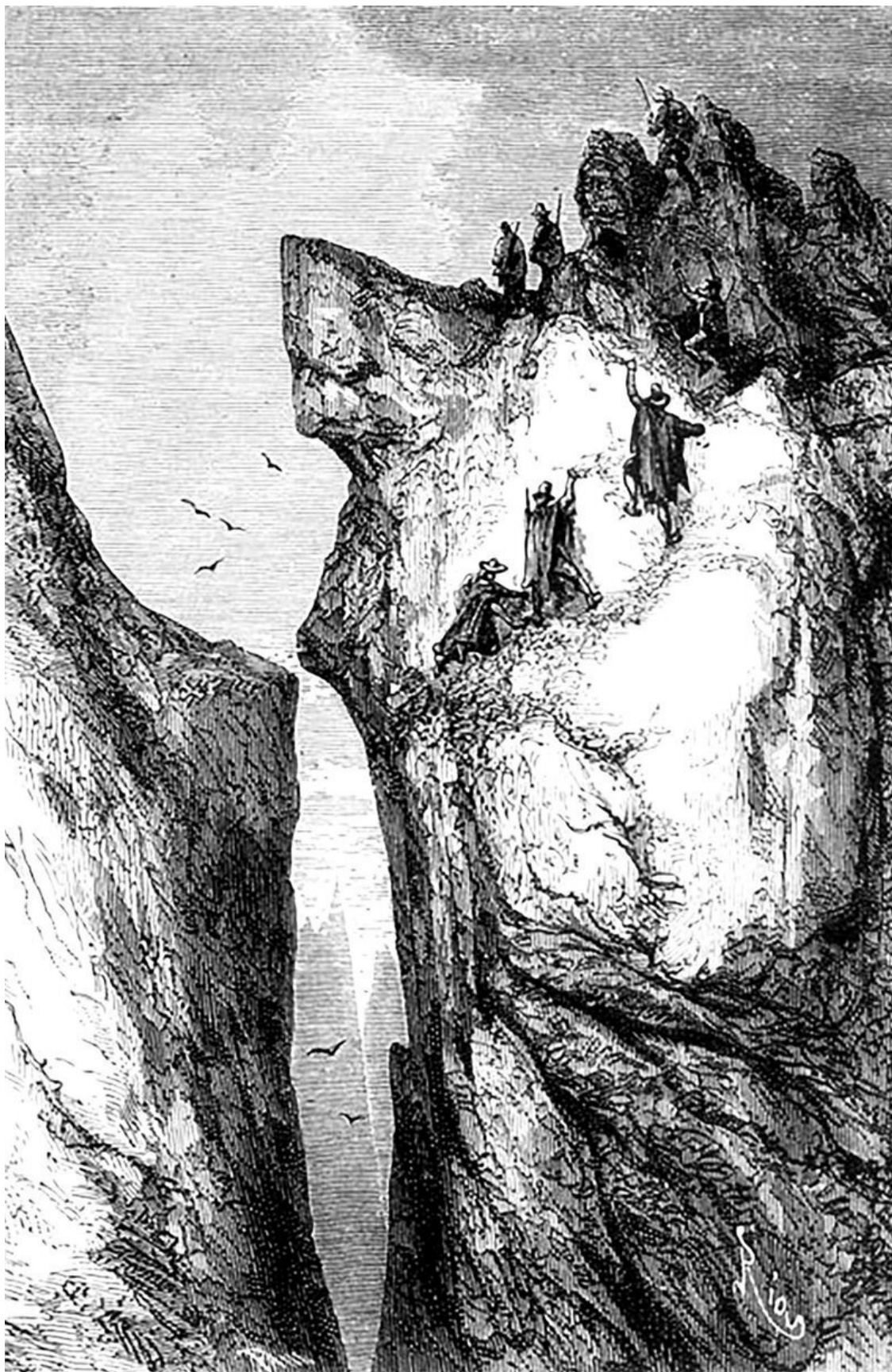
Гленарван уплатил катапацу то, что ему причиталось, и отпустил его вместе с его пеонами и мулами. Оружие, инструменты и съестные припасы были распределены между семью путешественниками. С общего согласия, было решено немедленно начать восхождение и, если понадобится, провести в пути часть ночи. По левому склону гор вилась очень крутая тропинка, по которой мулы не могли бы пройти. Подниматься по такой тропинке было чрезвычайно трудно, но все же после двух часов изнурительного, запутанного пути Гленарван и его спутники снова выбрались в проход Антуко.

Теперь они находились уже недалеко от вершины хребта. Но никакой протоптанной тропы не было. Недавнее землетрясение все здесь изменило. Это неожиданное исчезновение тропы порядком озадачило Паганеля. Он подумал, что теперь подъем на вершину Анд, средняя высота которых колеблется от одиннадцати до двенадцати тысяч шестисот футов, будет сопряжен с большими трудностями. К счастью, время года было благоприятное: ветра нет, на небе ни облачка. Зимой – с мая по октябрь – такое восхождение было бы невозможно⁶⁴. Снежные лавины убивают путешественников, а тех, кого они пощадят, часто приканчивают жестокие «темпоралес» – местные ураганы, которые ежегодно сбрасывают новые жертвы в пропасти Анд. Подъем продолжался всю ночь. Путники то взбирались на почти неприступные площадки, цепляясь руками за их выступы, то перепрыгивали через широкие и глубокие расщелины. Плечи товарищей при этом служили лестницей, а поданные друг другу руки – веревками. Отважные путешественники походили на труппу каких-то ловкачей-акробатов. Вот когдагодились

сила Мюльреди и ловкость Вильсона. Этим славным шотландцам приходилось просто разрываться на части, и их отвага и преданность не раз спасали весь отряд. Гленарван не спускал глаз с Роберта, так как мальчуган по своей горячности был очень неосторожен. Паганель устремлялся вперед с чисто французским пылом. Майор же потихоньку продвигался по склону, не делая ни одного лишнего движения. Замечал ли он вообще, что уже несколько часов поднимается в гору? Наверное, нет! Быть может, ему даже казалось, что он спускается. В пять часов утра барометр⁶⁵ показал, что путешественники уже достигли высоты в семь тысяч пятьсот футов. Они находились на так называемых вторичных плоскогорьях, где кончалась древесная растительность. Тут прыгали животные, которые осчастливили бы любого охотника, но они сами прекрасно знали это, ибо, еще издали завидев людей, уносились со всех ног. Это были ламы⁶⁶ – драгоценные горные животные, заменяющие и барана, и быка, и лошадь, способные жить там, где не смог бы существовать даже мул, – и шиншиллы – маленькие боязливые грызуны, нечто среднее между зайцем и тушканчиком, ценные своим мехом⁶⁷. Задние лапки делали их похожими на кенгуру. Очень забавно было смотреть, как эти проворные зверьки, подобно белке, скакали по верхушкам деревьев.

– Это еще не птица, но уже не четвероногое, – заметил Паганель.

Однако лама и шиншилла не были последними животными, встреченными маленьким отрядом во время подъема. На высоте девяти тысяч футов, у границы вечных снегов, бродили целыми стадами жвачные животные необыкновенной красоты: альпака с длинной шелковистой шерстью и викуни – безрогая коза, изящная и благородная, с тончайшей шерстью⁶⁸. Но приблизиться к этим красавицам гор было немыслимо, да и рассмотреть их было трудно: они уносились, как на крыльях, бесшумно скользя по ослепительно белым коврам снега.

Подъем становился опасным.

Все вокруг преобразилось: поднимающиеся со всех сторон огромные глыбы блестящего, местами синеватого льда отражали первые лучи восходящего солнца. Подъем стал очень опас-

ным. Нельзя было ступить ни шагу, не прощупав самым тщательным образом, нет ли под снегом расщелины. Вильсон шел во главе отряда, пробуя ногой крепость льда. Его спутники поднимались за ним, стараясь идти точно по его следам и избегая повышать голос, ибо малейший шум, сотрясая воздух, мог вызвать обвал снегов, нависших футах в семистах или восьмистах над их головами.

Путники достигли пояса кустарников. Когда они поднялись еще на двести пятьдесят футов⁶⁹, кустарники сменились злаками и кактусами. На высоте же одиннадцати тысяч футов исчезли и они. На бесплодной почве уже не видно было никакой растительности. За все время подъема путешественники сделали лишь один привал, в восемь часов утра. Быстро передохнув и кое-как подкрепившись, они, преодолевая усталость, отважно возобновили подъем, пренебрегая все возрастающими опасностями. Им приходилось перелезать через остроконечные гребни, пробираться над пропастями, куда даже заглянуть было страшно. Во многих местах попадались деревянные кресты, указывавшие места прошлых катастроф. Около двух часов пополудни между оголенными остроконечными вершинами развернулось огромное, без всяких следов растительности плоскогорье, похожее на пустыню. Воздух здесь был сухой, а небо ярко-голубого цвета. На этой высоте дождей не бывает: испарения здесь превращаются в снег или град. Повсюду, словно кости скелета, торчали из – под белого покрова остроконечные порфиновые и базальтовые вершины. Иногда обваливались куски разрушавшегося от выветривания кварца или гнейса; разреженный воздух почти заглушал тупой звук их падения.

Несмотря на все мужество путешественников, силы начали изменять им. Гленарван, видя, до чего изнурены его спутники, стал уже раскаиваться в том, что завел их так далеко в горы.

Юный Роберт старался не поддаваться усталости, но сил у него не могло хватить надолго. В три часа Гленарван остановился.

– Надо отдохнуть, – сказал он, сознавая, что никто, кроме него, не сделает такого предложения.

– Отдохнуть, но где? – отозвался Паганель. – Ведь здесь нет никакого укрытия.

– Но это необходимо, хотя бы для Роберта.

– Да нет, милорд, я еще могу идти... – возразил отважный мальчуган. – Не останавливайтесь...

– Тебя понесут, мой мальчик, – перебил его Паганель, – но нам во что бы то ни стало необходимо добраться до восточного склона. Там, быть может, мы найдем какой-нибудь кров. Прошу вас продержаться еще два часа.

– Все ли согласны на это? – спросил Гленарван.

– Да, – ответили его спутники.

– А я берусь нести мальчика, – прибавил Мюльреди.

И отряд снова двинулся на восток. Еще целых два часа длился этот ужасающий подъем. Надо было добраться до самой вершины. Разреженный воздух вызывал у путешественников болезненное удушье, кровоточили десны и губы. Чтобы усилить кровообращение, приходилось часто дышать, а это утомляло не меньше, чем ослепительный блеск снегов. Как ни велика была сила воли у этих мужественных людей, но настала минута, когда самые отважные из них изнемогли, и головокружение, этот ужасный бич гор, лишило их не только физических, но и душевных сил. Нельзя безнаказанно пренебрегать подобным переутомлением: то один, то другой падал, а поднявшись, был уже не в состоянии идти и тащился на коленях или ползком. Было ясно, что обессиленные люди скоро совсем не смогут продолжать слишком затянувшийся подъем.

Гленарван не без ужаса глядел на необозримые снега, сковавшие холодом эту мрачную область; на вечерний сумрак, уже заволакивавший пустынные вершины, – глядел и с болью

в сердце думал о том, что кругом нет никакого пристанища, как вдруг майор, остановив его, сказал спокойным голосом:

– Хижина.

Глава XIII

Спуск с Анд

Всякий другой на месте Мак-Наббса раз сто прошел бы мимо этой хижины, кругом нее и даже над нею, не заподозрив о ее существовании. Занесенная снегом, она почти не выделялась среди окрестных скал. Пришлось откапывать ее. Полчаса упорно го труда Вильсона и Мюльреди ушло на то, чтобы освободить вход в хижину, и маленький отряд поспешил укрыться в ней.

Хижина эта была построена индейцами, сложившими ее из «адобес» – кирпичей из глины и соломы, высушенных на солнце. Она имела форму куба высотой в двенадцать футов и стояла на вершине базальтовой скалы. Каменная лестница вела к входу – единственному отверстию в хижине, и как ни был узок этот вход, но когда в горах по временам бушевал ветер, снег и град проникали через него внутрь.

В хижине свободно могли поместиться десять человек, и стены ее, недостаточно предохранявшие от влаги в период дождей, в это время года служили неплохой защитой от резкого холода – термометр показывал десять градусов ниже нуля. К тому же очаг с трубой из кое-как сложенных кирпичей позволял развести огонь и успешно бороться с холодом.

– Вот и приют, хотя и не особенно удобный, но, во всяком случае, сносный, – сказал Гленарван.

– Как, – воскликнул Паганель, – да это просто дворец! Не хватает лишь караула и придворных. Мы здесь чудесно устроимся!

– Особенно когда в очаге запылает огонь, – прибавил Том Остин. – Ведь мы все не только проголодались, но и замерзли, и меня лично хорошая вязанка дров порадовала бы больше, чем кусок мяса.

– Что ж, Том, постараемся раздобыть топлива, – отозвался Паганель.

– Топливо – на вершинах Кордильер! – сказал Мюльреди, недоверчиво качая головой.

– Раз в хижине устроили очаг – значит, поблизости есть и топливо, – заметил майор.

– Наш друг Мак-Наббс совершенно прав, – сказал Гленарван. – Готовьте все к ужину, а я возьму на себя обязанности дровосека.

– Мы с Вильсоном пойдем вместе с вами, – объявил Паганель.

– Если я могу быть вам полезен... – сказал, вставая с места, Роберт.

– Нет, мой храбрый мальчик, отдыхай, – ответил Гленарван. – Ты станешь мужчиной, когда твои сверстники будут еще детьми.

Гленарван, Паганель и Вильсон вышли из хижины. Было шесть часов вечера. Мороз сильно обжигал, хотя воздух был неподвижен. Голубое небо начинало темнеть, и последние лучи заходящего солнца озаряли остроконечные вершины гор. Паганель захватил с собой барометр.

Взглянув на него, он убедился, что давление ртути соответствует высоте в одиннадцать тысяч семьсот футов, – следовательно, эта часть Анд была ниже Монблана⁷⁰ только на девятьсот десять метров. Если бы в здешних горах встречались такие же трудности, какие встречаются на каждом шагу на гигантской швейцарской горе, и если бы путешественники попали в бури и метели, то ни один из них, конечно, не перебрался бы через мощную горную цепь Нового Света.

Гленарван и Паганель, взобравшись на порфиновый утес, оглядели горизонт. Они находились на самой верхушке главного хребта Анд и охватывали взором пространство в сорок

квадратных миль. Восточный склон был отлог. По его откосам можно было легко спускаться, а пеоны умудрялись даже скользить по ним на протяжении сотен саженей. Вдали виднелись громадные продольные полосы морен, образовавшихся из камней и обломков скал, оттесненных туда ледниками. Долина Рио-Колорадо уже погружалась в тень: солнце склонялось к западу. Освещенные его лучами выступы скал, шпили, пики один за другим угасали, и весь восточный склон мало-помалу темнел. Западный же, отвесный склон со всеми его отрогами был еще освещен. Вид этих скал и ледников, залитых лучами заходящего солнца, был ослепительно красив. К северу спускался волнообразно ряд вершин. Незаметно сливаясь друг с другом, они образовали смутно теряющуюся вдали неровную линию, словно проведенную неумелой рукой. Зато на юге зрелище было великолепное, и по мере приближения ночи оно становилось величественно-грандиозным. Внизу виднелась дикая долина, а над нею, в двух милях от наших путешественников, зиял кратер Антуко. Вулкан этот, выбрасывая потоки пламени, пепла и дыма, ревел, как огромное чудовище. Окружавшие его горы, казалось, были объаты пламенем. Град раскаленных добела камней, клубы красноватого дыма, взлетающие струи лавы – все это сливалось в сверкающие снопы. И в то время как тускнеющее солнце, словно потухшее светило, исчезало во мраке горизонта, ослепительный, с каждой минутой усиливающийся свет вулкана заливал все вокруг своим заревом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.